Е. П. СИЛИН

КЯХТА
В XVIII ВЕКЕ

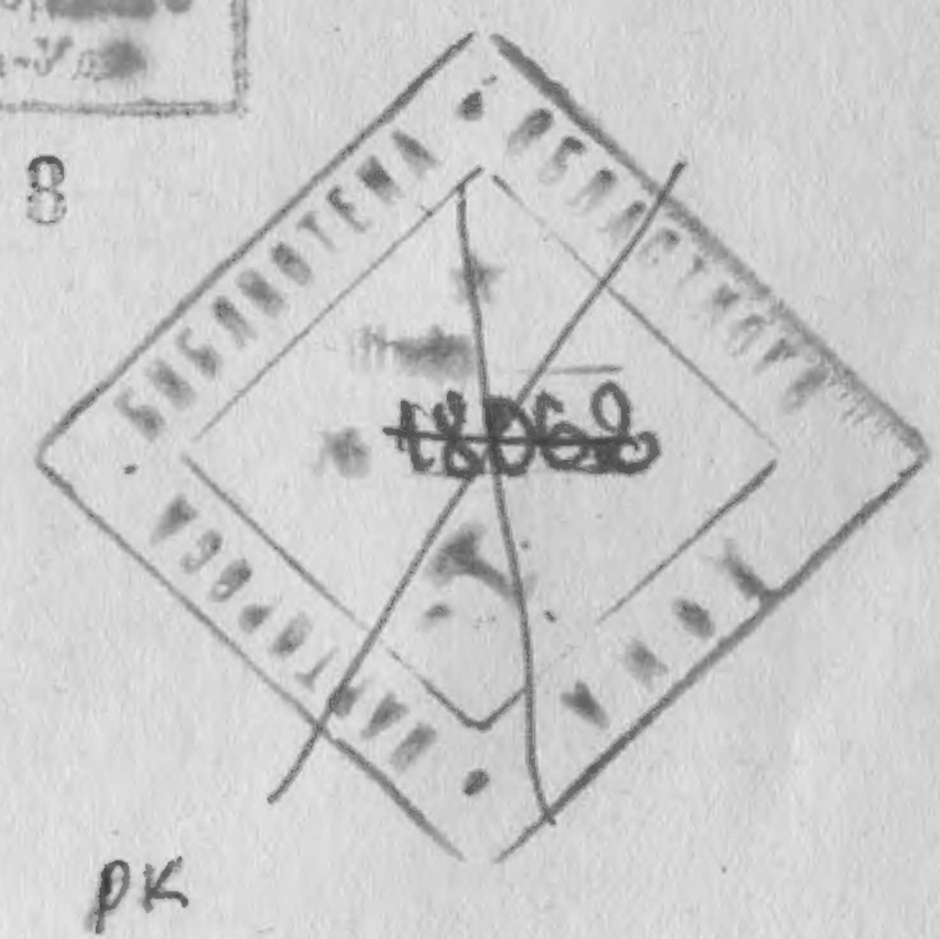

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

Е. П. СИЛИН

КЯХТА
В XVIII ВЕКЕ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка худ. Б. И. Лебединского
Отв. редактор Ф. А. Кудрявцев
Техн. редактор Т. М. Трушкина.

Сдано в набор 1 мая 1947 г. Подписано к печати 11 ноября 1947 г.
Печатных листов 12,75. Уч.-изд. 13,75.
НЕ 00331. Заказ № 1154. Тираж 5000.

Отпечатано в 12-й типографии треста „Полиграфкнига",
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа имеет целью представить историю русско-китайских торговых сношений через Кяхту в XVIII веке, а вместе с тем осветить основные моменты политических отношений России с Китаем, оказавших влияние на кяхтинскую торговлю, и показать, какое значение имела она для Европейской России и Сибири.

Кяхта с 60-х годов XVIII века вплоть до 90-х годов XIX столетия играла крупную роль для Сибири, важна она была и для Европейской России. Ряд российских городов, как например, Москва, Нижний-Новгород, Казань и другие имели связь с Кяхтой. Эти города не только получали через неё чай, шёлковые ткани, шёлк-сырец и прочие китайские товары, но сами возили в Кяхту сукно, ситец, плис, мишуру, металлические изделия, кожи и многое другое, предназначенное для Китая. В 60-х и 70-х годах XIX века несколько московских и владимирских суконных, хлопчато-бумажных и других фабрик работали, главным образом, на Кяхту. Оплата чая, закупленного в Китае, производилась переводами через Москву на Лондон и оттуда—на Кантон, Шанхай, Ханькоу. В то время Кяхта имела дела не только с Россией, Китаем и средне-азиатскими государствами, но и с Америкой. Недаром Карл Маркс, внимательно следивший за мировой торговлей, ещё в 50-х годах в своей работе «К критике политической экономии» уделил место Кяхте [1].

В XIX веке, когда Кяхта переживала период расцвета, она привлекала к себе внимание русских исследователей. В то время о ней было написано довольно много специальных работ. К ним, прежде всего, нужно отнести труды Корсака «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем», Самойлова «Историческое и статистическое исследование о Кяхтинской торговле», Крита «Будущность кяхтинской торговли», Трусевича «Посольские и торговые сношения России с Китаем» и ряд других работ.

Широко освещался кяхтинский вопрос и в периодической печати. Так, в «Северной Пчеле», «Журнале мануфактур и торговли», «Сибирском Вестнике», «Коммерческой Газете» и в

---

[1] К. Маркс. «К критике политической экономии». Партиздат, 1935, стр. 81.

других периодических изданиях часто помещались статьи о Кяхте. В 90-х годах XIX века, в связи с начавшимся упадком кяхтинской торговли, о ней появляются лишь небольшие очерки и воспоминания.

Во всех названных исследованиях о кяхтинской торговле, за исключением работы Трусевича, больше внимания уделено XIX веку, времени её расцвета, а XVIII век, т. е. ранняя история Кяхты, представлен скудно. Между тем, с момента своего возникновения Кяхта была главным и постоянным пунктом торговых сношений Европейской России и Сибири с Китаем. Во второй же половине XVIII века кяхтинская торговля стала фактором, оживляющим экономическую жизнь обширной сибирской территории, особенно её восточной части. В этот период Кяхта занимала первое место в русско-азиатском торге и играла значительную роль во всей внешней торговле России. Вот почему история Кяхты в XVIII веке представляет для нас немалый интерес.

При составлении данной работы автор использовал печатные труды и источники, а также ряд неопубликованных документов и материалов, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области. Особенно широко использованы труды XVIII в. как-то: Чулков «Историческое описание российской коммерции», Паллас «Путешествие по разным провинциям Российского государства», Радищев «Письмо о китайском торге» и другие, которые носят характер первоисточников.

Настоящая работа является частью большой задуманной работы—представить полностью историю Кяхты в несколько новом освещении, так как автор полагает, что изучение истории кяхтинской торговли, связанных с нею дипломатических отношений Российского государства с Китаем и оценки её русскими экономистами представляет ценность для истории народного хозяйства, русской дипломатии и экономической мысли в России

Эти вопросы всё больше и больше привлекают внимание советской науки.

Автор выражает глубокую благодарность члену-корреспонденту Академии наук СССР проф. С. В. Бахрушину за ценные указания, по которым были внесены существенные изменения и дополнения в книгу; доцентам Ф. А. Кудрявцеву, М. А. Гудошникову, Е. М. Залкинду, директору Бурят-Монг. НИИКЭ Г. Ц. Бельгаеву за содействие в работе; начальнику Иркутского областного управления государственных архивов П. М. Ясневу за любезное представление архивных фондов; сотруднику Иркутского областного музея И. В. Арембовскому и работникам иркутских библиотек А. Н. Кузнецовой, Л. К. Жилкиной, Н. С. Бер, О. Г. Троицкой за своевременное и полное обеспечение литературой.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Русско-китайские торговые сношения, оформленные договором, начались с конца XVII века, когда в России уже имели достаточно сведений о Китае, как о богатой стране, изобилующей всякого рода товарами.

«Весьма возможно,—пишет М. Андреев,—что первые сведения о Китае были получены на Руси ещё в конце монгольского нашествия, когда русские князья ездили на поклон в орду к монгольским ханам; но этих сведений в русской литературе как-будто бы не сохранилось» [1].

Начиная с 1243 года, [2] русские князья принуждены были посещать ставку хана Золотой Орды, где они получали «ярлыки» на право княжения, но некоторые из них, по ханской воле, ездили в далёкую Монголию на поклон и утверждение к верховному хану. Первым посетил Монголию сын великого Владимирского князя Ярослава Константин, «но присутствием сына,—пишет С. М. Соловьёв,—не удовлетворились; в 1245 году Константин возвратился в Русь, и отец его Ярослав должен был сам отправиться в Татарию, где в августе 1246 года был свидетелем воцарения Куюка, сына Угедеева» [3]. Несколько позже Золотую Орду посетили Александр Невский и его брат Андрей, а оттуда они оба ездили, «по обычаю, в Татарию» [4].

В то время у хана Золотой Орды и особенно у верховного хана в Каракоруме среди лиц, окружающих ханскую особу, были китайские чиновники, занимавшие ответственные государственные должности, например, у Угедея исполнял обязанности министра финансов китаец Елюй-Чуцай. Русские князья при посещении ханских ставок, вероятно, встречали там китайцев и, возможно, получили кое-какие сведения об их стране.

Такие же встречи с китайцами могли быть и у русских купцов, которые уже во второй половине XIII века спускались

---

[1] М. Андреев. «Из истории сношений России с Китаем» (XVII—XX в.в.) «Северная Азия», 1925 г., кн. 5—6, стр. 53.

[2] В Лаврентьевской летописи под 1243 г. читаем запись: «Великий князь Ярослав поеха в татары к Батыеви»... Лаврентьевская летопись, 1897 г., стр. 452.

[3] С. М. Соловьёв. «История России с древнейших времён», том III, изд. 5-ое, Москва, 1880, стр. 177.

[4] Там же, стр. 182.

на торговых судах в низовья Дона и Волги, бывали в Сарае, где даже открыли отдельную епархию. В конце XIII, особенно в первой половине XIV века крупные золотоордынские города славились обширными базарами, на которых можно было найти товары, привезённые из Средней Азии, Кавказа, Ирана, Китая и других мест, и услышать говор на многих языках мира. Действительно, характерной особенностью золотоордынского рынка являлась его интернациональность [5]. Китайские товары доставлялись в Золотую Орду главным образом из центральной Монголии, но часть шла непосредственно из самого Китая. Поэтому весьма вероятно, что среди иностранных купцов, торговавших в Золотой Орде, встречались китайские купцы.

В начале XV века некоторые русские купцы встречали китайцев уже на далёких восточных рынках. Так, в 1404 году русских видели в Самарканде, где их «замечали наравне с купцами Индии и Китая: следовательно, их торговля была довольно почтенная» [6]. Эти встречи с китайцами, несомненно, дали отдельным русским людям, хотя отрывочные и весьма неясные, но любопытные сведения о Китае. Интерес к Китаю должен был возникнуть у русских потому, что в то время в Самарканд, как указывал посланник Кастилии Руи Гонсалес де-Клавихо, живший тогда при ханском дворе, прибывали из Пекина караваны, груженные китайскими товарами: шёлком, ревенем, драгоценными камнями, мускусом и многими разными пряностями. По его словам, китайские товары были «дороже и лучше всего», что доставлялось на самаркандский рынок из других стран [7].

В XVI веке московское правительство имело уже представление о Китае, как о богатой стране. Эти сведения получали как от русских купцов, так и от иностранцев. Последние приезжали ко двору московского царя и домогались всевозможных привилегий для торговли с Китаем. Например, в 1557 году к Ивану Грозному явился англичанин Антоний Дженкинсон, уже ранее бывавший в Московском государстве, и предложил царю открыть торговую дорогу через русские земли на Бухару, а оттуда—в Китай. Он был уверен в осуществимости этого плана, так как в то время ходил слух о том, что из Китая в Бухару привозят разные товары. Грозный дал ему разрешение на свободный проезд до Астрахани и даже снабдил предприимчивого путешественника рекомендательными письмами к правителям закаспийских государств. Дженкинсону удалось благополучно добраться до Бухары, но там его ждало разочарование:

---

[5] Греков и Якубовский. «Золотая Орда», Ленинград, 1937, стр. 113 и 117.

[6] Аристов. «Промышленность древней Руси», СПБ, 1866, стр. 194, примеч. 601.

[7] «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук», том XXVIII, СПБ, 1881.

он узнал, что караваны из Китая в бухарскую землю уже перестали ходить. Однако, «смелый путешественник и ловкий торговец А. Дженкинсон не упустил случая во время пребывания в Бухаре собирать сведения о путях, ведущих в Китай» [8].

По известиям, помещённым в IX томе «Истории Государства Российского» Карамзина, Иван Грозный, «желая узнать и страны дальнейшия, для того в 1567 году послал двух атаманов: Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на юг» [9]. Казаки по возвращении домой якобы представили «роспись» всем виденным ими государствам, в том числе и китайскому государству. Мнение Карамзина о первом русском путешествии в Китай утвердилось. Однако, отдельные историки выражали сомнение в его достоверности. Так, например, Трусевич в 1882 году высказал мысль о том, что данное посольство едва ли было в Китае. Своё сомнение он выразил на том основании, что существует известие о путешествии в Китай казака Ивана Петлина в 1618 году, статейный список которого имеет большое сходство с рассказом Петрова и Ялычева, «сходством не только в начале своём, не только в описании народов, стран и городов, но даже в именах; в промежутке 52 лет царствуют одни и те же личности, Мончика в Монголии и Тайбун в Китае»[10]. Заметим, что это сходство позволило Карамзину сделать противоположный вывод, что «сей Петлин, вероятно, не был в Китае, а списал донесение атаманов Ивана Петрова и Ялычева». Одновременно с Трусевичем высказал своё мнение Флоринский. Он считал, что «роспись» двух казаков была составлена уже после завоевания Сибири, так как ряд выражений, встречающихся в ней, как, например, «тобольские татары», «алтын-хан» и другие, стали известны русским только в XVII веке[11]. Но и после этих возражений вопрос об истинности первого русского путешествия в Китай оставался нерешённым. Ещё в 1910 году Кюнер, ссылаясь на Карамзина, упомянул о путешествии Петрова и Ялычева, как о факте, не подлежащем сомнению [12]. Только в 1914 году Ф. И. Покровский правильно разрешил этот вопрос. Он пришёл к выводу, что никакой поездки двух казаков в Китай при Иване Грозном не было, и что «имена Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, равно как и 1567 год их мнимого путешествия, представляют, вероятно, догадку редактора хронографа, которому необходимо было при включении в состав хроногра-

---

[8] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Перевод с английского Ю. В. Готье, 1938, стр. 19.

[9] Карамзин. «История Государства Российского», том IX, стр. 373.

[10] Трусевич. «Посольские и торговые сношения России с Китаем», Москва, 1882, стр. 2.

[11] Бантыш-Каменский. «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год». Изд. В. М. Флоринского, Казань, 1882, стр. 515.

[12] Н. В. Кюнер. «Новейшая история стран Дальнего Востока», часть 2, вып. 3, Владивосток, 1910, стр. 2.

фа анонимного и не датированного путешествия приурочить его к определённому времени и имени». Покровский сумел совершенно реабилитировать память казака Петлина от незаслуженного обвинения и доказать, «что он действительно первый из русских людей посетил в 1618 году Китай и ему именно, а не атаманам Ивану Петрову и Бурнашу Ялычеву, принадлежит описание этого путешествия» [13].

Поездка Петлина в Китай состоялась тогда, когда русские уже прочно укрепились в Сибири. По мере этого укрепления у московского правительства, а особенно у сибирских воевод, росло желание поближе познакомиться с государствами, граничащими с вновь приобретённой русской территорией. «От туземцев, населяющих Сибирь,—пишет М. Андреев,—повидимому, были получены кое-какие сведения и о Китае; возможно, что эти сведения были неверны и фантастичны, но чем более было в них фантазии, тем более они разжигали любопытство и желание подробнее узнать про загадочную страну, которая известна была русским под названием «Китай» [14]. Сталкиваясь с монголами, русские казаки нашли у них первые китайские товары, часть которых ранее совершенно не была известна русским. Так, в 1616 году атаман Василий Тюменец и десятник Иван Петров ездили в ставку монгольского алтын-хана с предложением ему «быть в милостивом жаловании под высокой царской рукою». Казаки при дворе алтын-хана встретили посланника от «жёлтого царя», т. е. от китайского императора. Монголы рассказали казакам много интересного о Китае и показали китайские вещи: шёлковые ткани, золотые кубки и свечи «неведомо какие». Алтын-хан угощал их чаем, сваренным с топленым молоком и маслом. Это посольство доставило в Москву первые образцы китайского чая. Занимательные рассказы монголов о Китае и китайские вещи возбудили огромное любопытство в Тюменце, и он, не задумываясь, отправился в Китай. Однако, по неизвестным для нас причинам, Тюменец в Китае не побывал.

В 1618 году тобольский воевода Куракин снарядил новое посольство, но не к алтын-хану, а в Китай. «Ему вздумалось наведаться об обстоятельствах сей земли не через чужие известия, но через искусство своих сограждан» [15]. Во главе посольства был поставлен Иван Петлин.

По рассказу Петлина, ему удалось не только добраться до Китая, но и побывать в его столице—Пекине. Хотя до китайского императора он не был допущен из-за отсутствия «по-

---

[13] Ф. И. Покровский. «Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.), «Известия отд. русского языка и словесности Имп. Академии Наук», том. XVIII, кн. 4, СПБ, 1914, стр. 258 и 260.

[14] Андреев, стр. 54.

[15] И. Фишер. «Сибирская история», СПБ, 1774, стр. 267.

ников», т. е. подарков, однако, сумел заполучить какую-то грамоту, якобы приглашающую русских посещать Китай. По возвращении на родину Петлин составил довольно подробный отчёт обо всём виденном в Китае, расширивший знания русских об этой стране.

Трудно сказать, к какому времени относятся первые сведения китайцев о России, но во всяком случае в китайских источниках, составленных в начальный период царствования маньчжурской династии (сороковые годы XVII века), упоминается кое-что о России; например, сообщается, что при Иване Грозном сибирские народы под названием «югры» присылали ему дань соболиными мехами и что русское государство в то время состояло из четырёх больших провинций, в числе которых упоминается и «Си-би-рэ» (Сибирь). Следовательно, Китай в XVII веке проявлял интерес к России и её прошлому. Пожалуй, этот интерес являлся результатом поступательного движения русских на восток, в глубь Сибири.

Первоначально о русском продвижении на восток китайцы знали мало. Всё же их источники содержат кое-какие сведения об этом. В одной из китайских летописей, как указывает Паркер, было сказано, что между 1522 и 1567 годами русские покорили хана «Кючэна» и оттеснили его к северу от Алтайских гор и это привело китайцев в соприкосновение с племенами татар и телеутов [16].

Прочно утвердившись в Западной Сибири, русские продолжали продвигаться на восток и, наконец, проникли на Байкал. В 1643 году отряд русских казаков, под командованием Пояркова, достиг устья Амура, а в 1649 году там появился Хабаров, которому и пришлось столкнуться с китайцами. Такая близость к Китаю, естественно, должна была вызвать оживление сношений между Китаем и Россией.

Первое строго официальное посольство непосредственно от царя Алексея было отправлено из Москвы в Китай в 1654 году. Во главе его стоял тобольский сын боярский Байков, которому была дана царская грамота к китайскому императору. В этой грамоте русский царь выражал желание быть с богдыханом «в крепкой дружбе и пересылке». Цель посольства сводилась к тому, чтобы завязать дипломатические сношения с Китаем и выяснить возможность установления с ним торговых связей. О последней задаче посольства свидетельствует письменный наказ, данный Байкову, состоявший из следующих пунктов: точно установить путь в Китай; выяснить, делают ли китайцы сами шёлковые ткани или к ним их привозят; кто из иностранцев приезжает в Китай и какие товары они там продают; постараться определить, какие товары в будущем при-

[16] Паркер. «Китай, его история, политика и торговля с древнейших времён до наших дней», СПБ, 1903, стр. 228.

возить из России и на какую сумму, и будет ли от этого прибыль; купить в Пекине разных товаров и привезти их в Россию как образцы.

Для ведения торговых операций Байков получил в Москве 50 тысяч рублей. Часть денег он истратил на месте, закупив разные русские товары. В Сибири ему пришлось купить китайские вещи, привезённые туда частными купцами из пограничных мест. Эти вещи он отослал в Москву. Там же Байков, «несомненно, покупал русские товары для дальнейшей мены как по дороге в Китай, так и самом Китае».[17] Посольство отправилось в далёкий путь в сопровождении большого числа частных купцов. Всего в караване, прибывшем благополучно в Пекин в 1656 году, было 100 человек. Однако поездка Байкова не имела политического успеха: пекинское правительство отказалось установить дипломатические сношения с Россией, чему, несомненно, помешали происходившие в то время столкновения русских казаков с китайскими властями на Амуре, который маньчжурская династия, правившая в Китае с 1644 года, считала своим. Но путешествие Байкова не прошло даром: он открыл караванный путь из Сибири в Китай и привёз много ценных сведений об этом государстве.

В 1658 году московское правительство отправило в Пекин для «торгового промыслу» сына боярского Ивана Перфильева и бухаретина Секул Аблина. Приказ Большой Казны выдал им для торговых операций 750 рублей. На эти деньги они закупили в Москве и Сибири разные русские товары, с которыми отправились в Китай. В конце 1662 года Перфильев возвратился в Москву и привёз с собою китайских товаров на сумму 1057 рублей, т. е. дал казне прибыли около 300 рублей. «Эта поездка,—говорит Курц,—носила характер разведок, как и посылка Байкова, но уже с чисто торговыми целями»[18].

В 1668 году царь Алексей послал в Китай того же Секул Аблина. Товары, отправленные с ним, были оценены в 4540 рублей. Имея опыт в азиатской торговле, Аблин выгодно продал русские товары в Пекине. В 1672 году он возвратился в Москву и привёз с собою из Китая «серебро, каменье и иные товары»[19] общей стоимостью более чем на 18.700 рублей. Таким образом, караван Аблина принёс казне прибыль в 14.212 рублей. Это был первый и довольно крупный успех России в торговле с Китаем.

Удачные торговые операции, проведённые Аблиным в Пекине, обрадовали московское правительство. С этого времени оно стало смотреть на Китай, как на хороший рынок для сбыта

[17] Курц. «Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII столетии», «Новый Восток» № 23—24, 1928, стр. 333.

[18] Курц, стр. 333.

[19] Чулков. «Историческое описание российской коммерции». Москва, 1785, том II, кн. 2.

русских товаров. Действительно, в тот период Россия была заинтересована в установлении нормальных торговых сношений с Китаем. Эксплоатация Сибири давала большое количество пушных богатств. Пушнина вывозилась в Россию, где спрос на неё был не особенно велик. За границу через Архангельск её шло немного: Аравия, Персия, Турция и Греция не могли потребить всех видов этого товара, доставляемого им Россией; жалованье «мягкой рухлядью» служилым людям было небольшое. Вот почему внутри России всегда оставалось большое количество непроданной пушнины. Соседство Китая с Сибирью представляло немалые выгоды для русской торговли, во-первых, потому, что китайцы охотно обменивали свои товары на пушнину; во-вторых, близость китайских рынков от мест добычи пушнины сокращала расходы по её перевозке и, до некоторой степени, гарантировала товар от возможной порчи и, в-третьих, взамен излишних мехов Россия могла получить дорого стоящие китайские материи, которые в то время в России не вырабатывались, а также серебро, лекарства и другие товары.

Учитывая все эти выгоды, русское правительство решило поставить торговые сношения с Китаем на широкую ногу и для успеха государственной торговли оно «вступило в борьбу с частным торговым капиталом и частной предприимчивостью». В 1672 году сибирской администрации был отдан приказ о конфискации товаров у всех лиц, торгующих с Китаем. Одновременно были приняты меры к отысканию наиболее удобных путей в Китайское государство. Заметим, что ранее посылавшиеся караваны Байкова, Перфильева и Аблина ходили по мало удобному и притом опасному, в смысле всяких грабительских нападений, пути. Путь этот шёл от Тобольска по реке Иртышу к его истокам, затем по Джунгарии, т. е. через земли калмыков, по степям и пустыням Гоби-Шамо, а оттуда уже по собственным китайским владениям к Пекину.

В августе 1674 года приказчик крупного московского гостя Астафья Филатьева Гавриил Романович Никитин по заданию своего хозяина отправился с торговыми целями в Китай. Он избрал путь, который шёл от Селенгинского острога через монгольские степи. «Это был,—пишет С. В. Бахрушин,—кажется, первый русский караван, проникший в Срединную империю и разрушивший легенду о непроходимости монгольских пустынь; в состав его входило 40 служилых и торговых людей»[20].

Караван благополучно прибыл в столицу Китая, где русских сочли за послов России, хотя они и уверяли, что приехали сами по себе и только для ведения торговли. Китайцы оказали Никитину и его спутникам весьма радушный приём; отвели им подворье, снабдили продуктами и фуражом, три дня устраива-

[20] С. В. Бахрушин. «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае», Труды института истории. Сборник статей. Вып. I, «Раннон», Москва, 1926, стр. 359.

ли для них обеды, которые проходили во дворце богдыхана, наконец, они были приняты китайским императором. Никитин получил право вести торговлю в самом Пекине в течение семи недель, «но торг был плохой ввиду войны с Никанским царством (Южным Китаем). Затем предложено было русским ехать вон»[21].

Караван 1674 года, руководимый Никитиным, был первым частным караваном, ходившим самостоятельно в Пекин. Он фактически открыл новый торговый путь, но им стали пользоваться широко только с 40-х годов XVIII века, когда русско-китайская торговля через Кяхту приобрела весьма важное значение.

В 1675 году из Москвы было отправлено в Китай новое посольство под начальством молдавского грека Николая Спафария, служившего переводчиком в Посольском приказе. Ему было поручено утвердить взаимные сношения между обоими государствами и заключить с китайским правительством договор о торговле, а вместе с тем ещё раз испытать выгоду китайского торга, для чего за ним должен был последовать из Тобольска казённый караван. Московское правительство рекомендовало Спафарию отправиться в Пекин путём Байкова, а вернуться в Россию через Туркестан, выйдя на Астрахань.

Этот широкий замысел выполнить удалось только знаменитому русскому путешественнику Н. М. Пржевальскому через два века после Спафария. Впрочем, Спафарию разрешалось, смотря по обстоятельствам, изменить предуказанный ему маршрут. По приезде в Тобольск, посланник узнал от русских и бухарских купцов, что наиболее удобный путь в Китай идёт по сибирским рекам до Нерчинска. Спафарий решил отправиться этим путём.

Посольство оставило Тобольск 2-го мая и поплыло на дощаниках вниз по Иртышу до с. Самарова, а потом—вверх по Оби до устья Кети. Поднявшись по этой реке до Маковского острога, оно волоком перебралось в Енисейск; проплыв немного вверх по Енисею, вышло в Ангару и по ней достигло Байкала. Озеро Байкал посольство перешло на гребях подле западного его берега и высадилось на восточном берегу при устье Селенги, по которой добралось до Селенгинского острога. Здесь Спафарий купил верблюдов и через степи двинулся на Нерчинск. По словам самого Спафария, это был новый путь, по которому «прежде сего никто не бывал». 4-го декабря посольство благополучно прибыло в Нерчинск. Таким образом, весь путь от Тобольска до Нерчинска был пройден за семь месяцев[22].

[21] С. В. Бахрушин. «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае», стр. 360.

[22] Г. Потанин. «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году» извлечено из журнала Министерства народного просвещения, стр. 302.

Из Нерчинска посольство направилось в город Цицикар и далее в Пекин, куда прибыло в мае 1676 года. Из Тобольска вслед за Спафарием вышел караван с пушными товарами. В Пекине чиновники двора предложили русскому послу выполнить ряд унизительных церемоний во время его представления императору Канг-хи, на что Спафарий согласился и был допущен на приём к богдыхану, но на приёме церемонии выполнял вяло, «клонился плохо и шёл тихо». Богдыхан после официального приёма пригласил Спафария на обед. После обеда Канг-хи поинтересовался, насколько искушён в науках русский посол, в частности—в астрономии, и попросил гостя показать на небе золотой рог, на что Спафарий отвечал: «я на небе не бывал и имён звёздам не знаю». После аудиенции богдыхан приказал послать русскому царю подарки и грамоту. Во время получения подарков Спафарий не выполнил китайских церемоний: он принимал их не на коленях, а стоя в полный рост. Но китайцы простили ему это и подарки вручили. Когда же Спафарий отказался выслушать грамоту богдыхана, стоя на коленях, а также решить вопрос о выдаче тунгусского князя Гантимура, перешедшего в пределы России, мотивируя отказ в последнем требовании отсутствием соответствующих полномочий, то китайские чиновники прекратили переговоры, грамоты не вручили и предложили посольству оставить Пекин.

Во время переговоров торговля товарами, привезёнными в Пекин русским караваном, шла плохо. Китайские купцы, по соглашению между собою, за русские товары давали дешёвую цену, свои же товары отпускали по дорогой цене, что заставило русских часть привезённого возвратить обратно в Тобольск, при этом они понесли некоторые убытки.

Перед отъездом из Пекина Спафарий ещё раз встретился с китайскими чиновниками, которые сказали ему, чтобы он словесно передал своему царю «три дела»: первое—выдать китайцам Гантимура; второе—если русский царь впредь будет присылать в Пекин послов, то, чтобы наказал им подчиняться всем китайским требованиям; третье—чтобы запретил казакам, живущим на рубежах, совершать набеги на владения Китая. «Если,—говорили китайцы,—царское величество эти три статьи исполнит, то и богдыхан исполнит его желание, в противном случае, чтобы никто из России и из порубежных мест в Китай с торгом и ни с какими делами не приходил» [23].

Посольство Спафария, не достигнув поставленной перед ним цели, возвратилось в 1677 году в Москву.

В восьмидесятых годах XVII века китайское правительство, не получая ответа на свои требования, предъявленные во время

[23] Соловьев, том XII, стр. 321.

посольства Спафария, пыталось действовать силой оружия. Оно стало готовить в Маньчжурии суда для перевозки войск, закупать для них провиант и лошадей, заселять прилегающие к Амуру местности военными колонистами и строить укреплённые пункты.

Весной 1685 года китайские войска, предварительно разорив русские остроги и зимовья на Амуре, Зее и Селенге, напали и осадили город Албазин. В то время в Албазине находилось всего 120 казаков, а в его округе жило до 500 крестьян [24]. Но сам острог был укреплён довольно хорошо. По известию 1674 года, он имел большую деревянную башню с нагорной стороны и две таких же с реки Амура. «Под первою были ворота, а над ними приказная изба, на ней же караульня, в двух прочих башнях сделаны были жилые покои, или казармы, и над ними учинено приготовление, чтобы оттуда было защищать острог в случае неприятельского нападения. Внутри острога не находилось больше ничего, кроме одной житницы. Казармы гарнизонные стояли вне острога с нагорной стороны, около коих поставлены были надолбы» [25].

На осаду Албазина китайское командование бросило около 15 тысяч солдат, которые имели 50 ружей и 100 полевых и осадных пушек. Основным вооружением пехоты были луки и сабли. Командовал китайскими войсками генерал Лан-Та-Ню.

Китайцы послали албазинцам грамоту, в которой предлагали сдаться без боя. Воевода Албазина Алексей Толбузин на предложение китайцев не ответил, и 4-го июня началась осада острога.

Сначала китайцы были отброшены храбрым гарнизоном, но, перегруппировав силы, они возобновили осаду. Китайцы пушечной стрельбой разбили башню, а ракетами подожгли хлебные амбары. Казаки отчаянно защищались, но боевые припасы у них скоро истощились. Жители Албазина, убедившись в невозможности держаться до конца, решили пойти на капитуляцию при условии свободного отступления к Нерчинску. Условие было принято неприятелем, но 25 русских при этом должны были отдаться китайцам в качестве военнопленных и были отправлены в Пекин. Они и явились теми самыми албазинцами, потомки которых ещё и теперь проживают в Китае.

Взяв Албазин, китайцы разрушили его и ушли из Приамурья. Но история Албазина на этом не завершилась.

В том же году в Нерчинске собрались вновь прибывшие ратные люди. Нерчинский воевода Иван Власов, боясь потери «государской Даурской земли», решил вернуть казаков и пашенных крестьян обратно на Амур. Уцелевшим албазинцам, по

[24] Васильев. «Забайкальские казаки», том I, Чита, 1916, стр. 18.

[25] «Ежемесячные сочинения к пользе и к увеселению служащие», сентябрь 1757 г., СПБ, изд. Академии наук, стр. 197.

их просьбе, воеводою вновь был назначен Толбузин, который быстро восстановил разрушенный Албазин и уже в марте 1686 года отправил казаков из Албазина вниз по Амуру «для проведывания неприятеля». Казаки встретили китайский отряд и разбили его.

Китайские пограничные власти получили приказ вновь взять Албазин, и в июле 1686 года восьмитысячная китайская армия с 40 пушками, поддержанная флотилией, возобновила осаду. Толбузин не имел достаточных сил и вооружения, но всё же не принял предложения китайцев сдаться и приступил к обороне.

В разгар этой неравной, героической борьбы храбрый Толбузин был ранен в ногу и вскоре умер. Потеря предводителя не ослабила боевого духа казаков, и они с прежней отвагой и мужеством продолжали сопротивляться. Осада Албазина затянулась до ноября, когда, с наступлением морозов, китайцы несколько отошли от острога и стали держать его в состоянии блокады.

В мае 1687 года китайцы прекратили блокаду и отступили от Албазина. Это обстоятельство объясняется тем, что во время борьбы за Албазин богдыхан настоятельно требовал от русского правительства организации съезда послов для определения границ и установления нормальных отношений между пограничными жителями, на что Москва дала своё согласие.

Защита Албазина является одной из ярких страниц в истории русского народа, как проявление с его стороны подлинного мужества и героизма в борьбе с противником, силы которого во много раз превосходили силы русских.

Пётр I для переговоров с китайцами назначил полномочным послом Ф. А. Головина, которому дал такой наказ: 1) Доказать, что приамурские жители издавна платили ясак русским. 2) Установить границу с Китаем по Амуру; если китайцы этого не захотят, тогда—по реке Быстрой и Зее, но если и на этот счёт будут большие возражения—согласиться по Албазин, в противном случае «поступить военною рукою». 3) Требовать от китайского правительства вознаграждения за разрушенный Албазин и другие русские остроги, но особенно не настаивать с тем, чтобы этим показать дружественные намерения к Китаю. 4) Установить торговые сношения.

В конце марта 1686 года Головин прибыл в Тобольск, а оттуда направился на китайскую границу. Местом переговоров сначала был назначен Селенгинск, а потом—Нерчинск. 12-го августа 1687 года около Нерчинска начались переговоры. Многочисленное китайское посольство явилось с несколькими отрядами войск и артиллерией. Девять раз представители договаривающихся сторон собирались на совещания, но придти к соглашению не могли. Тогда китайцы стали грозиться, что они прибегнут к оружию, если русский посол не пойдёт на уступки. Лишённый достаточных средств защиты против превосходящих

сил противной стороны, Головин вынужден был уступить и принять условия, предложенные китайцами. 27-го августа 1689 года обе стороны подписали договор, получивший название Нерчинского трактата.

Из всех пунктов, изложенных в наказе, Головину удалось добиться внесения в трактат только одного пункта о торговле, который гласил: «Каким-либо ни есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешния начатия дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и объезжати и до обеих государств добровольно, и покупать и продавать, что им надобно, да повелено будет» [26].

Нерчинским трактатом была разрешена и судьба Албазина. По этому трактату решили: «Город Албазин, который построен был со стороны царского величества, разорить до основания, и тамо пребывающие люди со всеми при них будущими воинскими и иными припасами да изведены будут в сторону царского величества и ни малого убытка или каких малых вещей от них тамо оставлено не будет» [27].

Албазин был разорён до основания. Около 70 албазинцев вышли в Нерчинск, куда прибыли только в 1691 году. Вместе с падением Албазина к Китаю отошло целиком всё русское Приамурье. Это была большая потеря для России.

Несмотря на неудачу, Головин по возвращении в Москву был приветливо принят Петром I и вскоре назначен послом в Голландию. Это обстоятельство даёт основание предполагать, что Головину перед отъездом к границе Китая было дано тайное указание, в силу которого он уполномочен был идти на уступки, лишь бы установить торговые связи с Китаем. Это, до некоторой степени, подтверждается тем фактом, что Головин сразу же после подписания договора, «не ссылаясь с Москвою», прямо «из разрядного шатра» поспешил отпустить для торгу «в Китаи» караван из служилых и торговых людей» [28].

Укажем, что Россия, заключив с Китаем Нерчинский договор, первой из всех европейских государств вступила с ним в сношения на договорных началах, обеспечивающих свободу взаимной торговли.

По заключении этого договора русское правительство энергично взялось за организацию караванного торга. Для того, чтобы обеспечить успех государственной торговле, оно приняло новые меры по борьбе с русскими частными купцами, вывозившими на китайский рынок свои товары. В 1690 году был издан строгий указ, запрещающий пропускать в Китай кого-либо без проезжих грамот.

---

[26] «Договоры России с Китаем и Японией», вып. I, изд. в Иркутске в 1880 г., стр. 3.

[27] Там же, стр. 2.

[28] Проф. С. В. Бахрушин. «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках». Москва, 1928, стр. 192.

Нужно заметить, что грамоты давались преимущественно крупным купцам. Но известны случаи, когда при их содействии получали право на проезд в Китай и средние купцы. Так, например, в 1695 году устюжский торговый человек Брюхов с помощью богатого московского гостя Гаврилы Романовича Никитина добыл себе проезжую грамоту в Пекин[29].

В 1692 году правительство приступило к снаряжению нового казённого каравана. Во главе его был поставлен датчанин Елизарий Избрандт, который весной 1692 года выехал из Москвы. В начале августа он прибыл в Тобольск, где получил [illegible] рублей казённых денег. С караваном Избрандт направился в Аргунский острог, а оттуда через [illegible] в Пекин. На русской границе к каравану примкнуло много частных купцов. Всего в столицу Китая с Избрандтом отъехало служилых, торговых, промышленных и работных людей 175 чел. Капитал частных купцов в этом караване был равен примерно 17.000 рублей. Распродажа русских товаров на пекинском рынке прошла весьма удачно. Избрандт вывез из Китая в Сибирь принадлежащих казне разных китайских предметов на 12.000 рублей. Следовательно, его караван принёс прибыли 7.600 рублей[30].

Удачный результат Избрандта способствовал расширению государственной торговли с Китаем. В Пекин из России отправлялись казённые караваны с соболиною казною и иной мягкой рухлядью для продажи, а назад [illegible] китайских [illegible] товаров. В 1698 году в Китай был отправлен государственный караван под управлением казённого «купчины» Лянгусова, уже ранее бывавшего с торговыми целями в Китае. Оборотный капитал этого каравана равнялся 44.000 рублей. Караван вывез из Пекина разных китайских товаров на 65.000 рублей, т. е. дал дохода казне 21.000 рублей. Вместе с Лянгусовым в Китай ездили частные купцы, и товары, доставленные ими на пекинский рынок, оценивались в [illegible] рублей. Следовательно, в караване Лянгусова государственный капитал значительно преобладал над частным. В 1700 году в Пекин пошёл новый караван во главе с купчиною Боковым, который вывез туда русских товаров на 32.000 рублей, а привёз китайских на 76.000 рублей, т. е. получил прибыли 44.000 рублей. В Нерчинске к каравану Бокова примкнули ожидавшие его частные купцы. Всего выехало из Нерчинска [illegible] служилых, торговых и работных людей.

До конца первой четверти XVIII века, кроме названных двух караванов Лянгусова и Бокова, в Китай было послано

[29] Проф. С. В. Бахрушин. «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае», стр. 370.

[30] Курц, стр. [illegible].

[31] Бантыш-Каменский, стр. [illegible].

ещё восемь государственных караванов[32]. Некоторые из них дали даже довольно значительную прибыль. Это можно видеть из таблицы 1.[33]

Таблица 1

Годы отправки караванов	Отправлено с караваном мягкой рухляди и других товаров	Получено прибыли от китайских товаров	Получено пошлины с торговых людей за их товары
1702 год . . .	На 47.000 руб.	49.000 руб.	56.640 руб.
1704 " . . .	" 29.879 "	55.000 "	22.029 "
1706 " . . .	" 184.000 "	270.000 "	—
1707 " . . .	" 142.000 "	223.000 "	—

Но русское правительство не было удовлетворено получением такой прибыли, оно стремилось увеличить её. Однако, в этом стремлении правительство встретило серьёзное препятствие—конкуренцию со стороны частных караванов. В то время частная торговля с Китаем не только не уменьшалась, а, наоборот, быстро развивалась. Правительственное запрещение отпускать купцов в Китай без разрешения Москвы натолкнулось на большие трудности. В Нерчинск, который в тот период стал основным складочным местом русско-китайской торговли, каждый год съезжалось много купцов, с нетерпением ожидавших пропуска на китайские рынки. «Получалось,—пишет Курц,—положение, при котором нельзя было не пропускать в Китай приехавших из «русских» (Вост. Евр.) или сибирских городов купцов, так как их меховые товары от лежания портились, и казна теряла доход от таможенных поступлений; купцы, кроме того, не имели возможности кормиться в Нерчинске, ожидая распоряжений из Москвы, и т. п. Поэтому нерчинские воеводы зачастую сами нарушали декреты центра и время от времени пропускали частные караваны в Китай тем более, что решение Москвы 1695 года—регулярно, именно каждый год, посылать в Пекин казённые караваны—не было осуществлено вследствие громадных технических трудностей, непреодолимых в ту пору»[34].

В конце XVII века, кроме упомянутых казённых караванов, в Пекин самостоятельно ходили ещё два частных каравана,

[32] Подробный материал о караванном торге за первую половину XVIII века можно найти в работе проф. Б. Курца, «Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII столетия», Киев, 1929; и в труде французского учёного Каена, «История сношений России с Китаем при Петре I». (Cahen. «Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand», Paris, 1912).

[33] Данные взяты из книги Семёнова «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», часть III, СПБ, 1859, стр. 197.

[34] Курц, стр. 236—237.

принадлежавших Гаврилу Романовичу Никитину, который под крылом купца Филатьева настолько разбогател, что в 1681 г. из приказчика превратился в крупного московского гостя. В марте 1695 года он отправил в Китай первый караван, а в феврале следующего года—второй. В 1698 году оба каравана доставили в Москву разных китайских товаров на сумму 32.140 руб. 44 коп. Это говорит о том, что экспедиции Никитина носили широкий размах.

Среди товаров, которые были вывезены Никитиным из Пекина, первое место занимали китайские шёлковые ткани, затем шли бумажные материи, шёлк-сырец, жемчуга, китайское золото, чай, бадьян, лекарственное средство тенсуй, фарфоровая и фаянсовая посуда и другие товары.

Кроме торговых операций в Китае, Никитин вёл ещё обширный торг в Сибири и Европейской России. С. В. Бахрушин, подводя итог деятельности этого предприимчивого купца, пишет: «История торгов Никитина характерна, как иллюстрация торговли XVII века. Размеры её поражают воображение. Операции предприимчивого чаронденского мужика охватывают беспредельные пространства от границ Литвы до Мангазеи, от Устюга до Пекина; его приказчики и люди везут из года в год на десятки тысяч рублей мехов и китайских товаров. Но такой широкий размах свидетельствует, в конечном итоге, не о силе, а о большой ещё слабости этой торговли. Отсутствие кредита, недостаток капиталов, ничтожность покупательных способностей населения, наконец, безумная фискальная политика конца XVII столетия—всё это подрывает зарождающуюся русскую торговлю, не встречающую достаточной поддержки со стороны представителей власти»[35]. Особенно центральная власть всячески препятствовала участию частного купечества в русско-китайской торговле. Делалось это с той целью, чтобы сохранить за казной монопольное положение на пекинском рынке.

Для того, чтобы избавиться от конкуренции частных купцов, правительство Петра I в 1706 году издало указ, в котором говорилось, что если купцы и служилые люди будут торговать в Китае без особого на то разрешения, то им «без всякие пощады учинена будет смертная казнь»[36]. С этого времени в Пекин стали ходить только казённые караваны. Частным купцам было оставлено право вести торговлю с китайцами в Урге и Науне, причём они могли вывозить туда лишь кожи, полотно и разную мелочь, но отнюдь не пушнину, которая составляла главную ценность казённых караванов.

---

[35] Проф. С. В. Бахрушин. «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае», стр. 389.

[36] «Памятники сибирской истории XVIII века», Петербург, 1882, кн. I, стр. 278—279.

В Ургу и Наун приезжало много русских купцов. Они [illegible] китайцев. [illegible] золота и серебра, [illegible] фарфоровую посуду, чай и др. [illegible] России Ло-
ренц Ланг, проживавший в 1721 году в Пекине, писал: «Что же касается до нашей торговли с Китаем, то находится оная ныне в весьма дурном состоянии и ничто во свете не могло [illegible] торг в Урге; ибо из сего места всякий месяц, и даже почти всякую неделю, привозят в Пекин не токмо те же самые товары, которые находятся в наших караванах, но и лучшие ещё доброты; да и столь в великом множестве, что сии товары, ко- [illegible] Пекина в Ургу для торга с нашими купцами, привозят всякий год в Пекин, а также привозимые туда мунгальскими ламами, стоят по крайней мере против цены четырёх или пяти караванов, отправляемых в Китай из казны»[37].

Для расширения русских торговых прав в Китае Пётр I отправил в 1719 году в Пекин уполномоченным посланником капитана [illegible] Измайлова, [illegible] инструкция: «исходатайствовать согласие на назначение Российским [illegible] в другие города, затем испросить позволение для русских купцов по всему государству китайскому отправлять свои товары [illegible] в делах доставляемо было поспешнейшее правосудие»[38].

С Измайловым в качестве секретаря посольства поехал Лоренц Ланг [illegible]. Лично Лангу Пётр [illegible] Китай. Пётр [illegible] русско-китайского торга будут зависеть от того, [illegible] Россия сумеет заинтересовать [illegible] двор и китайское купечество.

---

[37] Дневник Ланга, «Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли»... Перевод с французского, СПБ, 1776, часть III, стр. 59—60.

[38] Цит. по книге «Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего [illegible] с Китаем [illegible] Кяхту». Москва, [illegible], стр. 8.

Посольство прибыло в Пекин в 1720 году. Богдыхан дал Измайлову несколько аудиенций и даже подарил ему со своих плеч соболью шубу. Однако Измайлов не имел успеха в переговорах. Когда посольством был поставлен вопрос о разрешении русским вести торговлю на всех рынках Китая, китайские министры от имени богдыхана ответили, что они не думают пересматривать Нерчинский трактат, так как считают его вполне приемлемым для себя. Всё, чего мог добиться Измайлов, было разрешение оставить в Пекине своего агента для защиты торговых интересов России. В 1721 году Измайлов покинул Пекин, оставив там секретаря посольства Ланга в качестве русского торгового агента.

Ланг провёл в Пекине 17 месяцев и пережил за это время немало неприятностей. Мандарины даже запретили ему отремонтировать полуразвалившийся дом, в котором он жил, на том основании, что дом принадлежит богдыхану и не может быть поддержан на чужие деньги. Все курьеры, посылаемые Лангом к своему правительству, задерживались китайским пограничным начальством. Наконец, положение русского агента стало настолько затруднительным, что он в 1722 году оставил Китай.

Такое отношение к Лангу со стороны китайских властей объясняется тем, что постоянное пребывание в Пекине русского агента не согласовывалось с подозрительностью и недоверчивой политикой пекинского двора вообще к иностранцам. Но и сам Ланг вёл себя неумело. По словам Словцова, «он не только не умел рассеять излишние подозрения пекинского министерства, но докучливостью мелочною ещё раздражал надменность его» [39].

В 1722 году император Канг-хи выслал из Урги русских купцов и запретил караванный ход в Пекин. В то же время китайский Трибунал внешних сношений послал сибирскому губернатору Гагарину грамоту, в которой излагались причины такой меры. Одной из причин была выставлена обида самого богдыхана на русских купцов за то, что когда для него покупали у них соболей, то русские «добрых [illegible] в одном зело дорого [illegible], [illegible], а больше всего, что очень гадко выбрав, не на готовых деньгах, [illegible] старушкам и убогим отправили» [40].

В том же 1722 году умер император Канг-хи. Новый император Юн-Джен согласился восстановить торговлю с Россией только после точного определения границы между обоими государствами и установления на ней определённого пункта для постоянной торговли. Объясняется это тем, что к этому времени

---

[39] Словцов. «Историческое обозрение Сибири», СПБ, 1886, кн. I, стр. 239.

[40] Чулков, том III, кн. 2, стр. 172.

условия жизни Китая несколько изменились: он вёл войны за расширение своих пределов и чувствовал потребность в точном установлении границ со своим могущественным соседом—Россией. Однако, китайское правительство тогда же разрешило пропускать в Пекин через каждые три года по одному русскому каравану с числом людей не более двухсот.

Так Петру I, несмотря на твёрдое желание, не удалось развить торговлю с Китаем. В конце своего царствования он задумал организовать экспедицию, чтобы точно определить границу на запад от реки Аргуни. Война с Персией и сложившаяся международная обстановка в Западной Европе отвлекли внимание Петра и, наконец, его преждевременная смерть помешала осуществлению этого плана.

Непосредственной преемнице Петра, Екатерине I, выпало на долю продолжить дело её мужа. Она послала в Китай талантливого дипломата Савву Рагузинского, который заключил с китайским правительством новый, так называемый Кяхтинский трактат, составивший целую эпоху в торговых сношениях России с Китаем.

Глава I

С. В. РАГУЗИНСКИЙ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ КЯХТИНСКОГО ТРАКТАТА

Екатерина I, провозглашённая императрицей небольшой группой правящих лиц, выдвинувшихся при Петре I, и гвардией, ставшей к тому времени не только боевой, но и политической силой, боялась выступления против себя реакционных остатков старого боярства. Поэтому первые её шаги имели целью укрепление своего нового положения. Если в короткое царствование Екатерины во внутренней политике произошли некоторые изменения, выразившиеся главным образом в незначительной ломке петровских учреждений, то внешняя политика оставалась прежней.

На западе Европы продолжалась борьба за Испанию; против Австрии, давнишнего сторонника России, составился тройственный союз—Франция, Англия и Пруссия. Эти государства стремились расстроить русско-австрийскую дружбу, но не успели. В августе 1726 года с Австрией был оформлен союз, ибо русское правительство надеялось на её помощь против Турции. Мир, заключённый Петром с Персией, оказался непрочным.

Одной из первых забот Екатерины явилось укрепление дружественных отношений с Китаем, к чему были приняты энергичные меры.

В Селенгинск, где жил представитель русского правительства Лоренц Ланг, 3-го марта 1725 года направили указ, в котором предлагалось Лангу срочно сообщить китайскому двору о происшедшей перемене на русском престоле и заверить, что новая императрица намерена иметь вечный мир и дружбу с Китаем и что вскоре в Пекин выедет полномочный министр для поздравления богдыхана с законным восшествием на престол, для разграничения земель и устранения пограничных непорядков.

Из-за дальности расстояния и примитивности средств передвижения указ пришёл в Селенгинск в конце июля, находясь в пути почти 5 месяцев. С получением указа, Ланг тотчас составил письмо на имя богдыхана такого содержания, как требовало правительство, и для его вручения снарядил в Пекин своего секретаря Давида Граве с толмачом. Но их отъезд задержался

вследствие затянувшейся переписки с китайскими чиновниками о пропуске через границу. Только в конце февраля следующего года Граве выехал в столицу Китая[41].

5-го июня 1725 года в Петербурге состоялось назначение полномочным послом в Китай Саввы Владиславича Рагузинского, который незадолго до отъезда Граве прибыл в Тобольск, о чём известил Ланга. Это обстоятельство позволило последнему в письме к богдыхану внести уведомление о скором приезде на китайскую границу Рагузинского и просить богдыхана для встречи русского посланника выслать представителей пекинского двора.

Действительной причиной нового посольства было, конечно, не поздравление богдыхана, а желание уладить все недоразумения по вопросу о границе, особенно о торговле и заключить новый трактат. Поэтому к подбору посла правительство России отнеслось серьёзно. Кандидатура Рагузинского оказалась весьма удачной. Он сумел в трудной атмосфере, при упорной несговорчивости китайцев, а временами при многочисленных интригах пекинского правительства по отношению к нему, осуществить то, что не смогли сделать его предшественники. Заключённый им договор составил целую эпоху в сношениях России с Китаем. Ход всех событий, связанных с новым договором, как фактом большой государственной значимости, нашёл довольно широкое отражение в документации того периода и поставил Рагузинского в ряд с выдающимися дипломатами XVIII века. Назначение его на пост посланника в Китай было не случайным, оно опиралось на проявленные уже им дипломатические способности[42].

Савва Владиславич Рагузинский — серб по национальности, родом из Рагузы, занимался торговлей и был тайным агентом послов России в Константинополе; они доверяли ему разные поручения в Россию, в которую он ездил под видом купца с кумачом, бумагой и деревянным маслом[43]. В апреле 1702 года Рагузинский приехал в Москву, вероятно, с секретным поручением, но, скрывая настоящую цель своего приезда, объявил, что «прибыл для отыскания Чёрным морем в Москву пути». Пётр I, оценив его заслуги, в том же году дал ему грамоту о разрешении свободной торговли по всей России сроком на десять лет; в 1708 году пожаловал ему дом в Москве, а в 1710 году «в вечную и верную службу» произвёл в надворные советники и подарил на Украине три села: Тополь, Вишенку и Парафеевку. Перед Прутским походом 1711 года Рагузинский, (впоследствии

41 Бантыш-Каменский, стр. 124.

42 Соловьёв. «История России», том XVI, изд. 2, гл. 2. Брикнер «Иллюстрированная история Петра Великого», том II, стр. 148.

43 Иркутские епархиальные ведомости, 2, № 19, 1863 г. Прибавление.

принявший участие в этом походе) обратил внимание Петра на черногорцев и рекомендовал поднять их на борьбу с турками[44].

В XVII веке, как и в начале XVIII, между Россией с одной стороны и южными славянскими народами с другой, существовали дружественные отношения. Со стороны России им уделялось особенно большое внимание после полтавской победы над шведами, когда разрыв с Турцией был неизбежен, и война стояла уже на пороге России. Тогда Пётр в лице южных славян искал себе союзников в борьбе с турками. Если до войны вопрос объединения сил славянских народов решался путём тайных переговоров, то во время войны Россия открыто заявила, что не может «равнодушно относиться к страданиям своих единоверцев балканского населения», томившегося под турецким игом[45]. Русские агенты появились среди сербов, болгар, черногорцев, молдаван и распространяли у них манифест Петра с призывом к совместным военным действиям.

Весной 1711 года в Черногорию был послан Савва Владиславич. Он умело использовал свои личные отношения с местным правителем митрополитом Даниилом и с его помощью привёл всю страну в брожение. Ему также удалось оказать огромное влияние на нового молдавского господаря Кантемира, который имел доверие у турецкого правительства, и склонить его на сторону России. Тогда же Савва Владиславич получил от Рагузинской республики диплом на графское достоинство.

После неудачного прутского похода Рагузинский возвратился к прежней торговой деятельности: в 1712 году «за службу государеву» ему был отдан питейный откуп,[46] а в 1716 году он получил царскую подтвердительную грамоту о торговле в России; в 1720 году ездил в Рим за получением подаренной папою Климентом XI Петру I мраморной статуи Венеры.

Россия для Рагузинского была вторым отечеством, где он провёл большую половину своей жизни, и для процветания которой отдал свой талант организатора и дипломата. Пётр в борьбе за укрепление дворянско-бюрократического государства жестоко расправлялся с теми, кого он считал врагами созданной им монархии; он заставил уцелевшие остатки старого реакционного боярства попрятаться по углам, что позволило Савве Владиславичу, как представителю новой знати, проявить на государственном поприще ясность ума и заслужить доверие и уважение царя-реформатора. Вот почему Екатерина I и правитель Меншиков пожаловали его в действительные статские советники и поручили ему столь важное государственное дело, как заключение нового договора с Китаем. Желая закрепить

[44] Брикнер, том II, стр. 148.
[45] Там же, стр. 147.
[46] Словцов. «Ист. обозрение Сибири», СПБ, 1886, кн. I, стр. 240.

задание российского правительства, Рагузинский энергично приступил к новым обязанностям полномочного посла.

Со дня назначения Рагузинского послом началась тщательная подготовка к его отъезду, длившаяся три месяца. В Сенате и Коммерц-коллегии разрабатывались обширные инструкции, составлялись сметы, подбирался состав свиты и т. д. Характер подготовки и её продолжительность, а также инструкции, данные Рагузинскому для руководства, свидетельствуют о том, что новому посольству правительство придавало огромное значение и возлагало на него большие надежды.

Получив инструкции по вопросам возобновления частной и казённой торговли, по определению государственной границы, о консулах, о провожатых, о церковной миссии, о ходатайстве перед китайским двором о пропуске казённого каравана в Пекин, а также грамоту, извещающую о смерти Петра и восшествии на престол Екатерины, полномочную и проезжую грамоты, деньги на проезд и на подарки богдыхану, Савва Владиславич 12 октября 1725 года выехал в Москву, а оттуда со свитой в 15 человек 27 декабря отправился в тяжёлую и дальнюю дорогу[47].

Учтя недостатки предыдущего посольства, Рагузинский, как дальновидный дипломат, решил на своём пути собрать дополнительные материалы, главным образом по вопросам о границе и торговле, позволяющие ему с меньшими затруднениями вести переговоры и, в случае необоснованных требований со стороны китайских министров, противопоставить им веские мотивы для отклонения. Поэтому в Тобольске, куда посольство прибыло 24 января 1726 года, Савва Владиславич «трудился» в архивах местной канцелярии над подбором «ведомостей о беглых, о границах и о прочем», но собрал очень мало «за худым управлением прежних губернаторов и комендантов и за таким дальним расстоянием мест и разности народов».

Прожив в Тобольске месяц, Рагузинский выехал в Иркутск. По прибытии туда, 5-го апреля 1726 года, он получил от Ланга письма и при них ландкарту «некоторой части пограничных земель», с обозначением на ней только одной реки Аргуни. Такая карта создавала огромные затруднения при определении границ, требовалось срочное составление полных карт. С этой целью в пограничные земли были направлены две партии геодезистов[48]. В мае с русско-китайской границы, где уже с середины 1724 года стоял казённый караван в ожидании пропуска в Пекин, пришла весть о смерти караванного комиссара Третьякова и что каравану дозволено итти только в Ургу в количестве 300 телег. Вручив заведывание караваном целовальнику Молокову и дав ему распоряжение не отправлять товары

[47] Бантыш-Каменский, стр. 123.
[48] Соловьев, том XIX, стр. 231.

в Ургу[43], Савва Владиславич остался в Иркутске, ожидая прибытия китайских послов на границу; в июне он узнал о переходе в российские пределы до 1000 монголов, большинство которых готово было принять русское подданство. Это событие должно было до некоторой степени облегчить предстоящие переговоры, сделав китайских министров более сговорчивыми, ибо они стремились уже давно упорядочить вопрос о беглых вообще.

Обрадованный вышеупомянутым известием и «учредя в Иркутске всё нужное к дальнейшему пути», Рагузинский отправился на дощаниках вверх по Ангаре, переехал Байкал и по реке Селенге в августе прибыл в Селенгинск. Оттуда он послал на границу капитана Миклашевского с подарками к уже ожидавшим его двум китайским министрам. Сам же направился на место, где стоял караван. Осмотрев караван и отдав приказание о переводе его в более безопасное место и затем обещав перешедшим монголам покровительство и защиту, выехал к реке Буре, где остановились китайские министры.

Китайское правительство не в меньшей степени, чем русское, было заинтересовано новыми переговорами. Но его дипломаты старались внешне показать своё безразличие к ним, рассчитывая, что это сделает посла России уступчивым ко всем их требованиям. На первой встрече с Рагузинским, которая состоялась 25-го августа на реке Буре, представители китайского двора заявили ему, что русское посольство не стоило бы пропускать в Пекин до разрешения вопроса о разграничении земель, но они всё же идут на уступку по двум причинам: во-первых, потому что посол, помимо всех дел, уполномочен своей императрицей поздравить богдыхана «с восприятием престола» и, во-вторых, что долгое пребывание на границе из-за преклонного возраста будет утомительным для него. На просьбу Рагузинского разрешить следовать с ним каравану и епископу Кульчицкому, как будущему руководителю русской духовной миссии в Китае, последовал отказ. Китайцы сказали, что им велено встретить и препроводить до Пекина лишь одного российского посла и его свиту, а Кульчицкого не пропускать на том основании, что в ранее посланной русской грамоте на имя их императора, епископ был назван «великой духовной особой», а они знают только одну такую особу—Кутухту или Великого Ламу и других подобных особ знать не хотят.

Накануне отъезда в Китай Савва Владиславич отправил в Коллегию иностранных дел донесение, в котором уведомлял о неудаче, постигшей епископа Кульчицкого и рекомендовал направить другое духовное лицо, но в препроводительной грамоте не указывать, что это «великая особа». Характеризуя состояние Сибири, Рагузинский писал о ней, как о богатом и обширном крае, но малозаселённом и опустевшем по многим причи-

[43] Б. Курц. «Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст.», Киев, 1929, стр. 34.

ван, наипаче... от глупостей прежних управителей и от беспорядков пограничных», и что в «Сибири нет ни одного крепкого города, ни крепости, особенно на границе, по ту сторону Байкальского моря; Селенгинск не город, не село, а деревушка... построен на месте ни к чему негодном и открытом для нападения...» [50]. Поэтому он подыскал для него более удобное место. В отношении казённого каравана Савва Владиславич выражал надежду на его пропуск в Пекин, но в том «прибыли никакой не усматривал», так как «торговые люди российские из Сибири в Ургу провозят премногое число мягкой рухляди, которой повсегодно более, нежели в двух караванах... отпуска бывает, а пошлин не только с мягкой рухляди, но и с прочих товаров со всего их отпуска в Ургу и в китайское государство более 20.000 рублей в казну... не собирается и через такой великой и непорядочный торг на мягкую рухлядь, за множеством, китайцы уж и не смотрят». Далее Рагузинский предлагал «запретить монаршеским указом всем торговым людям (частным купцам), дабы под потерянием чести и товара никто отнюдь не дерзнул впредь малым ни великим числом из сибирской губернии за границу в Ургу, в Наун и в Китай и никуда, что к Китайскому государству принадлежит, мягкой рухляди не отпускать, понеже за многими отпусками торг испортился и торговали-б прочими товарами; и такой указ ежели рассудится за благо и соизволится, послать немедленно по почте, дабы оный по всей сибирской губернии публиковать и дабы на границу мог прибыть прежде походу каравана в Китай» [51].

Такой правительственной мерой Савва Владиславич рассчитывал привести караванный торг с китайцами в «доброе состояние», так как она уничтожала соперничество со стороны русских купцов, провозивших в Китай много мягкой рухляди и тем подрывавших в основе государственную торговлю.

В декабре 1726 года, вследствие упомянутого доношения Рагузинского, состоялось определение Верховного Тайного Совета, в котором предлагалось Молокову быть комиссаром каравана; вместо епископа Кульчицкого назначался в Пекин Антоний Платковский, Селенгинскую крепость приказано было строить заново военными людьми на месте, указанном Саввой Владиславичем; в отношении же вывоза частными купцами мягкой рухляди в Китай говорилось: «покамест караван (назначенный идти в Китай с Рагузинским) в Пекин пропустится и оттуда оный, також и посланник гр. Савва Владиславич возвратится, торговым российским людям купечество в китайскую сторону мягкою рухлядью весьма запретить под штрафом взятья в казну... всех их товаров, дабы никто отнюдь не дерзал мягкой рухляди ни великим, ни малым числом возить за границу китай-

[50] Соловьев, том XIX, стр. 232.

[51] В. А. Уляницкий. «Русские консульства за границей в XVIII веке», часть 2 (приложения). Москва 1899 г. приложение 46 с. стр. CXXXVI.

скую в Ургу и во все другие, к китайскому государству принадлежащие торги и места, чтобы от того казённому каравану в продаже в Пекине никакой рухляди убытка не приключилось; а кроме той мягкой рухляди прочими товарами дать позволение российским купцам и кроме того китайскому торговать свободно с платежом надлежащих пошлин»[52].

Тогда же было решено по возвращении каравана Молокова от Китая запретить посылку в Пекин таких казённых караванов и предоставить [illegible] торговые [illegible] купцам, с правом вывоза на китайский рынок мягкие товары». Это [illegible], чтобы [illegible] купечество и особливо сибирские жители, которые без торгов весьма оскудели, поправиться могли. Но правительство не провело этого решения в жизнь, и караваны продолжали посылаться ещё в течение тридцати лет от имени казны.

После нескольких встреч с китайскими министрами на границе Савва Владиславич со свитой в 120 человек 2-го сентября выехал в Пекин и прибыл туда 21 октября. Во время пути по всем китайским городам российскому посольству устраивали торжественные встречи. При въезде в столицу Китая посольство было встречено с особой торжественностью военным гарнизоном. Вдоль улиц стояли шпалерами пешие и конные войска, которые при появлении русских били в литавры и стреляли из ружей. Но как только члены посольства расположились в посольском доме, они оказались на положении заключённых, туда явились три генерала с караульными солдатами, окружили дом, никого не выпускали, а на ночь ворота заперли на замок и опечатали. Назавтра богдыхан прислал в посольский дом четырёх своих чиновников. Поздравив Рагузинского с благополучным приездом, они стали требовать от него копии привезённых грамот, расспрашивали о цели приезда и спорили о форме аудиенции у богдыхана. Посольство прождало, не выходя из дома, тринадцать дней и только 4-го ноября состоялась встреча с богдыханом. В этот день, за два часа до рассвета, к дому были присланы тридцать лошадей без узд и сёдел. Но на этот раз в церемониале представления богдыхану русским сделали уступку. Рагузинский с Лангом ехали на приём в карете, а не верхом на неосёдланных лошадях, как следовало по чину[53]. Посланник, прежде чем достичь богдыханского дворца, торжественно прошёл через пятеро ворот, ведущих во дворец, причём при входе в каждые ворота был встречен ружейной стрельбой. Во дворцовой приёмной он взял у секретаря государственные грамоты и в сопровождении пяти придворных на-

[52] В. А. Уляницкий. «Русское консульство за границей в XVIII веке», часть 2, стр. CXXVIII—CXXIX.

[53] Щеглов. «Хронологический перечень важных данных из истории Сибири», Иркутск, 1883, стр. 180.

правился в зал, где находился богдыхан. Вступив туда и поклонись, стоя на коленях, девять раз до земли, подошёл к престолу и молча вручил грамоты богдыхану. Приняв грамоты, богдыхан после долгого молчания подозвал к себе президента посольского приказа и велел ему объявить посланнику, «что у его (богдыхана) родителя был с Российской империей блаженный мир, покой и добрая дружба, к содержанию которой и он, богдыхан, имеет склонность; что такая великая российская императрица послала такого великого посла, сие ему, богдыхану угодно и за то он его, посла, принимает с учтивостью и честью, с какою прежде послы не принимаемы; и что между обеими империями после мирных договоров до сего числа никаких великих дел не происходило, а которые малые и случались на границе и для тех он давно желал российского посла, дабы все успокоить»[54]. Выслушав речь, Рагузинский поздравил богдыхана «с принятием отеческого престола» и, пожелав ему здравия и радостного царствования, просил выделить для переговоров «верховных министров». Император удовлетворил просьбу, уполномочив на это трёх лиц.

Переговоры с самого начала приняли бурный характер. За семь месяцев в Пекине состоялось более тридцати конференций, но к соглашению стороны придти не могли. На первых встречах китайцы отвечали одно, что русский посол прибыл в столицу только для поздравления богдыхана, а вопросы о разграничении земель, о пограничных ссорах, о торговле должны подлежать обсуждению на границе. Но, видя настойчивость Рагузинского, согласились рассмотреть их на месте. Это была первая победа российского посланника. Нужно сказать, что Рагузинский не разделял мнения многих русских дипломатов о несговорчивости китайцев. Он знал об их упорстве, но был уверен, что правдивыми доказательствами и умелым дипломатическим тактом ему удастся успешно закончить переговоры. Такое убеждение было противоположно рассуждениям Ланга о том, «что китайцы имеют обыкновение изъясняться один только раз на сделанное им предложение и, учинив однажды ответ на какое бы то ни было дело, не отстают уже больше никогда от сего ответа, как от неопровергаемого доказательства; так что хотя двадцать на то скажи им опровержений, дабы их вывесть тем или другим образом из заблуждения, либо совратить с их мнения, то потеряешь только труд свой напрасно, а они останутся непоколебимы в первом своём слове»[55].

Особенно горячие споры вызвал вопрос о границах. Богдыханские уполномоченные объявили, что их земля простирается до Тобольска на том основании, что три или четыре тысячи лет тому назад на этой территории жили их предки, ушедшие оттуда

---

[54] Бантыш-Каменский, стр. 129.
[55] Дневник Ланга, стр. 32.

из-за того, что земля стала «рогата», т. е. лес начал расти. Затем предложили установить границей Байкал и Ангару. На 23-ей конференции согласились оставить то, чем владеют оба государства, но через два дня отказались, мотивируя свой отказ несогласием богдыхана, и предложили проект, по которому большая часть Сибири отпадала от России. В течение восьми конференций настаивали они на принятии этого проекта, на что Рагузинский отвечал энергичным протестом. Убедившись в том, что словесными доказательствами русского посла не принудить к уступкам, министры решили действовать домогательством и угрозами. Они сократили посольству продовольственную норму, давали такую воду, от которой половина спутников Рагузинского заболела, обещали заточить в тюрьму и там заморить с голоду, как они поступили с португальским послом, или выгнать из города в степь. Но всё это оказалось напрасным: Рагузинский твёрдо стоял на своём. Он отвечал китайцам, что подписание такого договора будет с его стороны прямой изменой, а он никогда не был ни изменником, ни предателем своего отечества. Но если они силой заставят принять его эти условия, то русская императрица всё равно не будет выполнять их [56]. При этом Рагузинский намекнул и на прославленную силу России, сказав, что если он и его свита погибнут в Китае, то «смерть их не станет важною потерею для России, но императрица российская не оставит за такой поступок отмстить им так, как Россия отомщала шведам, туркам и персиянам» [57]. В одном из своих донесений сенату Рагузинский точно определил своё положение в Пекине, где он «более жил за частым караулом, чем вольным послом».

Что касается самых существенных вопросов, то они совсем не подвигались. Китайское правительство не соглашалось допустить постоянного агента России в свою столицу и не разрешало русским продолжать торговлю.

Чувствуя, что в Пекине не заключить нужного договора, Рагузинский предложил министрам временно прервать переговоры и перенести их на русско-китайскую границу.

Между тем Савва Владиславич заболел. Опасаясь за его жизнь, богдыхан послал к нему своего доктора, а по выздоровлении пригласил в загородный дворец на прощальную аудиенцию.

На встрече с богдыханом, которая состоялась 2-го апреля 1727 года, Рагузинский произнёс короткую речь. Обращаясь к императору, он сказал: «Ваше величество, вы вылечили меня от болезни, вылечите же от печали, чтобы дела, мною представ-

---

[56] П. В. Шумахер. «Наши сношения с Китаем (1567—1805)», «Русский Архив» за 1879 г. № 6, стр. 176.

[57] «Иркутская летопись» (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1911, стр. 30.

[illegible] и [illegible] в Пекине, были отпущены за границу[58]. [illegible]дахан согласился продолжить переговоры в пограничном месте и обещал пропустить русский караван в Пекин, как только разрешится вопрос о разграничении земель.

Заметим, что официальная аудиенция не обошлась без неприятностей для Рагузинского. Китайские министры не захотели дать ответной грамоты на письмо Екатерины, говоря, что это не в их обычае, а в послании российскому сенату настолько [illegible] русской императрицы, что Рагузинский счёл невозможным принять этот документ[59].

Из Пекина посол выехал 23 апреля и с дороги выслал вперёд секретаря Глазунова с тем, чтобы тот подготовил военные силы для его встречи. Рагузинский учёл, что присутствие солдат сделает китайцев более сдержанными. К месту встречи [illegible] на монгольской земле. Глазунов и пограничный комиссар Колычев привели роту драгун, 400 бурятских [illegible]ников и отряд русских служилых людей, всего 795 человек. Благодаря этому обстоятельству, посольство расположилось вблизи границы на реке Буре, вопреки желанию китайских уполномоченных стать на русской территории.

На пути к русской границе Савва Владиславич составил донесение сенату, которое было отправлено в Петербург по приезду к реке Буре. В нём Рагузинский изложил своё мнение о караванном торге с китайцами. Прежде всего он объявил, что вследствие обилия мягкой рухляди в Китае китайское правительство не желает пропускать караван, а если и пропустит, то каравану едва ли удастся расторговаться в течение двух лет. Для того, чтобы спасти от убытка подготовленный к отправке казённый караван, Рагузинский советовал строгим указом запретить частным купцам продавать пушные товары в Урге, Науне и вообще в китайских владениях. Эту меру он считал главной для укрепления и развития русской государственной торговли с Китаем. Рагузинскому на донесение было отвечено лишь сообщением указа от 26 июня о разрешении частным купцам свободно торговать мягкой рухлядью в России и за границей, за исключением Китая и Монголии[60].

Во второй половине июня возобновились переговоры, продолжавшиеся до 20 августа. За это время состоялось восемь конференций. Все они носили не менее бурный характер, чем в Пекине. Рагузинскому здесь пришлось действовать не только всеми убеждениями, но деньгами и вооружённой силой. Он подкупил монгольского тайшу Гайдана, состоящего советником у китайских министров, послал в Пекин первому министру Ле-

[58] Шумахер, стр. 176.

[59] И. Коростовец. «Китайцы и их цивилизация», СПБ. б/года, стр. 567.

[60] Улянницкий, часть 2, (приложения), стр. CXXIX.

ков на тысячу рублей, сумел удалить с границы дядю богдыхана Лонготу, который выдвигал несообразные требования; наконец, в решительный момент переместил на самую границу тобольский гарнизон. Оставшиеся два китайских уполномоченных сделались уступчивее и 20 августа с ними был заключён трактат, получивший название Буринского, так как обе стороны подписали его на реке Буре, в 20 верстах от будущей Кяхты.

Условия трактата касались почти исключительно границы между двумя государствами. Для более точного определения черты разграничения обе стороны назначили специальных комиссаров. 12-го октября того же года был подписан первый акт, определяющий черту, идущую на запад между речкой Кяхтой и Шабин Дабагом, а 27-го октября — второй акт той черты, которая шла до границы между Кяхтой и Аргунью [61]. С русской стороны их подписали секретарь Глазунов и пограничный секретарь Колычев. Оба документа составили дополнение к трактату, заключённому 20-го августа [62].

По Буринскому договору была установлена южная граница. Она шла от Кяхты до верховьев Енисея на запад и до речки Горбицы на восток. Граница была подробно описана и вдоль неё установлено в качестве пограничных знаков 63 маяка, представляющих собою каменные насыпи. В каждом маяке зарыто описание его, как пограничного знака, на русском и китайском языках [63]. От маяков в обе стороны шла нейтральная полоса земли, имеющая ширину, «по удобности местных положений, от 5 до 30 сажений» [64].

Однако Буринским договором не были улажены все вопросы, касающиеся разграничения земельных владений. Остался неразрешённым вопрос о местности, лежащей по реке Уде. Обсуждая его, китайские министры сказали Рагузинскому: «Понеже ты прислан императрицей с полною мочью окончить все дела, то и в сем пункте имеем требовать, ибо ваши люди беспрестанно переходят границы в наше место, называемое Хинкон-Тугурин; ежели сей пункт ныне неокончен, дело опасно, дабы обеих империй подданные, которые живут при границах, между собою ссоры и несогласия не возбудили; и понеже сие противно миру и соединению, ныне уже надлежит окончить». На что Рагузинский отвечал: «Сия земля [illegible]... Не только мне, от императрицы не приказано, но ещё о той земле подлинно известий не имею; да останется оное, как прежде постановлено; а ежели кто из наших перейдёт через границу, уни-

[61] М. Венюков. «Очерк старых и новых договоров России с Китаем». СПБ, 1861, стр. 13.

[62] Т. Юзефович. «Договоры России с Китаем», СПБ, 1869, стр. 17.

[63] Ф. А. Кудрявцев. «История бурят-монгольского народа», Москва, 1940, стр. 87.

[64] Н. Семивский. «Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири»... (Прибавления), СПБ, 1817, стр. 136.

мать и задерживать будут...»[65]. Китайцы согласились оставить вопрос о реке Удь открытым, но просили Рагузинского, чтобы он, по приезде в Петербург, сообщил своему правительству, что они будут ловить и наказывать тех российских подданных, которые перейдут на их территорию через те места, и чтобы Россия не считала этого нарушением мира со стороны Китая.

Подписав Буринский договор, Рагузинский выехал на реку Чикой к вновь построенной Петропавловской крепости, где находился караван, и, осмотрев, отпустил его в Пекин с агентом Лангом и комиссаром Молоковым, отправив вместе с ними трёх учеников для изучения китайского языка. Нужно заметить, что караван был пропущен в Китай уже на основании предварительных условий, выработанных с китайскими министрами во время составления Буринского договора и лёгших несколько позже в основу нового трактата, получившего название Кяхтинского[66].

После ухода каравана в Пекин Савва Владиславич возвратился на реку Буру, где вместе с уполномоченными пекинского двора приступил к уточнению пунктов будущего кяхтинского трактата. 21-го октября 1727 года составление трактата было закончено[67]. Он состоял из десяти статей и разрешал такие важные вопросы, как организация торговли, учреждение духовной миссии в Пекине, установление пограничного порядка и другие. Но подписать его китайские министры не решились. Поэтому он был послан в Пекин на утверждение богдыхана. После ратификации в новый трактат одиннадцатым пунктом должен был войти Буринский договор о границе.

Одновременно с составлением трактатов Рагузинский занимался вопросом об охране русской границы. Нужно указать, что в закреплении и охране пограничной полосы Савва Владиславич возлагал большую надежду на бурят, которые были отличными стрелками, наездниками и «следопытами», умеющими различать следы лошадей и скота, переходивших границу. В 1727 году он в своём донесении о переговорах с Китаем писал, что буряты «служат верно России, не уступая природным россиянам; своим оружием и кочеванием границу распространили, мунгальской землицы великою частью завладели, на границе с великим чаянием и верностью были доброоружны и доброконны, держали оную по всему расстоянию в многолюдстве; прикрытием границ и разъездами служили без жалования с добрым сердцем и учтивостью, на которых я имел большую надежду, видя их храбрость и усердие»[68].

---

[65] Цит. по статье Д. Успенского «Из истории русских сношений с народами Востока», «Русская Мысль», 1904, кн. XI, стр. 79.

[66] Курц. «Госуд. моноп. в торг. России с Китаем в XVIII ст.», стр. 35.

[67] Кюнер, часть вторая, стр. 39.

[68] Бантыш-Каменский, стр. 146.

Буряты оправдали надежды Рагузинского. В первой половине XVIII века в 15 пограничных караулах, созданных по совету Саввы Владиславича, хорошо служили дружины, состоящие из нескольких селенгинских и хоринских бурятских родов. В каждом карауле состояло от 5 до 10 юрт.

Информируя Петербург о ходе переговоров с Китаем, Рагузинский продолжал настойчиво указывать на необходимость сосредоточить торг пушными товарами в руках казны. В сентябрьском донесении 1727 года он писал, что если «никто иной, кроме государственного каравана, уже торговать мягкой рухлядью не будет, то первый караван (хотя некоторое число товаров и привезено и торги ныне зело неприбыточны) может возвратиться без убытка; второй же караван получит втрое и вчетверо против отпуска, а третий более, нежели вдесятеро; следовательно, караван немалая есть государственная прибыль, которую не должно партикулярным уступать»[69].

В отношении участия частных купцов в торговле с Китаем Рагузинский считал, что такой торг можно разрешить только сибирякам, но свести его к продаже сукон, кож, [illegible], овчин, шерсти и прочей мелочи, причём сосредоточить эту торговлю в двух пограничных пунктах. Российских же и иностранных купцов совсем не допускать к границам Китая, позволив им закупать пушнину в Сибири, но только для вывоза в Европейскую Россию, Польшу, Персию, Турцию и другие страны, но не на китайский рынок. Ожидая возвращения главного трактата из Пекина, Рагузинский продолжал жить со своей свитой на реке Буре, «на голой степи, в стуже и в снегу под палатками». Лишь в конце 1727 года окончательный трактат за подписью богдыхана был передан ему. Но трактат оказался существенно изменённым, например, река Удь отходила к Китаю с разрушением на ней всех русских строений. Посланник отправил китайским уполномоченным свой протест, но те не осмелились принять его. Тогда он решил переслать его прямо богдыхану через Ланга, который находился в Пекине с караваном. Энергия Рагузинского увенчалась почти полным успехом. В июне 1728 года на границу был прислан новый трактат, мало чем отличающийся от первоначального проекта. Размен трактатов, обставленный торжественной церемонией, состоялся 14-го июня на речке Кяхте.

В день размена в русский лагерь прибыли китайские министры с большой свитой. После коротких встречных приветствий посланник России подошёл к министрам, которые при этом поднялись со своих мест, и вручил старшему из них трактат на русском и латинском языках. Приняв его, министр в то же время передал Рагузинскому трактаты, написанные на языках латинском, маньчжурском и русском. В обменных речах

[69] Уляницкий, часть 2, (приложения), стр. CXXIX—CXXX.

оба пожелали обоим императорам здоровье и благополучие, подданным радость и вечный мир». Затем состоялось взаимное угощение обедами. На другой день после обмена трактатами Рагузинский с такой же торжественностью в присутствии китайцев и всего русского посольства положил первый камень в основании торговой слободы Кяхты [70].

Кяхтинский трактат расширил операции русско-китайской торговли, он открыл торг не только в самом Китае, но и в Сибири. Россия могла посылать караваны в Пекин, в то же время получила право вести торговлю в двух пограничных пунктах—на реке Кяхте, и на реке Аргуни, недалеко от Нерчинска, где находилось урочище Цурухайту. Трактат подробно определил южную границу, оставив однако нерешённым вопрос о местности, лежащей по реке Удь. Он дал руководство к ведению пограничных дел. Наконец, Кяхтинским трактатом впервые был выражен принцип экстерриториальности русских подданных, проживавших в Китае. По нему Россия хотя и приобрела права назначать своего консула в Китай, но на основании его некоторые консульские функции были возложены на руководителя торгового каравана, который разрешал все споры, возникавшие среди русских.

Трактат состоял из 11 статей. В первой статье было принято взаимное обязательство не нарушать дружбы между обоими государствами и точно исполнять условия, вошедшие в трактат. Согласно второй статье было решено перебежчиков, перешедших раньше заключения трактата, оставить на той стороне, где они обосновались на жительство, но тех беглых, которые будут переходить через границу, ловить и передавать «людям пограничным». Третья статья касалась разграничения земель обоих государств, причём всё пространство земли между строением русского караула на реке Кяхте и насыпью на горе Орхонту, решили разделить пополам и в середине поставить пограничный знак; места по обе стороны его на север и на юг предназначались для торговых операций. Четвёртая статья разрешала российскому правительству отправлять раз в три года торговый караван в Пекин. Сопровождавшие караван люди на протяжении всего пути по китайской территории должны были содержать себя и оплачивать дорожные расходы, зато они в Пекине освобождались от платежа пошлин. Все споры, возникавшие между членами каравана или между ними и китайскими жителями, разрешались начальником каравана или китайским чиновником, сопровождающим его. Кроме караванной торговли была допущена торговля в пограничных местах, в Цурухайтуйской слободе и в Кяхте. Купцы должны были ездить прямо туда, в противном случае их товар подвергался конфискации. Пятая статья предоставляла русским, приезжающим с торговыми це-

[70] Ф. Мартенс. «Россия и Китай», СПБ, 1881, стр. 25.

лями в Пекин, для жительства отдельное подворье. В подворье ещё в XVII веке была построена православная церковь. В ней могли жить три русских священника, содержание которых китайское правительство брало на свой счёт. Кроме того в подворье могли проживать шесть русских подростков для обучения восточным языкам. Шестая статья устанавливала, что оба правительства должны сноситься грамотами, посылаемыми за печатями «Трибунала внешней провинцией управителя» с китайской стороны и Сената или тобольского губернатора с русской стороны. Седьмая статья оставляла границу у реки Удь попрежнему нерешённой. Восьмая статья предоставляла право пограничным начальникам обоих государств «непродолжительно по правде каждое дело решать», за умышленное затягивание разбора пограничных дел каждое государство должно было наказывать виновных по всей строгости своего закона. Девятая статья говорила о пропуске на чужую территорию, при соблюдении известных правил (предварительного оповещения о прибытии на границу, ожидания там человека, который уполномочивался сопровождать прибывшего до места назначения), послов и курьеров с «запечатанными паспортами», причём содержание их принималось за счёт казны того государства, к которому они прибывали. Десятая статья устанавливала суровые наказания, вплоть до смертной казни, за такие преступления, как вооружённый грабёж, убийство, воровство, совершённые на чужой территории. Перебежчики также присуждались к смертной казни и должны были подвергаться ей на том месте, где их захватят. Заметим, что эта статья страдала большими неясностями и часто приводила к нарушению нормальных отношений между государствами и даже к перерывам торговли. Одиннадцатая статья говорила о размене трактатов[71].

Заключение Кяхтинского договора было вызвано территориальным сближением России с Китаем и их экономическим развитием.

Продвижение русских на восток, вглубь сибирских пространств, вплотную приблизило российские владения к китайским границам. Отсюда возникла необходимость точного земельного разграничения и установления пограничных правил. Хозяйственное развитие обоих государств, а также их соседство позволило завязать торговые сношения. Китай в то время имел довольно развитую промышленность, в тогдашнем понимании этого слова, и мог вывозить на внешний рынок в большом количестве разные ткани, шёлк, сахар, посуду, чай и другие предметы. Россия же могла в обмен на эти товары давать меха (составляющие основную ценность государственной казны), затем кожи и про-

[71] Сборник договоров России с Китаем и Японией, вып. I, Иркутск, 1880, стр. 9—16.

дуктами питания [72]. Необходимость урегулирования всех этих вопросов и побудила Россию и Китай заключить Кяхтинский трактат.

В умелом оформлении Кяхтинского договора исключительная роль принадлежит Рагузинскому. По выражению французского историка Кастера, Савва Владиславич за несколько месяцев своего пребывания в Пекине «успел успокоить недовольных русскими китайцев» [73]. Но нужно сказать, что Рагузинский не только успокоил китайцев, он сумел своей настойчивостью, энергией и дипломатическим тактом сделать их более уступчивыми и склонил подписать вполне приемлемый для России договор. Вся деятельность Рагузинского, связанная с заключением Кяхтинского трактата, ставит его в первый ряд дипломатов того времени.

Кяхтинский трактат был признан выгодным для России, а Савва Владиславич получил чин тайного советника и пожалован орденом Александра Невского.

Возвратившись в Петербург, Рагузинский по приказу государственного канцлера графа Головкина в 1730 году составил записки о Китае, в которых описал Пекин, дворец китайского императора, состояние крепостей в китайских городах и осветил ряд других вопросов [74]. Он принимал несколько раз участие в обсуждении мер, касавшихся русско-китайского торга, причём попрежнему оставался сторонником государственной монополии в торговле с Китаем.

Савва Владиславич умер в Петербурге 17 июня 1738 года.

---

[72] Курц. «Колониальная политика России и Китая в XVII и XVIII в.в.», «Новый Восток», 1927, № 19, стр. 194.

[73] Caster «Histoire de Catherine II, imperatrice de Russie» II. p. 370. Paris.

[74] «Граф Владиславич о Китае в XVIII веке», «Русский Архив», 1900, № 8, стр. 572.

Глава II

КЯХТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Торговля России с Китаем, завязавшаяся во второй половине XVII века, как уже было сказано, заключалась почти исключительно в отправке из Москвы в Пекин казённых караванов, которые возили в Китай преимущественно пушнину. Но до 1728 года, т. е. до заключения Кяхтинского договора, русско-китайская торговля не получила, однако, более или менее заметного развития. И лишь с перенесением этой торговли на границу и с учреждением Кяхты, как постоянного торгового пункта, начался новый период в русско-китайских торговых сношениях, ставших уже в первое двадцатилетие своего существования на твёрдую почву. Во второй же половине XVIII века пограничная торговля через Кяхту настолько разрослась, что «сделалась одною из важных статей внешнего оборота России»[75].

Вот почему её история в этот период и представляет для нас немалый интерес. Задача данной работы состоит в том, чтобы дать исторический и некоторый статистический обзор кяхтинской торговли и показать те перемены в её практике, которым подвергалась она, а вместе с тем представить в общих чертах движение её торговых оборотов.

Основателем «Песчаной Венеции», как часто называли Кяхту в литературе, был Савва Рагузинский. Он после обмена трактатами ещё долгое время оставался на границе и сам лично занимался как выбором места, так и подготовкой к строительным работам будущей торговой слободы.

Кяхта была заложена на самой границе, в 4 верстах от Троицкой крепости (будущего Троицкосавска). Последняя стала быстро отстраиваться в 1727 году на месте бывшего Барсуковского зимовья и к моменту основания Кяхты имела уже несколько жилых домов, таможню, амбары, тюрьму и деревянную церковь. Кяхта первое время являлась форпостом Троицкой крепости.

Строительство форпоста было возложено Рагузинским на

[75] «Несколько слов о кяхтинской торговле», (извлечено из № 199 и 200 «Северной Пчелы»), СПБ, 1856, стр. 12.

капитана Кнегинкина. В качестве рабочей силы было оставлено 250 солдат Якутского полка. Из Удинска было прислано на работу 30 казаков. Предполагалось Кяхтинский форпост построить в одно лето, а в крайнем случае—зимою. В 1728 году Кнегинкин окончил постройку форпоста. Первоначально выстроили 32 избы для купцов, в середине—гостиный двор на пространстве 16 саженей, с 24 лавками, а вверху—амбары для склада товаров[76].

Заметим, что Троицкая крепость и Кяхтинский форпост были выстроены на неудобном месте, в песчаной степи, лишённой часто воды, так как короткая и мелководная речка Кяхта летом обыкновенно пересыхала и жители пили воду из колодцев. На этот недостаток Кяхты указывали многие путешественники, посетившие её как в XVIII, так и в XIX веке. Например, Гмелин, побывавший в Кяхте в 1735 году, считал, что торговый пункт нужно было построить на многоводной реке Буре, которую, по его мнению, русские могли получить от китайцев во время разграничения земель[77]. «Кяхта,—пишет Паллас,—посетивший её в 1772 году, ни чем так не бедна как водою, маленькая речка того же имени, протекая к северу, проходит мимо крепости и слободы... Притом вода в ней мутная и к употреблению людям негодная и для того копают всегда как в крепости, так и в слободе колодцы; но и в них вода или горькою солью или известью пахнет и самой лучший чай портит и густит»[78]. Сохранилось предание, рассказывающее о том, что Рагузинский выбрал такое место для торгового пункта неспроста. Он боялся коварства и злобы китайцев, которые могли при остром конфликте отравить воду в реке и искал реку, текущую не из Китая, а в Китай, точнее в Монголию. Такой рекой была только Кяхта.

Во второй половине 1728 года Кяхтинский форпост уже стал местом русско-китайской меновой торговли. В апреле этого года на имя Генерального правления пограничных дел было получено письмо от группы китайских купцов, прибывших с товарами в Ургу, в котором китайцы предлагали открыть торговлю на реке Кяхте. Пограничное правление приняло это предложение и особым указом широко известило забайкальских купцов, рекомендуя им ехать к Кяхте и там «...торговать добровольно всякими товарами, кто чем похочет, кроме провианту и мягкой рухляди, с платежом обыкновенных пошлин»[79].

[76] Газета «Байкал» № 10 от 3-го августа 1897 г., стр. 3 («Байкал»—еженедельная газета, выходила в Кяхте с июня 1897 г., редактировал И. В. Боганов).

[77] D. Johann Georg Gmelins «Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743». Erster Teil. Göttingen, 1751. S. 445.

[78] Паллас. «Путешествие по разным провинциям Российского государства», часть III, половина первая, СПБ, 1788, стр. 150.

[79] Сычевский. «Историческая записка о китайской границе», Москва, 1875, стр. 224.

Купцы должны были ехать в Селенгинск и там предъявлять свои товары в таможню, а оттуда уже направляться к месту нового торга. Боясь, что купцы могут не съехаться, пограничное правление вызвало купцов из Иркутска. Но сбор шёл медленно; так, с 1-го августа по 2-е сентября 1728 года через Селенгинскую таможню проехало всего десять русских купцов. Не спешили на вновь открывающийся торг и китайские купцы. Последних к 25-му августа съехалось только четыре юрты. Но торг всё же открылся.

В конце сентября того же года в Кяхту возвратился из Пекина русский караван. Он привёз с собой меха, оставшиеся от продажи на пекинском рынке, в числе которых были камчатские бобры, рыси, соболи и собольи пупки. Весь этот товар комиссар каравана сдал в Кяхтинском форпосте целовальнику Лягунову, последний променял его китайским купцам. Так началась кяхтинская торговля [80].

В Кяхте для сбора пошлин был назначен надзиратель; при нём находился ларёчный с несколькими служилыми людьми. За постой в форпосте с русских купцов брали по 30 копеек в месяц с человека. Деньги записывались самим Княгининым в особую книгу [81].

В 1729 году полковник Бухгольц доносил в Коллегию иностранных дел, что торг с китайцами в Кяхте уже открыт, а в Цурукайтуйской слободе из-за трудной и дальной поставки лесу почти ещё не начато строение, кроме поставленных семи изб; ибо китайцы, за неспособностью места, не токмо не помышляют там строиться, но и не желают производить купечества» [82].

В том же году Кяхта явилась местом остановки китайского посольства, которое направлялось в Россию для поздравления Петра II с восшествием на престол. В Кяхте послы прожили около семи месяцев в ожидании приезда титулярного советника Глазунова, выехавшего из Москвы и назначенного для сопровождения посольства [83].

В некоторые годы первого десятилетия существования кяхтинского рынка китайское купечество плохо посещало его и торговля шла вяло. Такое положение объясняется тем, что русские товары из-за отсутствия среди них мягкой рухляди, запрещённой правительством к продаже частными лицами, мало интересовали китайских купцов. На те же товары, которые представляли для них некоторый интерес, китайцы, торгуя компаниями, заранее назначали очень низкие цены и повышали цены на свои товары. В то же время они не позволяли никому,

---

80 Курц. «Госуд. моноп. в торг. России с Китаем в XVIII ст.», стр. 45 и 48.

81 А. П. Васильев. «Забайкальские казаки», Чита 1916, том II, стр. 26.

82 Цит. по Андриевичу, «Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времён до 1762 года», СПБ, 1887, стр. 148.

83 Бантыш-Каменский, стр. 165.

кроме членов компании, участвовать в торговле с русскими. Поэтому русское купечество принуждено было или сбывать свои товары за бесценок, или же удерживать их до тех пор, пока китайцы не согласятся на более сходный обмен, что бывало довольно редко. Особенно отрицательно такой порядок сказался в первый год установления торговли в Кяхте. Комиссар Дементьев, «усердный не по разуму», внёс в список запрещённых почти все товары. Китайские купцы вынуждены были подать жалобу на Дементьева своему дзаргучею. Они даже обещали прервать торговлю и вернуться в Ургу. Об этом узнали в Иркутске, откуда назначили следственную комиссию, которая получила предписание расследовать действия комиссара и не препятствовать торговле [84].

Некоторое оживление в кяхтинскую торговлю 1729—1730 годов внесла продажа казённой пушнины, которой за это время было продано китайцам на 23.829 рублей [85].

К неудобствам кяхтинской торговли относилась и теснота гостиного двора. Селенгинский житель Парфен Семёнов, наблюдавший за ходом торга, в своём письме от 30-го июня 1731 года доносил Генеральному пограничному правлению, что «...кяхтинский гостиный двор для поклажи товаров построен зело мал: сего ради российское купечество принуждено товары свои содержать по десяти человек и более в одной лавке с великим утеснением, а некоторые содержат и в казармах при себе» [86].

Сибирский приказ неоднократно пытался через китайское пограничное начальство усилить торг на границе. В 1738 году иркутский вице-губернатор Бибиков, ссылаясь на указание Сибирского приказа, предлагал селенгинскому бригадиру и коменданту Бухгольцу связаться с китайскими пограничниками и просить их направлять в Кяхту своих купцов, «ибо, за неимением в Кяхте китайского купечества, остающиеся в Кяхтинском форпосте русские купцы живут долговременно, а товары их от многого лежания портятся» [87]. В 1739 году Бухгольц, требуя сведения о кяхтинской торговле, в своём предписании комиссару кяхтинской таможни Игумнову приводил из дел селенгинской канцелярии справку из прошения русских купцов, поданного в мае 1737 года; в этой справке сказано, что купцы, между прочим, пишут, что китайцы «русских товаров ни почему не требуют, отчего учинилось им, российским купцам, великое разорение,... а мунгальцев и лам мунгальских и протчих для купечества с российскими купцами не допускают» [88].

---

[84] Васильев, том II, стр. 29.
[85] Курц, стр. 45.
[86] Сычевский, стр. 227.
[87] Там же, стр. 228.
[88] Там же, стр. 229.

Но прежде чем излагать дальнейший ход кяхтинской торговли и меры, которые принимало русское правительство для её поддержания и расширения, необходимо указать причины, мешавшие её быстрому развитию. Основная причина заключалась в недостатках казённого караванного торга с Китаем. Если первое время караванная торговля велась успешно, то с середины 1710 года она, подрываемая конкуренцией русских купцов и недостаточной покупательной способностью китайского рынка, приходит в упадок [89].

Частные купцы имели ряд преимуществ перед караванами. «Российские купцы и другие люди,—пишет Ланг,—ездящие беспрестанно из Селенгинска в Ургу, покупают товары свои там, где их дешевле найдут, вместо того, что комиссар принуждён получать свои из казны,... из рук присяжных государевых целовальников, которые ставят их иногда в такую высокую цену, что он едва может их продать в половину того, как оные у него поставлены. Другую выгодность ездящие в Ургу торговать имеют сию, что в дороге не более десяти или двенадцати дней у них проходит, и что с самого своего прибытия, начав свой торг, через два либо три дня уже в состоянии находятся и назад отъезжать; вместо того, что комиссар, сделав великие издержки, едва может в три месяца приехать в Пекин, и когда туда прибудет, то держится тамо в заперти недель около семи» [90]. За этот срок купцы могли сделать до пяти поездок из Селенгинска в Ургу. Часто случалось, что караван в Пекине находил такое количество русских товаров, навезённых туда китайскими купцами из Урги, Науна и других пограничных мест, что ему приходилось ещё жить несколько месяцев, чтобы расторговаться. Всё это время комиссар должен был содержать «всех людей находящихся при караване» за казённый счёт [91]. «Наконец, караван,—читаем в старинном сочинении о русской коммерции,—возвратясь в Россию, находил уже в оной после столь великих издержек китайские товары в изобилии; ибо частные купцы начинали привозить их непрестанно, и от сего становились они в низкой цене» [92].

О количестве вывозимых частными купцами китайских товаров из Урги и Науна в начале XVIII века дают любопытный материал иркутские таможенные книги. В этом отношении наиболее показательной является одна из записей, сделанная в таможенной книге за 1702 год. В ней сказано: «Февраля 16 продал селенгинского служилого человека Гурия Уразова работный его человек Афонасий Сосновских из Нерчинской провозжей китайского товару привозу его Афонасьева в Иркуцк и

---

[89] Курц, стр. 75.
[90] Дневник Ланга, стр. 61.
[91] Там же, стр. 62.
[92] Чулков, том III, кн. 2, стр. 18

его Гурьева вывозу из Китая прошлого 1701 г. усольцу Козьме Гаеву 50 тюней китайки средней руки, еренчанину Прохору Попову 50 тюней китайки средней руки, и с тех китаек плачена десятая у него, Гурия, теми-ж китайками в Нерчинску в таможне в прошлом в 1701 г., а взял он за те китайки за тюнь по 4 р. с полтиною, всего 450 руб.»[93]. Интересно отметить и тот факт, что уже в то время китайские товары шли даже в уплату за «чёрную» работу. Так, в той же вышеуказанной иркутской таможенной книге значилось, что у промышленного человека Федьки Иванова была взыскана в Иркутске пошлина с камки и трёх концов китайки малой руки, которые «выработал он у всяких чинов людей чёрною работою»[94]. Приведённые записи свидетельствуют о том, что в начале XVIII века (до 1710 г.), когда караванная торговля переживала свой расцвет, частные купцы вывозили с китайских рынков значительное количество товаров. В 20-х и 30-х годах XVIII века этот вывоз настолько вырос, что стал большой помехой для распродажи казённых караванов в Москве и Петербурге.

Русское правительство пыталось регулировать ввоз китайских товаров в Россию таким образом, чтобы обеспечить, прежде всего, прибыль караванам. Так, в 1731 году по донесению Ланга состоялся указ, в котором было сказано, что «с Пекина в казённом караване между протчими товарами вывозитца немалое число камок и китайки, а небезизвестно есть, что такие товары российские купецкие люди, покупая на границе, привозят в Москву, отчего в продаже казённых товаров немалое помешательство чинитца, и хотя агент Ланг в доношении своём представляет, чтоб тем купцам кроме... мягкой рухляди прочими товарами попрежнему торговать, однако-ж в том же доношении он, Ланг, написал, что какие товары им (купцам) в Москву возить позволить или запретить о том Сибирской приказ лутче нежели он предлогать может»[95].

Сибирский приказ составил ведомость, в которой указал, какие китайские товары могут покупать купцы в Кяхте и Цурухайте, и какие им разрешается вывозить в Москву, а также в сибирские города и на ярмарки. Лангу же было предложено «усмотреть» те товары, которые в Москве «за низкими ценами проданы быть не могут», и распродать их в Сибири и in других российских городах, во время следования каравана по пути из Китая в Москву[96].

---

[93] «Иркутские таможенные книги за 1702 г.» (Книга № 1355). «Первое столетие Иркутска», Сборник материалов, изд. В. П. Сукачева, СПБ, 1902, стр. 76.

[94] Там же, стр. 74.

[95] Государственный архив Иркутской обл. Фонд Илимской воеводской канцелярии, Дело 270, лист 216.

[96] Там же, лист 218.

Правительство не только определяло товары, которые частные купцы могли покупать и продавать в Кяхте, но оно даже ограничивало допуск купцов на китайскую границу. Торговые люди, проживающие в России и имеющие намерение вести торг в Кяхте, пропускались туда исключительно по дозволению Сибирского приказа, который выдавал разрешения или виды в строго определённом количестве. Это правило также было связано с желанием правительства повысить доходность караванов. Лишь одни сибиряки пользовались правом свободной поездки в пограничные торговые пункты—Кяхту и Цурухайту.

В отношении же сбыта пушнины, как самого главного товара, экспортируемого в Китай, правительство принимало особенно строгие меры. Чтобы удержать торговлю пушниной за собой, оно несколько раз запрещало частным купцам вывозить её на китайский рынок. Одно из таких запрещений, как упоминалось выше, относилось к декабрю 1726 года. Оно состоялось в результате донесения Рагузинского и было повторено указом 26 июня 1727 года [97]. Но эти меры не дали желаемых результатов. Караван, отправленный в Пекин в сентябре 1727 года, как уже было сказано, торговал плохо. Поэтому после возвращения Рагузинского в Москву правительство решило обсудить вопрос о пользе государственной торговой монополии с Китаем. К обсуждению были привлечены Рагузинский, сибирский губернатор Долгорукий и Ланг, которые изложили свои соображения в особых докладах.

Рагузинский считал, что раз караван 1727 года, вследствие переполнения пекинского рынка пушными товарами, торговал с малой прибылью, то следующий караван надлежит отправить «частный и небольшой», но отнюдь не прерывать торговли, иначе китайское правительство, будучи непостоянным в своих решениях, может сделать отсутствие очередного каравана предлогом для запрещения караванного торга. Долгорукий также считал необходимым продолжать казённую караванную торговлю с Китаем. Но он возражал против мнения Рагузинского, высказанного ещё в 1727 году, о запрещении частным купцам торговать пушными товарами на границе. По его соображениям такой запрет принёс бы большой таможенный недобор. Несколько позже представил Сенату свой доклад и Ланг, в котором он изложил целый проект по организации русско-китайской торговли. Ланг предлагал, чтобы все пушные товары поступали в казну, казна же может продавать их частным купцам и только меха, купленные у государства, разрешать променивать китайцам в пограничных торговых пунктах. Собранные казной деньги от продажи мехов и от таможенного сбора употреблять на покупки ефимков, которые имели хорошее хождение в Пекине.

---

[97] Полное собрание законов Российской Империи, СПБ, 1830, том VII, № 5. 110.

Казённый караванный торг не прекращать, посылая в Пекин небольшие караваны с мягкой рухлядью. С ними же отправлять и ефимки, покупая на них ходовые в России китайские товары. По его мнению, такие караваны принесли бы больший доход государству [98].

Рассмотрев эти мнения, правительство решило отправить в Пекин в 1731 году казённый караван с пушниной на сумму в 100 тысяч рублей. Директором каравана был назначен Ланг.

В указе, состоявшемся по случаю посылки нового каравана, снова было объявлено запрещение частным купцам вывозить пушнину на русско-китайские рынки. По этому поводу указ гласил: «В Пекине и прочих китайского владения местах отнюдь российским подданным, всякого чина и звания людям ни под каким претекстом, ни предчиною мягкою рухлядью кроме казённой с караваном в Пекин посылаемою не торговать и за границу ни тайно, ни явно не отпускать под потерянием всех таких товаров, дабы оной торг через удержание излишней мягкой рухляди паки привести в первое достоинство государственной прибыли» [99].

Частным купцам пришла на помощь контрабанда, посредством которой они продолжали сбывать пушнину в Китай. Контрабандная торговля пушными товарами постепенно стала расшатывать основание государственной монополии и к пятидесятым годам XVIII века окончательно подорвала её.

Иркутская ратуша в целях борьбы с контрабандой не раз посылала в Селенгинскую земскую избу указы с требованием напоминать купцам, торгующим с китайцами, о существовании правительственных запрещений на продажу пушнины. Так, в апреле 1735 года Иркутская ратуша специальным указом предложила Селенгинскому земскому старосте Ивану Мостовскому объявить публично местному и российскому приехавшему купечеству, что «...в Китайском государстве и в протчих во всех китайского владения местах никому российским подданным и всякого звания людям ни под каким протектом, ни причиною мягкою рухлядью, кроме казённой, такой мягкой рухляди, которая послана будет в караван в Пекин, своими собственными товарами и мягкой рухлядью не торговали и за границу ни тайно, ни явно не отпускали под потерянием всех таких товаров, которые указом запрещены вольным торгом, а именно: камчатские бобры, рыси, белку нерчинскую и якутскую, лисицы бурые, серые, крестовки и огнёвки и соболи камчатские и якутские да недопески и, конечно, с получением указу ежели у кого посадских имеется мягкая рухлядь и тем людям в вышеписанных местах торг запрещён был неотменно и потому оные её име-

[98] Курц, стр. 54—55.

[99] Государственный архив Иркутской области, Фонд Илимской воеводской канцелярии, Дело 335, лист 20.

раторского величества указы значат купечеству с запискою и с подписанием и по запрещении оною мягкою рухлядью торговли в Иркутскую ратушу ведеть писать с подлинным обстоятельством несумненно и селенгинскому земскому старосте Мостовскому о вышеписанном ведать»[100].

Благодаря контрабандной торговле, караван 1731 года встретил в Пекине большое количество пушнины, привезённой туда, главным образом, из Кяхты. Правда, каравану удалось расторговаться. Это объясняется тем, что вывозной товарный капитал равнялся всего 100 тыс. рублям, т. е. был втрое и вдвое меньше чем предыдущие караваны. Однако, он не дал той прибыли, какую ожидало от него русское правительство.

В 1734 году, когда окончательно выяснилось, что в последнем караване прибыли было слишком мало, правительство снова занялось рассмотрением вопроса о пользе государственной торговой монополии с Китаем. В июле названного года Рагузинский в докладе Остерману изложил свою точку зрения на ход караванного торга. Он видел причину неудачи каравана 1731 года не в том, что им была перенесена торговля на границу, где променивалась пушнина контрабандным путём, а в плохой организации караванов. По его мнению, нужно было бы, по крайней мере «за год до отпуску каравана всё потребное изготовить, прибрать и убрать, и накупить те вещи, которые суть лучшие в прибыли, а не так, чтоб через несколько месяцев то исправить, как ныне следовало в последнем караване»[101].

Правительство решило продолжать караванный торг с Китаем и в 1734 году приступило к подготовке третьего каравана со времени Кяхтинского договора.

По плану правительства караван должен был выйти в путь «не позже как с половины июля месяца предбудущего 1735 года, дабы мог в Пекин прийти в октябре месяце»[102]. Но подготовка его задержалась, и он прибыл в Пекин только в ноябре 1736 года.

На пекинском рынке караван нашёл втрое больше мехов, навезённых туда китайскими купцами с границы, чем было у него. Это обстоятельство заставило русское правительство издать в сентябре 1739 года новый указ, которым ещё раз подтверждалось запрещение частным купцам променивать пушнину китайцам[103]. Почти одновременно было решено отправить ещё один караван в Пекин, «а впредь китайскому караванному торгу не быть, а собрать компанию знатных купцов и проч...

---

[100] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 8, лист 229.

[101] Бантыш-Каменский, стр. 377.

[102] Государственный архив Иркутской обл., Фонд Илимской воеводской канцелярии, Дело 270, лист 216.

[103] Полное собрание законов, том X, № 7895.

…персон, кто пожелает в оную китайскую компанию положить капитал» [104].

Ещё раньше этого решения в России делались попытки организовать купеческие компании по торговле с Китаем, наподобие бывших тогда иностранных компаний.

Первая попытка организовать компанию под названием «Восточно-Китайская торговая компания» была сделана ещё при Петре I в 1711 году, но она не имела успеха [105]. В 1728 году рижский купец Соломон Самсон подал Петру II проект учреждения такой же компании для того, «чтоб вольно было торговать в Китайское государство». Его проект состоял из следующих положений:

1) Учредить управление компании из «знатных и умных людей».

2) Компания выпускает на 4—5 миллионов рублей акций, «компанейских листов», по 400-500 рублей каждая.

3) Запретить ввоз морем в Россию тех китайских товаров, которые будет ввозить из Китая компания.

4) Снизить пошлины на компанейские товары [106].

Наконец, сибирский вице-губернатор Ланг, уже руководствуясь указом 1739 года, составил проект учреждения купеческой компании по торговле «с пограничными около Сибири государствами». Он предложил создать банк с основным капиталом в 2 миллиона рублей посредством выпуска акций достоинством по 300 руб. каждая и с позволением вступать в компанию всем желающим купцам. Этот проект был одобрен коммерц-коллегией и утверждён сенатом, после чего коммерц-коллегия предложила местной администрации широко оповестить всех своих купцов об организации компании и «взять подписки с тех, кто пожелает в оною положить капитал» [107].

В государственном архиве Иркутской области сохранился указ, датированный 7 августа 1740 года, который был послан из Иркутской ратуши в Селенгинскую земскую избу. В этом указе предлагалось земскому старосте, чтобы он «в Селенгинскую земскую избу селенгинских купецких людей собрал и объявил прежде посланный печатный указ, не пожелает кто по тому указу впредь в китайский караванный торг в компанию иттить, и ежели кто пожелает, то сколько из собственного своего капиталу в ту китайскую компанию положить желает, а по объявлении об оном купечеству, ежели кто в ту компанию иттить пожелает и сколько капиталу своего положить намерен, о том взять у тех людей за их руками подписки и те подписки

---

[104] Государственный архив Иркутской обл.. Фонд Илимской воеводской канцелярии. Дело 936, лист 30.

[105] Проф. Н. Н. Фирсов. «Русские торгово-промышленные компании в I половине XVIII столетия». Изд. 2, Казань, 1922, стр. 23.

[106] Чулков, том III, кн. 2, стр. 180—182.

[107] Чулков, том III, кн. 2, стр. 252.

и их объявить в Иркутскую провинциальную канцелярию неотложно, понеже оная провинциальная канцелярия признаёт, что ежели об оной компании иркутскому купечеству заблаговременно не объявить, а та компания в коммерц-коллегии укомплектуется российскими и другими нацией купцами, а потому хотя-б кто из селенгинского купечества и пожелал в ту компанию вступить, то он уже сверх комплекту в ту компанию допущен не будет» [108].

Два раза рассылались подобные правительственные указы, но купцов, пожелавших вложить свои капиталы в предложенное предприятие, не нашлось, и план Ланга не осуществился. Объясняется это тем, что у купцов при предложении учредить компанию по торговле с Китаем возникало недоверие к правительству. Они, как указывал Ланг в своём проекте об организации торга «с пограничными около Сибири государствами», боялись, что компанейский капитал могут отобрать «в потребном случае на государственные нужды» [109]. Вредило созданию компаний и отсутствие доверия между купцами. Всё это свидетельствует, что к тому времени частный торговый капитал в России ещё не мог проявить большую предприимчивость, которой требовала международная торговля через Сибирь.

Аналогичный проект по организации купеческой компании был составлен в 1741 году Остерманом и подан на рассмотрение правительнице Анне Леопольдовне. Но вскоре Остерман и Анна Леопольдовна исчезли с государственной сцены, исчез и проект, не получив широкой огласки [110].

Государственной торговле с Китаем вредил ещё ввоз китайских товаров из Западной Европы. «В прошлых годах,—читаем в указе от 5-го декабря 1743 года,—и при жизни... Петра Великого, и по кончине его... китайские товары в чужестранные государства всегда на продажу отпускались из России и от того торга подданные ея императорского величества, немалые себе прибытки получали; а ныне усмотренно, что те китайские товары из разных европейских мест начали вывозить в Санкт-Петербург, отчего соседственной с Россиею торг, не токмо с помешательством, но и с великим убытком происходит, и впредь от времени до времени упадать может». Исходя из такого положения, правительство этим же указом строго запретило ввозить китайские товары из европейских государств [111].

Но основной вред казённой монополии приносила контрабандная торговля, достигшая больших размеров в конце 40-х годов XVIII века. В этом отношении довольно показательным

[108] Государственный архив Иркутской обл., Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 15, лист 319.

[109] Чулков, том III, кн. 2, стр. 244.

[110] А. Корсак. «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем», Казань, 1857, стр. 39.

[111] Полное собрание законов, том XI, № 8328.

является такой факт. В 1748 году в Кяхте был пойман с пушным товаром посадский Иркутска Николай Бречалов. На следствии выяснилось, что он однажды уже променял китайцам камчатскую пушнину, купленную им в Иркутске у тотемского купца Холодилова. За неё Бречалов получил от китайских купцов разные ткани, стоившие по таможенным расценкам 6.088 рублей. Это была большая сумма по тому времени [112].

Правительственные меры, принимаемые по борьбе с тайной торговлей пушными товарами, осложнялись тем, что нередки были случаи, когда купцам в их контрабандных делах помогали таможенные служители и пограничное начальство. Так, в 1750 году Сибирский приказ предложил Иркутской провинциальной канцелярии произвести расследование «повинного доношения» московского купца Алексея Шелехова, который просил, чтобы с него сняли штраф, наложенный за то, что он и ещё несколько других московских купцов в 1749 году, находясь в Кяхте, «воровски» променяли камчатскую «мягкую рухлядь» китайцам на их товары. Шелехов считал, что штраф наложен на них неправильно, так как промен состоялся с согласия таможенных служителей. Провинциальная канцелярия поручила вести следствие по этому делу селенгинскому воеводе Якобию вместе с членами Иркутского городского магистрата. На следствии было установлено, что Шелехов и другие названные им купцы действительно променяли китайцам мягкую рухлядь с разрешения кяхтинского таможенного бурмистра Поникаровского и ларечного Сибирякова, за что последние получили от купцов взятку. Следственная комиссия решила подвергнуть большому денежному штрафу как купцов, так и Поникаровского и Сибирякова.

В этом же указе Сибирский Приказ предлагал Иркутской провинциальной канцелярии чаще напоминать купцам, торгующим в Кяхте, о правительственных запрещениях променивать мягкую рухлядь китайцам, при этом особенно подчёркивать наказания, которым будут подвергаться виновные, а именно: «...ежели у кого запрещённые товары и мягкая рухлядь явится, то оную конфисковать...», а виновного подвергнуть штрафу «и ежели от кого штраф на сроки платеж не воспоследствует, то за такие штрафы брать прежде движимое, ...ежели движимого имения не достанет штраф заплатить, тогда брать и недвижимое, а буде у кого случится дворы и вотчины, то прежде продать оное, которое оштрафованный без великого своего раззорения по своей воле продать захочет, токмо-б штраф заплачен был» [113].

---

112 Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 37, лист 90—91.

113 Государственный архив Иркутской области, Фонд Илимской воеводской канцелярии, Дело 13, лист 265.

Но напоминания и предупреждения помогали мало и контрабандный вывоз возрастал с каждым годом, расшатывая всё сильнее и сильнее государственную караванную торговлю с Китаем. В 1752 году последовал ещё один указ, запрещающий частным купцам торговать мягкой рухлядью. Это была последняя попытка правительства удержать монополию внешней торговли с Китаем в своих руках. Караван, отправленный в 1755 году, как и все ранее посылавшиеся караваны, торговал в Пекине неудачно. Это окончательно убедило правительство в нецелесообразности продолжения торга с китайцами.

Так закончилась казённая караванная торговля с Китаем, существовавшая почти шестьдесят лет. Она не принесла большой прибыли казне, но сильно стеснила частную коммерческую деятельность. Дворянскому государственному аппарату было не под силу осуществить принцип казённого монопольного торга с пекинским рынком, и он вынужден был передать ведение русско-китайских торговых сношений в руки постепенно растущему и крепнущему частному торговому капиталу. Однако, нельзя забывать, что караванный торг подготовил Кяхтинский договор, который в дальнейшем расширил торговые обороты между Россией и Китаем.

С прекращением караванной торговли фактически прекратили своё существование русско-китайские рынки в Пекине и Урге. Местами торговли стали пограничные пункты и, прежде всего, Кяхта. Но казна не совсем отказалась от пекинского рынка. Она продолжала посылать туда пушные товары с русскими духовными миссиями. Конечно, этих товаров было во много раз меньше, чем в караванах, и их распродажа давала казне ничтожную прибыль, которая, главным образом, шла на нужды членов миссий. Такая торговля продолжалась всю вторую половину XVIII века. Ещё в 1794 году «для продажи казённых товаров» был отправлен в Пекин вместе с духовной миссией Федор Шегорин[114].

Следовательно, прочным началом торговли России с Китаем на границе можно считать 1755 год. Правда, казённый караванный торг официально был отменён только в 1762 году Екатериной II, но караван 1755 года был последним[115].

С этого времени начинается настоящая торговля в Кяхте, начинается фактически и её история, так как история Кяхты есть, прежде всего, история её торговли.

Почти одновременно с Кяхтой, в 120 саженях от неё, на самой границе с монгольской стороны, китайцы построили свой торговый город Маймачен. Тип построек, расположение улиц

[114] П. Головачев. «Иркутское лихолетье 1758—1760 г.г.». Изд. А. В. Касьянова. Москва, 1904., стр. 25.

[115] А. М. Самойлов. «Исторические и статистические исследования о Кяхтинской торговле». Сборник статистических сведений о России. Отдел II. СПБ, 1854, стр. 6.

и внутренняя жизнь этого города были очень оригинальны. Несмотря на близость русского поселения Кяхты, Маймачен был настроен в чисто китайском стиле. Улицы его шли прямыми линиями и были застроены небольшими жилыми домами, во дворах которых находились торговые лавки и кладовые, а также амбары[116]. Дома фасадов в улицу не имели.

Основную часть населения города составляло купечество и обслуживающий персонал торговых лавок. Жизнь маймаченского китайца была однообразна и скучна. Все его интересы сводились исключительно к торговле. Маймачен являлся одним из отдалённых китайских торговых городов, возникших так же, как и Кяхта, в результате перенесения русско-китайской торговли на границу.

Русские купцы доставляли товары в Кяхту обычно осенью или зимой, китайцы же начинали свозить их со второй половины сентября в Ургу, а оттуда по мере надобности перевозили в Маймачен.

В конце 30-х годов в Кяхте наблюдалось некоторое оживление в торговле, «чему немало способствовало заведение постоянного торга ревенем». Торговля ревенем с 1731 года стала составлять царскую монополию. В указе от 8-го апреля 1731 года по этому поводу говорилось: «Ревеню, который напред сего покупкою и продажею содержан был из казны из Сибирского приказа с немалою прибылью, а с 1727 года, по указу из Верховного Тайного Совета, уволен торговлею в народ, с нынешнего времени для казённой прибыли быть попрежнему казённым товаром». Частным купцам строго запрещалось вести торговлю ревенем. Для покупки ревеня в казну правительство решило отправлять из Сибирского приказа «нарочитых купчин»[117].

В 1737 году для заготовки китайского и бухарского ревеня, продаваемого в Кяхте, решением кабинета министров был послан в качестве государственного комиссара купец Свиньин. Для ведения дел при нём был учреждён штат небольшой канцелярии, состоящий из помощника комиссара, канцеляриста и двух копиистов[118].

Свиньин повёл дело хорошо и за два месяца выменял около тысячи ста пудов ревеня. Чтобы торговля и дальше шла также успешно, правительство предложило ему заключить с бухарцами и китайцами контракт и иметь всегда для мены на ревень необходимое количество товаров, которое свозить заблаговременно в Кяхту[119]. В 1738 году из питейных сумм кружечных сборов города Селенгинска и Кяхтинского форпоста Свиньину

[116] Чулков, том III, кн. 2, стр. 19—20.
[117] Полное собрание законов, том VIII, № 5741.
[118] Полное собрание законов, том X, № 7181.
[119] Там же, том X, № 7324.

было отпущено на покупку таких товаров 11.778 рублей[120]. В том же году он получил разрешение покупать в Сибири «белку, лисицу, горностаев, песцов, бобров камчатских и прочих, которые способные менять на ревень»[121]. Хотя эта мера и шла вразрез правительственному принципу — не продавать пушнину на границе из-за того, что такая торговля могла принести ущерб караванам, но в данном случае у правительства были другие соображения. Закупленный на кяхтинском рынке ревень казна сбывала с большой прибылью через Петербург в страны Западной Европы, а также продавала его по высоким ценам внутри государства. Выменять же ревенный корень в Кяхте на товары без пушнины составляло значительную трудность. Кроме того, разрешением променивать пушнину на ревень, правительство хотело отвлечь бухарских и китайских купцов, торгующих этим товаром, от русских торговцев, которые несмотря на строжайший запрет, получали ревенный корень контрабандным путём. Действительно, бухарцы и китайцы, будучи заинтересованы в получении пушнины, стали охотнее отдавать ревень казне, чем частным лицам.

Если в первое время своего пребывания в Кяхте Свиньин вёл дело успешно, то впоследствии, пользуясь самостоятельностью и отсутствием правительственного контроля, он стал творить большие злоупотребления. В глазах правительства Свиньин оказался «не только подозрительным, но и сущим похитителем немалой казны». За ним много раз замечалось, что он крал казённые деньги и пушнину, предназначенную для промена на ревень, посылал в Петербург ревенный корень низкого качества, но по высокой цене. Всё это Свиньин делал с помощью своих приказчиков «между которыми от большей части родственники его были»[122]. В 1745 году «для описи нажитков и арестования» Свиньина Сенат направил в Кяхту лейбгвардии адъютанта Ивана Ознобишина[123].

Кяхта в первой половине XVIII века являлась рынком не только для сибирских купцов и государственных уполномоченных вроде Свиньина, но и для частных купцов центральной России. Туда приезжали купцы из Москвы, Ярославля, Костромы, Нижнего-Новгорода, Суздаля, Вятки, Казани и других городов. Эти купцы, также как и сибиряки, нарушали правила, установленные правительством по торговле на русско-китайской границе. Они променивали в Кяхте китайцам запрещённые

---

[120] Государственный архив Иркутской обл., Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 13, лист 17—18.

[121] Полное собрание законов, том X, № 719[illegible].

[122] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской воеводской канцелярии, Дело 1594, лист 149.

[123] [illegible] Летопись Губернского города Иркутска», «Первое столетие Иркутска», стр. 153.

товары, которые привозили с собой или же покупали в разных местах Сибири. В 1734 году Сибирский приказ жаловался на то, что «как в России, так и в Китаях российские товары стали весьма дешевы оттого, что многие великороссийские купцы и их приказчики в Сибири мягкую рухлядь закупают и при границах продают и променивают[124].

Нередки были случаи, когда крупные российские и сибирские торговцы посылали товары в Кяхту с комиссионерами. Последние наживали приличные капиталы с процентов, а чаще всего—путём обмана своего же хозяина. Словцов, ссылаясь на рассказ историка Татищева, приводит пример с московским купцом Филатьевым, который был обманут своим комиссионером, ездившим в Кяхту, на 50.000 рублей[125]. В 1749 году челябинский купец Григорий Неводчиков по письменному обязательству дал комиссионерам, проживающим в Иркутске, красные и чёрные юфтевые кожи российской выделки, оценив весь товар в 789 рублей. Взамен этого комиссионеры должны были переслать ему китайские товары: канфу, китайку и чай. Но они доставили менее полагающегося и Неводчиков послал на них жалобу в Иркутск. Такие же операции производил суздальский купец Иван Карпов и ряд других суздальских купцов[126].

Уже в 40-х годах торговые обороты российского купечества в Кяхте приняли значительные размеры. «В 1746 году,—пишет Семёнов,—в 8 месяцев в Кяхте куплено и вымечяно русскими купцами китайских товаров на 177.106 руб.; многие отпуски состояли до 10.000 руб. и самые большие на счёт московских, тульских, тобольских, вологодских и ярославских купцов (у московского 1-ой гильдии купца Журавлева на несколько десятков тысяч)»[127].

Дипломатические сношения России с Китаем, особенно организация пограничной торговли между ними, оказали влияние на изменение административного руководства в Восточной Сибири. При разделении Сибирской губернии на провинции в 1719 году было решено иметь в провинциях вице-губернаторов, но, за отсутствием подготовленных лиц на эти места, их заменили воеводы, находившиеся по указу 1720 года в подчинении у тобольского вице-губернатора. В 1731 году сенат представил Анне Иоанновне доклад, где было сказано: «Понеже Иркутская провинция—пограничная и как для управления таможных дел и сборов, так и для содержания учинённого с китайским

[124] Государственный архив Иркутской обл., Фонд Илимской воеводской канцелярии, Дело 270, лист 217.

[125] Словцов, часть I, стр. 267.

[126] Государственный архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, дело 18, лист 533.

[127] Семенов. «Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год». Часть 3, СПБ, 1859, стр. 199.

двором трактата границ и порядочной корреспонденции, вице-губернатору быть нужно. Того ради в Сенате определён в ту провинцию вице-губернатором статский советник Алексей Жолобов»[128].

Заметим, что изменение в административном руководстве не уничтожило прежних злоупотреблений. Если иркутские воеводы, находясь в зависимом положении от сибирского губернатора, с опасением брали взятки, то «вице-губернаторы стали брать взятки с сознанием своей безнаказанности». Так, вице-губернатор Жолобов разрешил отдельным иркутским купцам вывозить запрещённые товары в Кяхту, за что получал крупные взятки. Указом Сената от 9-го июля 1736 года он был отдан под суд. На судебном следствии вскрылись все его преступления, в том числе и то, что он «многие товары тайно через заставы к себе привозил и в Москву отпускал, и к свободному тех товаров провозу для запечатывания брал из иркутской канцелярии нашу (т. е. казённую) печать, которой и печатал»[129]. Преступления подобного характера повторялись и при последующих вице-губернаторах. Особенно «доходной» статьёй их явилось тайное поощрение контрабандной торговли с Китаем.

В 1736 году решением Сената Иркутск был отделён от Тобольска и образовал самостоятельную губернию с непосредственным подчинением Сибирскому приказу[130]. Иркутскому вице-губернатору вменялось в обязанность вести строгое наблюдение за пограничными делами и торговлей, но самому не входить в сношения с Китаем, так как Китай привык сноситься только с Тобольском и Сенатом.

В 40-х годах торговое значение Кяхты возросло. Об этом свидетельствует следующее.

С 1741 года был открыт новый путь хождения казённых караванов в Пекин. Это был кяхтинский путь, который взял окончательный перевес над нерчинским путём. С 1741 года по 1755 год Кяхта служила местом остановки трёх последних караванов по дороге их следования в Китай и обратно[131]. В начале декабря 1743 года указом Сената велено было «для распространения купечества» поселить на Кяхте людей, отводить им «на строение дворов, заводов и огородов, так и на сенокосный выпуск... потребное число земли за городом близ Кяхтинского форпоста и селиться особливою слободою». В новой слободе разрешалось селиться людям, «не положенным в подушный оклад, если они не беглые крестьяне или солдаты». Переселенцам предоставлялись льготы: они освобождались от уплаты податей и рекрутского набора в течение нескольких лет. Выбор места

---

[128] Цит. по Андриевичу, стр. 158.

[129] Полное собрание законов, том IX, № 7009.

[130] Полное собрание законов, том IX, № 6876.

[131] Бантыш-Каменский, стр. 238, 251 и 261.

вод слободу, наблюдение за строительством и заселением возлагалось на бригадира Якобия. Судебные функции должен был выполнять комиссар Свиньин [132].

В 1745 году вторым указом к поселению на Кяхте были допущены купцы и крестьяне из губерний Московской, Казанской и Архангелогородской и сибирских городов. Тем крестьянам, которые уже поселились в районе Кяхтинского форпоста и обзавелись своим хозяйством, разрешалось остаться на месте, с занесением их в предстоящую перепись в списки подушного оклада при Кяхте. Допускались к поселению и мастеровые люди с зачислением в цехи; исключение составляли беглые крестьяне и солдаты [133].

При Кяхтинском форпосте на первый случай было поселено до ста семей. Предоставленные льготы, особенно же удобства пограничной торговли, привлекли многих купцов, и Кяхтинская слобода быстро застроилась. Она образовала собственно так называемую Кяхту—торговую купеческую слободу,—а семьи, поселённые на форпосте, послужили приращением к населению будущего города Троицкосавска. Последняя часть этого названия была приставлена в честь Саввы Владиславича Рагузинского.

Как упоминалось выше, речка Кяхта была короткая и мелководная. В летние жары она почти пересыхала, весной же при таянии на горах снега и осенью, во время дождей, вода в ней поднималась и течение делалось настолько стремительным, что нередко отрывало берега. Для поддержания уровня воды, в XVIII веке на речке были устроены две плотины: верхняя и нижняя. Первая находилась при Троицкой крепости, вторая при торговой слободе Кяхте. В XIX веке они уже не существовали. Но по ним официальное название Кяхта (собственно торговая слобода) изменилась на местном наречии в название «Плотина» [134].

Необходимо также указать, что в Кяхте в 30-х и 40-х годах покупалось китайское серебро. Нужда в звонкой монете побуждала правительство изыскать способы получения благородных металлов. В то время залежи золота в России ещё не разрабатывались, а добыча серебра производилась в ничтожном количестве. Поэтому казна должна была приобретать их из-за границы. В 1744 году по докладу Сената состоялось решение,—покупать серебро на монетные дворы в «заморских странах», в Персии и на китайской границе [135]. В том же году сенатским указом предлагалось иркутскому вице-губернатору Лангу, чтобы он «на китайской границе и в других тамошних местах ста-

[132] Полное собрание законов, том XI, № 8833.
[133] Полное собрание законов, том XII, № 9206.
[134] Семивский, стр. 217—218.
[135] Полное собрание законов, том XII, № 8898.

рался ханское серебро сколько возможно покупать, и на такие товары, которые тамо в продажу, выменивать»[136]. Однако, ещё раньше этих указов известны случаи, когда китайское серебро приобреталось казной в пограничных торговых пунктах. Иркутская летопись под 1736 годом сообщает, что иркутский вице-губернатор Плещеев, «посредством торга с китайцами, приобрёл в пользу казны 15.000 лан серебра»[137].

Близость Кяхты к Маймачену способствовала развитию беспошлинной торговли. Меры, принимаемые местной администрацией, давали плохие результаты. Это заставило сибирского губернатора Соймонова в конце царствования Елизаветы Петровны обратиться в Сенат с ходатайством о перенесении слободы дальше от границы. Сенат отказал и предложил в отношении «покупки и продажи товаров наиприлежное смотрение иметь», а с виновными поступать по закону[138].

В первой половине XVIII века торговля в Кяхте прерывалась четыре раза. Причиной перерывов служили нарушения обеими сторонами пограничных правил, установленных Кяхтинским трактатом. «Такие внезапные перерывы в торговле,—пишет Корсак,—происходили от случайных и маловажных обстоятельств, нарочно преувеличенных в Урге или в пекинском трибунале... Характер китайской политики, подозрительной, недоверчивой, гордой и вместе с тем мелочной, был причиной многих затруднений по торговле»[139].

С этим положением можно согласиться, но нельзя забывать, что и со стороны русских были хотя «маловажные и случайные», но частые нарушения трактата. Например, в 1732 году китайцы законно требовали выдачи своих соотечественников, попавших в плен к калмыкам и проданных в Сибири, но что русские отвечали молчанием. Иркутский вице-губернатор Жолобов ещё удерживал 1100 пленных китайцев. Китайских перебежчиков он не отправлял обратно, а брал с них ясачным скотом, который «отдавал для промена на товары»[140]. И только после того, как китайцы закрыли в 1738 году торг на всех пунктах, Жолобов обещал удовлетворить их требования.

После возобновления торга дела нисколько не изменились. Китайцы настаивали на возвращении скота, угнанного из Монголии в количестве 23.873 голов и расследования по поводу пропавшего пограничного столба на реке Уди. Русские со своей стороны требовали возвращения 25.789 голов скота. Наконец, когда в Маймачене русскими был ограблен китайский купец, товары которого были найдены под плотиной у речки Кяхты.

---

[136] Полное собрание законов, том XII, № 8961.
[137] Иркутская летопись Пежемского и Кротова, стр. 52.
[138] Полное собрание законов, том XV, № 11322.
[139] Корсак, стр. 57—58.
[140] Полное собрание законов, том IX, № 7009.

китайские власти во второй раз, в 1737 году, закрыли торговлю [141].

В третий раз торговля была прервана в 1744 году на 17 дней. Причиной этого перерыва послужил такой факт. В 1742 году двое пьяных русских — солдат Уфимцев и дьячок Сажин, находясь в Маймачене, давали одному китайцу 2 копейки на покупку водки. Китаец отказался. Завязалась драка, в результате которой двое китайцев были тяжело ранены и в ту же ночь умерли. Дело тянулось два года. Наконец, в июле 1744 года китайский трибунал прислал на имя Сената требование о наказании виновных и в нём изложил волю богдыхана, «что хотя смертоубийцев и должно смертью казнить, однако же за излишнее он, богдыхан, рассуждает, ежели человекоубийце отсечь голову, но довольно ежели и повешен будет» [142]. Но русское правительство и на этот раз не приняло никаких мер. Китайцы закрыли торг и разрешили его только тогда, когда был назначен суд над Уфимцевым и Сажиным.

В 1747 году произошла новая, четвёртая, приостановка торговли. Вызвана она была пограничным столкновением во время следования русского каравана в Пекин. Китайское правительство обвиняло экипаж каравана в оказании вооружённого сопротивления караульному посту, который отказался пропустить жену директора каравана на монгольскую территорию, где сделал остановку караван. Во время следствия выяснилась вина не экипажа каравана, а караульного поста, учинившего грабёж русских. Китайцы просили прекратить дело и открыли торговлю [143].

От таких внезапных перерывов торговли страдали как русские, так и китайские купцы, лишались дохода из-за недобора пошлин и государства.

Недоразумения между русскими и китайскими пограничными властями, о которых упоминалось выше, привели к организации съезда представителей обеих государств. Съезд собрался в 1743 году в Кяхте, но решить всех спорных вопросов «о пограничных воровствах и домогательствах» не смог. За два месяца его работы из 57 обсуждавшихся дел решено было только 10, после чего работа съезда была прекращена, и конфликты на протяжении всей южной границы продолжались попрежнему [144]. В рассматриваемый период, вследствие того, что правительство почти всё внимание уделяло караванному торгу, местное купечество, торгующее через Кяхту, не получало необходимых льгот, ведущих к расширению торговых оборотов и спо-

---

[141] Трусевич, стр. 249.

[142] Бантыш-Каменский, стр. 249.

[143] Трусевич, стр. 50.

[144] В. К. Андриевич. «Исторический очерк Сибири», том III. Томск, 1887, стр. 304.

способствующих в общем росту пограничной торговли с Китаем. Наоборот, как сказано было выше, его интересы ущемлялись правительственными указами о запрещении торговать многими ходовыми товарами.

Стеснительными мерами были не только казённые монополии, но и частные, которые правительство предоставляло отдельным крупным купцам. Так, указом Сената от 21-го октября 1748 года табачный сбор в Сибири был сдан на откуп московскому купцу Матвееву с компанией за 48.001 рубль в год, причём ему вменялось в обязанность покупать украинский табак, который он мог сбывать в сибирских городах, острогах, на гостиных дворах не дороже двойной покупной цены. Запрещалось вывозить табак только в ясачные волости для промена его на мягкую рухлядь. В отношении же китайского табака, так называемого «шара», продаваемого в Кяхте, в этом указе говорилось: «А китайского табаку шару ему, Матвееву, и товарищам и поверенным его не покупать и им не торговать и на товары и мягкую рухлядь ни сколь не менять, а в казну оный шар табак покупать и менять також и из казны продавать и променивать оный шар, как особливые о том указы повелевают, и то только одним иноверцам, а российским всякого чина людям того шару табаку из казны и у иноверцев как на товары, так и на деньги не покупать и не продавать и не выменивать, и кроме казённого, который будет происходить из казны, ни в каких партикулярных руках того шара табаку не иметь и ни под каким видом не торговать, и во время содержания им Матвеевым с товарищами того табачного сбора на откупу означенного шару табаку на откуп никому не отдавать; а ежели у кого оный шар табак явится, и оный конфисковать безденежно»[145]. Естественно, что такая монополия на китайский табак также, как и монополия на ревень, способствовала развитию контрабандной торговли этим товаром.

Рост контрабандного провоза «заповедных» товаров, особенно пушнины, вызывал усиление таможенного досмотра, увеличение штата таможен и застав. Ещё в январе 1744 года Сенат предложил селенгинскому коменданту Якобию «для предосторожности от тайного провозу товаров на китайской границе между реками Чикоем и Селенгою сделать ров и при нём надолбы; а в которых местах рва учинить не можно, то в оных поставить надолбы же, а в лесных местах засеки»[146].

Для той же цели в феврале 1744 года предписывалось «в Кяхтинском форпосте сделать особливое клеймо», пятнание которым должно было производиться в кяхтинской таможне. Все китайские товары без клейма приказывалось «конфисковать

[145] Полное собрание законов, том XII, № 9542.
[146] Там же, том XII, № 8852.

бесповоротно, а купцам, у кого такие товары явятся, в тех местах, где пойманы будут, чинить жестокое наказание, бить кнутом нещадно, дабы всеконечно то воровство пресечено было вовсе»[147].

Иркутская провинциальная канцелярия в том же году разослала по всем заставам указ, в котором предлагала на каждой заставе тщательно осматривать товары, идущие из Кяхты, и устанавливать, поставлена ли на них печать «новосделанным клеймом», чтобы этим «в провозе тайно товаров воровство пресечено быть могло»[148].

На всех путях, по которым шли товары из России и сибирских городов в Кяхту, были построены таможни и таможенные заставы для сбора пошлин с проезжающих купцов. Размеры пошлин были довольно большие, причём правительство не считалось с теми затруднениями, которые встречались у купцов при платеже пошлин. Эти затруднения были заложены в самом характере меновой торговли и заключались в том, что перед поездкой в Кяхту купец обращал деньги в товар, предназначенный для промена китайцам. В процессе же самого обмена он не получал денег, а лишь заменял свой товар китайским товаром. Возможность расчёта по пошлинным платежам появлялась у него только после продажи вымененных в Кяхте товаров на внутреннем рынке. Для уплаты пошлин купец должен был иметь свободные деньги. Только в 1754 году купцам, ездившим торговать в Кяхту, разрешено было уплачивать пошлину не деньгами, а векселями, но эта льгота распространялась лишь на российских купцов. В остальных сибирских таможнях «по малочисленному в оных сбору» векселей не брали, а взимали уплату пошлин деньгами»[149].

Наблюдение за ходом торговли в Кяхте первоначально было возложено на троицкосавскую пограничную канцелярию. Затем для предупреждения беспошлинного провоза учреждена была таможня и таможенная застава. Таможня находилась в Кяхте, а застава в четырёх верстах от неё, в Троицкой крепости. В кяхтинской таможне «главное надзирание» имели комиссар из дворян и состоявшие при нём два бурмистра. Купцы, приезжающие с товарами в Кяхту, являлись к таможенным чиновникам, которые проверяли, внесена ли у них пошлина в Верхотурье или в других сибирских городах. Если таковая не была уплачена, то она взималась в Кяхте. Здесь же бралась пошлина и с вымененных китайских товаров. При выезде из Кяхты куп-

---

[147] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР, Фонд Селенгинской воеводской канцелярии, дело № 1. Цит. по книге Ф. А. Кудрявцева «История Бурят-Монгольского народа», стр. 101.

[148] Государственный архив Иркутской области, Фонд Илимской воеводской канцелярии, Дело 1231, лист. 1.

[149] Полное собрание законов, том XIV, № 10212.

дам обязательно надлежало делать остановку на заставе, «а таможенные печати на тюках и ширках осматривались» [150].

Кяхтинская таможня несколько раз переносилась из Кяхты в Иркутск и обратно и только в 1792 году её окончательно оставили в Кяхте.

Таможня в Кяхте давала большие сборы, которые превышали в несколько раз сборы других сибирских таможен. Об этом можно судить хотя бы по её отчёту за 1748 год. «С 1-го января по 1-е октября,—читаем в отчёте,—собрано пошлин с таких купцов, которые до 400 рублей, а не свыше, торг имеют настоящих 918 руб. $48^{1}/_{2}$ коп., накладных 91 руб. $85^{1}/_{4}$ коп., с пригону скота настоящих 1.033 руб. $38^{1}/_{2}$ коп. накладных 103 руб. 01 коп., мелочного помесячного сбору по выпискам из ящика 2604 руб.; итого от мелочников в платеже по октябрь месяц 1841 руб. 7 коп.; а которые торгуют сверх 400 руб. с тех имелось платежа пошлины, а именно: с китайских товаров и с неполных десятков по оценке деньгами настоящих 34210 руб. 80 коп. накладных 3421 руб. $07^{3}/_{4}$ коп., с пригону скота настоящих 432 руб., накладных 43 руб. $20^{1}/_{4}$ коп., итого обоих сборов и с накладными 38106 руб. 98 коп.» [151]. Конечно, сборы были не каждый год одинаковы, они зависели от количества пребывающих в Кяхте купцов. Кяхтинский таможенный комиссар Кондратов в своём донесении от 30-го сентября 1748 года селенгинскому коменданту Якобию писал, что «на границу с товарами в год бывает не по ровному числу купцов, годом больше, а другим и меньше, и торг по купеческим обрядам происходит по расходу с обеих сторон товаров» [152].

Организация довольно строгого таможенного устройства на протяжении всего пути от Кяхты до Москвы стесняла торговлю с Китаем. Купцы, едущие со своими товарами в Кяхту, должны были платить пошлины и подвергаться осмотру. Главная таможня при въезде в Сибирь была в Верхотурье. Её штат состоял из комиссара, назначаемого из тобольских дворян, бургомистра, бухгалтера, двух ларешных, канцеляристов и подканцеляристов по два человека и шести копиистов, «главное надсмотрение» за ними имел верхотурский воевода. В городе для «поклажи» товаров был построен каменный гостиный двор, в котором находилось 27 просторных кладовых и три палаты со сводами. Купцы, останавливающиеся в Верхотурье, складывали свои товары на гостином дворе, за что с них брали небольшие деньги.

В Верхотурской таможне купеческие товары подвергались проверке по имеющимся у купцов заранее приготовленным

---

150 «Известие о торгах сибирских», Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие, Сентябрь, 1755, стр. 237.

151 Сычевский, стр. 233.

152 Там же, стр. 232.

«росписям» после чего с однородных товаров одинакового качества взималась натурой десятая часть, с неполных десятков или с товаров, различных по качеству, брали деньги по оценке [153]. Первоначально оценку давали сами купцы, но вследствие того, что они часто показывали слишком низкую цену, правительство определило постоянные цены на все виды дозволенных к провозу товаров с учётом их количества.

Большинство товаров, в том числе и китайские, собираемые в Верхотурье в десятинную пошлину, вывозились в Москву, где специальные оценщики, назначаемые Сибирским приказом, устанавливали им цену, после чего товары пускались в распродажу. Такая торговля давала казне значительную прибыль [154].

Множество застав существовало для борьбы с тайным провозом товаров без оплаты пошлин. Всех проезжающих тщательно осматривали и, в случае обнаружения неоплаченных пошлиной или контрабандных товаров, особые чиновники доставляли виновных до ближайшей таможни. Таможенные чиновники как до установления определённых цен, так и после того, брали с купцов незаконные сборы и взятки. Всё это заставляло купечество или уклоняться совсем от уплаты таможенных сборов путём объезда таможен и застав, или же стараться обмануть чиновников, отдавая в десятину товары низкого качества.

В Верхотурье с купцов брали десятую часть не только с товаров, но и с денег. По мнению Чулкова, пошлины на деньги существовали потому, что «ежели-бы с денег пошлины не было, то-бы мало российских товаров в Сибирь возили, а больше бы ездили с одними деньгами, от чего бы мог тогда воспоследовать в пошлинном платеже великий недобор» [155].

Такая таможенная организация просуществовала до 1754 года. В 1753 году был принят проект Шувалова, приведённый в исполнение в следующем году, по которому были уничтожены внутренние таможни, за исключением Верхотурской и пограничных [156], а в 1755 году по новому таможенному уставу уничтожена была Верхотурская таможня и оставлены одни пограничные. В Сибири главной пограничной таможней была кяхтинская таможня.

Отрицательно влияло на ход кяхтинской торговли несогласие между русскими купцами. Каждый купец, приезжавший в Кяхту, вёл торговлю самостоятельно, без всякого совета с остальными, сообразуясь только с ценою на свой товар и стараясь выгоднее обменять его, не считаясь с тем, что при этом мог

---

[153] «Известие о торгах сибирских», Ежемесячные сочинения, сентябрь 1755, стр. 205.

[154] А. Семенов. «Изучение исторических сведений с российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г.», часть I, СПБ, 1859, стр. 153.

[155] Чулков, том III, кн. 2, стр. 322.

[156] Чулков, том III, кн. 2, стр. 274.

принести или приносил вред другому купцу. Китайские же купцы имели преимущество перед русскими, заключающееся в том, что они, торгуя компаниями, постоянно выдерживали высокие цены на свои и понижали цены на русские товары, поэтому почти всегда торговали с большой выгодой для себя. Гмелин указывает на то, что русские купцы, приезжая издалека, не могли долго оставаться в Кяхте и вынуждены были отдавать свои товары на тех условиях, которые им предлагали китайцы[157].

В Кяхте наряду с наличным обменом существовали ещё расчёты по векселям. Об этом свидетельствует требование адъютанта лейб-гвардии Преображенского полка Ознобишина от 2-го июля 1746 года к селенгинскому коменданту Якобию, которому предлагалось войти в сношение с маймаченским дзаргучеем для взыскания с китайских купцов, за взятые по векселям у русских купцов Михаила Мушникова, Андрея Евреинова и других, товаров на сумму 29.230 рублей 58 коп. Комендант Якобий с этим требованием обратился к дзаргучею, но получил отказ на том основании, что дела «между купечеством происходили ещё до его, дзаргучея, бытности»[158]. Подобные долги бывали и со стороны русских купцов. Так, ургинский пограничный начальник Хомай-Цин-Ван в своём письме Якобию в 1747 году писал, что однажды китайцы требовали «...письменно по пяти пунктам о возвращении таких же долгов, а с вашей (т. е. русской) стороны требовано было о возвращении-же долгу Григория Щелкунова 150 кож сырых скотских»[159].

Словцов в историческом обозрении Сибири пишет, что «в самой Кяхте бывали прикащики плуты, которые для обкрадывания своих хозяев заказывали маймаченским фузам приготовлять товары двоякого качества, дабы от хозяйской доглядки прикрыть низкие добротными»[160].

Отсутствие подробных статистических данных не позволяет судить точно об оборотах кяхтинской торговли в 30- и 40-х годах; они становятся известными только с 50-х годов. Но можно сказать, что торговля в Кяхте в сороковых годах начинает принимать уже значительные размеры. В 1744 году было выменено китайских товаров на 287.500 рублей, а в 1746 году за восемь месяцев, как указывалось выше, на 177.106 рублей. О стоимости же русских товаров, которые были променены китайским купцам в эти годы, у нас нет сведений. Известно только, что в 1744 году было отпущено в Китай через Кяхту мягкой рухляди и скота на 29.280 рублей[161].

Учреждение торга на Кяхте имело ещё и то значение, что как с китайской, так и с русской стороны начался привоз но-

157 Gmelins. Erster Teil. S. 456.
158 Сычевский, стр. 230.
159 Там же, стр. 231.
160 Словцов, кн. I, стр. 267.
161 Семенов, часть третья, стр. 199.

рых предметов торговли, и русские могли получать китайские товары по более дешёвой цене.

К новым товарам, которые стали поступать из Китая с перенесением торговли в Кяхту, относятся, прежде всего, сахарный песок и сахар-леденец, ввоз которых был связан с потреблением чая. Если до сороковых годов чай употреблялся в Сибири с маслом и молоком, то с этого времени его начинают употреблять с сахаром, в связи с чем увеличение ввоза чая усилило и ввоз сахара, собственно леденца. Непосредственное же общение с китайцами в Кяхте способствовало развитию вкуса к чаю не только в Сибири, но и в Европейской части России.

С перенесением русско-китайской торговли на границу и с учреждением Кяхты, как постоянного торгового пункта, жители Сибири стали получать дешёвые и прочные китайские бумажные ткани, особенно дабу, спрос на которые быстро возрастал, так что уже в 40-х годах XVIII века они являлись главным предметом ввоза из Китая и составляли около 60% от общей суммы китайского ввоза [162].

Что касается других предметов русско-китайской торговли в XVIII веке, то о них будет подробно сказано в специальной главе.

---

[162] Трусевич, стр. 174, 177, 178.

Глава III

КЯХТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Во второй половине XVIII века Кяхта стала главным пунктом русско-китайской торговли, которая развилась здесь до значительных размеров. Вторая торговая слобода, определённая трактатом 1727 года,—Цурухайтуй совершенно утратила всякое значение, оказавшись неудобной, во-первых, потому, что она потому и считалась «безнадёжною», т. е. часто заливалась водой и, во-вторых, как русскими, так и китайскими купцами была признана «неспособным» местом для торговли по самому географическому положению.

Цурухайтуйская слобода была построена на реке Аргуни, в открытой степи. Лес находился от неё на расстоянии 30 вёрст. Для топки приходилось использовать кустарник, растущий на противоположном берегу реки, который принадлежал Китаю. Поэтому на заготовку топлива нужно было каждый раз получать разрешение от китайского пограничного начальника. Сама слобода состояла из нескольких рыбачьих построек и четырёх казачьих казарм, обнесённых рогатками. В казармах размещалась рота солдат, охраняющих границу. Гражданского населения в Цурухайтуе не было. Даже таможенные служители приезжали туда только в летнее время, когда производилась торговля. Ближайшая деревня лежала от слободы на расстоянии ста вёрст. Вот почему Ланг однажды остроумно заметил, что в Цурухайтуе «на содержание человеческой жизни, кроме воды и воздуха, ничего там получить не можно»[163].

Уже в первые годы существования русско-китайского торга на границе русское правительство убедилось в непригодности Цурухайтуя, как торгового поселения. В 1736 году иркутский вице-губернатор Бибиков получил инструкцию от Коллегии иностранных дел о выборе другого пункта вместо Цурухайтуйской слободы. Но пункт для пограничной торговли не был найден и через 20 лет, в 1756 году,[164] сибирский губернатор Мятлев имел

[163] Курц, стр. 60.
[164] Бантыш-Каменский, стр. 263.

новое распоряжение о перенесении Цурухайтуя в другое, лучшее место «и построить оное с надлежащим укреплением», но и это распоряжение также осталось невыполненным.

Цурухайтуйскую слободу посещали забайкальские купцы и, главным образом, нерчинские. С китайской стороны туда приезжали почти исключительно жители Науна. Паллас говорит, что это были не купцы, а скорее военные люди, так как имели при себе лук и стрелы. Русские называли их мергенцами, а они называли себя гуссаями. По мнению Палласа, гуссаи были не китайцы и не монголы, а вероятней всего дауры, когда-то поселённые в Наунском уезде[165].

Обычно, первыми прибывали к Цурухайтуйской слободе гуссаи. Они располагались на правой стороне Аргуни, верстах в четырёх от слободы, около Цурухайтуйского маяка и там ожидали приезда русских купцов. О появлении гуссаев особый таможенный служитель, находившийся в Цурухайтуе с весны, давал знать в Нерчинск, где собирались русские купцы, желающие вести торг на границе. Получив известие о прибытии мергенцев, русские тотчас направлялись в слободу и по приезде туда, не теряя времени, приступали к торговле.

Торговля в Цурухайтуе, так же как и в Кяхте, носила меновой характер. Она начиналась в первых числах июля и продолжалась до середины августа. За это время её обороты не превышали пяти тысяч рублей. Ассортимент товаров на Цурухайтуйском рынке был ограничен: гуссаи привозили китайку, дабу, чай и табак; русские — пушнину, выделанные кожи, сырые овчины и овчинные шубы. Паллас указывает, что наиболее ходовым товаром у русских купцов были овчины и овчинные шубы, а у гуссаев чай и табак[166].

Известны случаи, когда торговля в Цурухайтуйской слободе совершенно не производилась — не приезжали купцы с той или другой стороны. Так, в 1772 году Петропавловская пограничная таможня сообщала иркутскому губернатору и иркутскому магистрату о рапорте, который был получен от таможенных служителей Цурухайтуя. В рапорте говорилось, что в Цурухайтуйскую слободу явились «с китайской стороны гуссаи, называемые торговцы и требовали торгу, тамо де с нашей стороны купечества в приезде ещё никакого нет, за тем и торгу не происходит». Петропавловская таможня на основании этого просила, чтобы магистрат объявил всем находящимся в Иркутске купцам о том, «что ежели кто пожелает ехать для торгу в показанный Цурухайтуйский форпост, то те люди ехали б туда с удобными для тамошних заграничных купцов товарами ныне же, немедленно»[167].

[165] Паллас, часть III, половина первая, стр. 589.
[166] Паллас, часть III, половина первая, стр. 592.
[167] Государственный архив Иркутской области, фонд Иркутской земской избы. Дело 16, лист 380.

Иркутский губернатор, генерал-поручик Бриль, запросил из губернского магистрата сведения, «какая причина препятствует купечеству в Цурухайтуйском форпосте не иметь торгу? Не было-ль в том от кого им запрещения или они сами оставили тамошний торг по состоянию каких других причин?».

На запрос губернатора купцы Иркутска на своём собрании составили объяснение, в котором подробно рассказали, почему они не ездят торговать в Цурухайтуй. Вот что писали купцы: «Иркутское купечество и то некоторое самое малое из жительников в Цурухайтуйском форпосте китайской стороны с торгочинами хотя торг и производило, точно по пременении на Кяхте при кяхтинской границе торгу, а между тем и заставлением того уже по необходимости. А ныне за отворением оного с китайской стороны торгу, в том Цурухайтуевском форпосте за дальним против Кяхты растоянием и не всегда имеющимися товарами со удовольствием и для их потребным товаром на небольшую сумму торгом, но временно, а напротив того и вывозимое против того китайцев из товаров весьма низких доброт и к продаже неспособных, а паче и непохожих и что пошлины в казну... положены по тарифу в тех обоих местах происходит [illegible] но не с доброт, но с числа товару, которые против кяхтинских в продажу происходят дешевле, а при том и с немалым убытком. Отчего купечеству, как по дальности, в расходах по платежу по тарифу пошлин к тому же и в продаже дешёвыми ценами товаров,—несли себе безвозвратные немалые убытки. Почему оный торг в Цурухайтуевском форпосте прежде производимый торг здешним купечеством и оставлен без всякого от команд запрещения. Зачем и ныне в тамошнем месте за производением способного при Кяхте торгу не выезжают, кроме разве живущего поблизости купечества»[158].

Следовательно, Цурухайтуйская слобода, созданная согласно Кяхтинского договора, имела весьма малое значение в русско-китайских торговых сношениях. Главным средоточием товарооборота между Россией и Китаем на протяжении более ста лет была Кяхта, которая уже во второй половине XVIII века определила своё будущее процветание.

В 1755 году, как указывалось в предыдущей главе, был отправлен последний караван в Пекин. Но официально казённый караванный торг русское правительство отменило только через шесть с половиной лет, в годы царствования Екатерины II. В этот период по-прежнему действовали законы, ограничивающие частную коммерческую деятельность в Кяхте и Цурухайтуе. Таможенные чиновники и пограничное начальство продолжали преследовать купцов, торгующих запрещёнными товарами, особенно мехами. Ведя борьбу с контрабандным оборотом пушнины,

[158] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы. Дело 16, лист 383.

сама казна променивала её китайцам на границе. В Пекин шла, главным образом, пушнина, конфискованная у купцов за попытку «тайного отпуска в Китай». Такая торговля давала казне значительную прибыль. В указе иркутского магистрата, по поводу взятых в 176[illegible] году у иркутского купца Бечевина камчатских бобров, говорилось, что «за них, ежели оные на Кяхте китайцам продать, можно вдвое взять для казённой прибыли»[169].

Несмотря на то, что ещё в 50-х годах оставались в силе правительственные законы, запрещающие русским купцам продавать и покупать ряд ходовых товаров, обороты кяхтинской торговли, хотя медленно, но всё же росли. Так, в 1755 году было променяно русских товаров на [illegible].084 руб. и выменено китайских на 2[illegible].951 руб. В следующем году промен выразился в 470.768 руб., а вымен в 241.252 руб. Следовательно, оборот 1756 года превышал оборот предыдущего года на [illegible] руб. Лучшим годом в торговых отношениях был 1759 год. Тогда вывоз равнялся 718.144 руб., а ввоз—698.985 руб.[170].

При первом взгляде на эти данные, сразу обращает на себя внимание резкое несоответствие суммы на променённые и вымененные товары, тогда как они должны быть одинаковыми. Но такое несоответствие объясняется тем, что данные составлялись по объявленным ценам самими русскими купцами. В пояснение сказанному может служить следующий пример. В указе [illegible] таможни от 10 ноября 1771 года, посланном в Селенгинскую ратушу, подробно разобрана мена двух купцов. К этому документу приложен реестр: «сколько и каких именно китайских товаров купцом Глазуновым на 214 кож юфтевых выменено». В то время по ценам, установленным русскими купцами, одна юфтевая кожа стоила в Кяхте четыре рубля. Следовательно, 214 кож купца Глазунова стоили 856 рублей, а китайские товары, которые он получил за кожи, были оценены русскими на сумму в 942 рубля[171]. Объясняется это тем, что китайцы оценивали свои товары дороже, чем ценили их русские и, торгуя компаниями, они почти всегда выдерживали свои цены. Вот почему в вышеприведённых данных находим такое резкое несоответствие в суммах по променённым и вымененным товарам.

О предметах, вывозимых русскими купцами в Китай через Кяхту в 50-х годах, подробных сведений нет. Известно, что до

[169] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 19, лист 205.

[170] Данные заимствованы из ведомости, помещённой в книге Семивского, «Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири» (прибавления), стр. 169. Эта ведомость целиком приводится в работе Самойлова «Исторические и статистические исследования о кяхтинской торговле».

[171] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 113, лист 516.

1762 года главную ценность с русской стороны составляли кожи и грубошёрстные сукна. С 1762 года, когда был отменён закон о запрещении привозить пушнину частным купцам, основным товаром кяхтинской торговли с русской стороны стала мягкая рухлядь. В числе вывозимых из Китая товаров самую важную роль играли мануфактурные китайские изделия. Вывозились китайки разных цветов от 150 до 180 тысяч концов в год; даб от 60 до 70 тысяч концов; бархата до 15 тысяч аршин; чая, преимущественно байхового, жулана и зелёного до 6.000 пудов; чая кирпичного от 5.000 до 7.000 пудов; шёлку сученого и крученого до 230 пуд.; катушек шёлковых до 300 штук и, наконец, шёлку-сырца от 100 до 250 пудов. В числе прочих товаров, имеющих меньшее значение, был сахар леденец до 500 пудов; румяна до 30.000 листов и прочее [172].

В 60-х годах «Россия,—пишет газета «Байкал»,—поставляла в Китай не только свои меха и разные мануфактурные и заводские изделия: кожевенные, суконные, железные и проч., но вывозила также иностранные сукна: прусские, голландские, английские и французские, которые успешно конкурировали с сукнами, ввозимыми в Китай голландцами морским путём, через Кантон» [173].

Нужно заметить, что китайские купцы, торговавшие в Кяхте, проявили большую предприимчивость. На тканых фабриках по их заказам изготовляли специальные ткани, предназначенные для продажи русским. На тканях печатались русские гербы. Уже в 1750 году в Кяхте появилось большое количество таких тканей. В 1759 году сенатор Шувалов, ссылаясь на устное распоряжение императрицы Елизаветы, писал Сибирскому приказу, чтобы тот послал указ, «в котором написать дабы старались в Китай на те фабрики через купцов делать наставление, чтоб гербы один вверх, а другой вниз головами не были, а были бы вверх головами, да особливо заказать довольное число [illegible] голей белых, по которым гербы были бы синими с тем же подтверждением, чтобы вверх, а не так, как ныне один против другого головами» [174]. Екатерина II вскоре после своего восшествия на престол запретила русским купцам покупать ткани с государственными гербами России. Она считала, что китайцы этим подчёркивали неспособность России производить такие ткани, чем оскорбляли национальное чувство русских. На самом же деле это была только предприимчивость китайских купцов, которые хотели показать, что для России они изготовляют особые сорта тканей и тем самым расширить сбыт на них. Пекинское правительство расценило запрещение, как нарушение четвёртого пункта Кяхтинского трактата и закрыло торг.

---

[172] Самойлов, стр. 7.
[173] Газета «Байкал» от 23 августа 1898 г., статья «Падение Кяхты».
[174] Андриевич. «Ист. очерк Сибири», том III, стр. 138—139.

Во второй половине XVIII века, как и в первой половине, кяхтинской торговле сильно мешали довольно длительные перерывы, которых за 50 лет было восемь, что в общей сложности составило 15 лет и 7 месяцев [175].

Первый такой перерыв был в 1751 году. Случился он по поводу незаконченного дела по обвинению солдата Уфимцева и дьячка Сажина, убивших двух маймачинских китайцев.

Указом 1746 года была законом определена мера наказания—смертная казнь, но правительство решило сохранить им жизнь и через военную коллегию послало секретный указ селенгинскому коменданту Якобию. Ему было предложено тайно вывезти преступников в другой незнатный в Сибири и от границ, китайских и проезжих дорог отдалённый городь и там «их бить нещадно кнутами», а китайским пограничным властям объявить, что убийцы, находясь в тюрьме, получили отраву и ночью бежали. В 1750 году было официально объявлено, что Уфимцев утонул в озере [illegible], Баргузинского ведомства, а в 1751 году в том же озере утонул и Сажин. Китайцы не поверили ни бегству, ни гибели и требовали их наказания. Китайский трибунал внешних сношений в одном из своих писем Сенату писал: «в прошедшее время несколько мунгалов за то только, что они против россиян стреляли и несколько скота покрали, немедленно привозили в Кяхту, смертью казнили, а российские преступники за смертоубийство не только до сего времени не казнены, но ещё и упущены из под стражи, от чего впредь при границах никакой тишины быть не может» [176]. На это письмо Сенат ответил, что в 1750 году было решено «смертные казни на границе китайской не чинить, по какому-бы-то ни было требованию китайцев». Этот ответ и заставил пекинское правительство прекратить торговлю.

В 1763 году торговля в Кяхте прекращалась три раза: 2-го июня в Кяхте было поймано несколько китайцев с запрещёнными товарами: китайской водкой (ханшин) и медной монетой на 90 копеек. Селенгинский комендант Якобий потребовал их наказания, но начальник Маймачена (дзаргучей) отказал на на том основании, что русское правительство не наказало Уфимцева и Сажина.

В 1753 году начали постепенно вводить на границах новое положение, по которому с русских товаров, отправляемых в Китай, положено было брать: внутренней пошлины с оценки по 13 коп. и тарифных по 5 коп. серебром с рубля, всего 18 коп., с китайских товаров—тарифной по 10 коп. с рубля и внутренней по 13 коп., всего 23 коп. Десятинная пошлина натурой и полушина с денег отменялись. Натурой 1/10 часть взимали только в Верхотурье с пушнины, вывозимой в Россию, но при этом десятин-

[175] Семивский, Прибавления, стр. 173.

[176] Речь идёт о нападении на караван Ланга, возвращавшийся в 1731 году из Долин-Нора на Хайлар.

ную пошлину брали с полных десятков и деньгами по расценке, с неполных. Китайское правительство расценило это положение, как нарушение Кяхтинского трактата и 17 ноября 1753 года закрыло торг на несколько дней.

3-го декабря того же года в Кяхтинской слободе были задержаны двое китайцев с запрещёнными товарами, которые у них отняли и потребовали от дзаргучея Маймачена наказать виновных. Дзаргучей приказал закрыть ворота в Маймачен и не пускать туда русских купцов на основании того, что у него есть такой указ: «если русские не будут добром торговать, то им товаров добрых не продавать». И действительно русским купцам не выдавали хорошие сорта китайки, купленной ещё до закрытия торга.

В середине XVIII века заметно возросло значение российского и сибирского купечества. Купцы держали в своих руках в значительной мере внутреннюю и внешнюю торговлю. Они развивали деятельность во всех больших пограничных пунктах, как сухопутных: Кяхте, Оренбурге, Смоленске, Киеве, так и морских: в Астрахани, Петербурге, Нарве, Риге. Некоторые купцы, участвуя во внешней торговле, сами ездили за границу — в Лейпциг, в Силезию, а некоторые и в Англию. Купечество уже было заметной социальной силой, с которой не могло не считаться дворянское правительство. В его интересах в 50-х годах был проведён ряд правительственных мер, как например, отмена внутренних таможен в 1753 году, учреждение в 1754 году купеческого банка, дававшего 6% ссуды под товары, разрешение в том же году российским купцам уплачивать пошлину в Кяхтинской таможне не деньгами, а векселями за поручительством, с обязательством производить уплату в течение полугода (на сибирских купцов это правило не распространялось)[177]. Последняя мера облегчала многим купцам вести торговлю с Китаем. Она же, отчасти, способствовала тому, что Кяхту стали посещать новые российские купцы.

Вслед за уничтожением внутренних таможен, за исключением Верхотурской, в августе 1754 года был определён штат сибирских таможен, по которому Кяхтинской таможне надлежало содержать: директора, польнера, бухгалтера, двух канцеляристов, четырёх копиистов, переводчика, «достойного и искусного в китайском и мунгальском языках» и двух сторожей. Кроме того, надлежало иметь: выборного от купечества, четырёх ларёчных и восемь целовальников. В отличие от других сибирских таможен — Верхотурской, Ишимской и Семипалатинской — в Кяхтинскую таможню выборный назначался из московских купцов на три года, причём такой, который знал «доброту и цену в китайских и российских товарах, а особливо в мягкой рухляди», в остальные таможни выборные выделялись от купечества близ-

[177] Полное собрание законов, том XIV, № 10312.

лежащих городов: в Верхотурскую—от тобольских купцов, в Ишимскую—от тарских и в Семипалатинскую—от томских[178].

Однако, решение Сената о назначении выборного в Кяхтинскую таможню из числа московских купцов осталось невыполненным, вероятно, из-за того, что не нашлось желающих. По указу Сибирского приказа в 1755 году «повелено тех выборных выбирать и определять до указу из иркутского купечества, почему и определён в ту таможню выборной из иркутских купцов Андрей Елезов,... а ларешным повелено быть по четыре, в целовальниках по восьми человек из Иркутской провинции с переменою через каждый год»[179]. В 1756 году в Кяхтинскую таможню был назначен ещё один директор, чтобы в случае болезни одного деятельность таможни не прекращалась[180].

Иркутская администрация заботилась о том, чтобы в Кяхтинскую таможню выбирались люди «добрые и надёжные». Иркутский магистрат своим указом от 3 января 1757 года предлагал Селенгинской ратуше выбрать на 1757 год из купечества, торгующего в Кяхте, «в тую Кяхтинскую пограничную таможню к служению людей добрых и надёжних, доброту и цену в китайских и российских товарах, а особливо в мягкой рухляди знающих, читать и писать умеющих... до которых бы никаких дел и счетов не касалось и казённой доимки не имелось. И по выборе оных прислать в тое Кяхтинскую пограничную таможню в скорости, дабы все они в таможенные порученные им дела могли вступить»[181].

Но старания иркутской администрации о выборе в Кяхтинскую таможню людей «добрых и надёжных» не всегда удавались. Известны случаи, когда в ларешные и целовальники попадали «недостойные и подозрительные» купцы. В феврале 1760 года Иркутский магистрат предлагал Иркутской земской избе для Кяхтинской таможни «в ларешные выбрать из иркутского купечества одного человека доброго и тому делу достойного и неподозрительного», так как один из прежних ларешных Петр Бурдачев «явился в подозрении в прошлом 1758 году и иркутской канцелярией за некоторое касающееся до него дело наказан публично плетьми и затем де при оной должности... быть суть при интересном и немалом деле не должен»[182].

До половины 1760 года ларешные и целовальники выбирались в Кяхтинскую таможню из иркутского купечества. В июле названного года Иркутский магистрат определил «за крайним

---

[178] Полное собрание законов, том XIV, № 10281.

[179] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 48, лист 7.

[180] Полное собрание законов, том XIV, № 10520.

[181] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 48, лист 7.

[182] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 13, лист 53.

малолюдством здешнего (иркутского) купечества только в ларешные четыре человека, а в целовальники восемь человек за вышеобъявленным малолюдством определено и посланным указом в Селенгинскую ратушу велено поблизости к Кяхте выбирать, кои тамо в служении и находятся» [183].

Указанное магистратом «крайнее малолюдство» иркутского купечества объясняется тем, что оно в 1758—1760 годах пережило поистине чёрные времена. Генерал-прокурор сената Глебов, использовавший часто высокое служебное положение для личной наживы, решил поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела взятием на откуп винного производства в Иркутске. Но иркутские купцы отказались предоставить ему произвольное и несогласное с законами распоряжение доходами с этого откупа. Озлобленный отказом, Глебов послал в Иркутск коллежского асессора Крылова, который получил задание вести следствие над иркутскими купцами, обвинёнными Глебовым в целом ряде преступлений. С приездом Крылова в Иркутск для многих местных купцов наступил «день ярости и гнева», ранее обещанный иркутянам могущественным генерал-прокурором.

Трёхлетнее пребывание Крылова в Иркутске было отмечено разорением дотла целых богатых фамилий, жестокими истязаниями и даже убийствами. По словам иркутского купца Сибирякова за эти годы «многие первостатейные купцы от несносных мучений бедственно окончили свою жизнь, а имение их предалось расхищению; словом сказать, что городу Иркутску нанесено убытка не менее как до 300.000 рублей» [184].

В связи с обеднением многих иркутских купцов, кяхтинское и селенгинское купечество с 1768 года получило право выделять из своей среды в Кяхтинскую таможню не только целовальников, но и ларёшных. В ларёшные разрешалось выбирать, как указывал Иркутский магистрат, исключительно первостатейных купцов, «читать и писать умеющих, делами, счетами и казёнными долгами не обязанных, о российских и китайских товарах, и о мягкой рухляди силу цен знающих» [185].

В том же году для Кяхтинской таможни стали выбирать из числа местных «торговых людей» специальных оценщиков пушнины [186]. Это было вызвано тем, что с 1760 года, пушнина сделалась главным товаром, вывозимым русскими купцами в Китай через Кяхту.

Увеличение и тщательный подбор штата Кяхтинской таможни объясняется ростом оборотов в Кяхте, что увеличивало таможенный сбор, который составлял ежегодно большие суммы

---

183 Государственный архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, Дело 13, лист 324.

184 Цит. по Головачеву «Иркутское лихолетье», стр. 28.

185 Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 84, лист 80.

186 Там же, лист 81.

так, за 6 лет, с 1755 года по 1760 год, Кяхтинская таможня собрала 1.143.083 рубля пошлин. По годам они распределились следующим образом:[187].

В 1755 году	193173 руб.	В 1758 году	178876 руб.
„ 1756 „	157183 „	„ 1759 „	230481 „
„ 1757 „	147215 „	„ 1760 „	238155 „

Из поступивших сумм значительная часть оставалась в самой таможне. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1761 году Кяхтинская таможня без затруднения могла выдать Иркутской провинциальной канцелярии 60.000 рублей[188].

За провоз товаров без оплаты пошлин с торговцев взимали не только штраф и конфисковали товары, но даже подвергали их телесным наказаниям и запрещали в будущем торговать в Кяхте. Так, в 1760 году на границе, близ Кяхты, был пойман житель Селенгинска Алексей Некраев, который тайно, без оплаты пошлин, торговал с китайцами. Его доставили в Кяхту, где публично били «вместо кнута плетьми в страх ему и другим, дабы впредь никто того чинить не отваживались». Товары, отобранные у него, в таможенный «приход записали», а Селенгинская ратуша постановила «его Некраева в Кяхту и Петропавловскую крепость и ни в какие пограничные места не впускать, что везде наипрележно приказано смотреть заставным смотрителям. А ежели он в Кяхтинском форпосте или в Петропавловской крепости появится, также в пограничных местах пойман будет, хотя без никаких провозных товаров, то ему будет чинено наказание плетьми с высылкою в его жилище»[189].

В целях борьбы с беспошлинной торговлей и для облегчения контроля над вывозимыми из Кяхты товарами, в июле 1760 года секунд-майор Власов, находившийся в Кяхтинской пограничной комиссии, составил положение «об укладке китайских товаров в места всегда и всем одинаким числом». Оно было согласовано с купцами, находившимися в то время в Кяхте и утверждено иркутским губернатором. Последний предписал, чтобы положением руководствовались «при досмотрах и отпусках от таможни». Таможенные служители и купцы предостерегались, чтоб «в укладке в места отнюдь от пошлины утаеваемых товаров в провозе быть не могло». Это положение доводилось до сведения всех купцов, приезжающих для торга в Кяхту, «дабы оные неведением в том никто отговорки впредь приносить не имели».

Вместе с положением была составлена инструкция, которая предусматривала, сколько товара должно было укладываться в

[187] Данные заимствованы из названной книги Семивского (прибавления), стр. 169.

[188] Полное собрание законов, том XV, № 11253.

[189] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 85, лист 111.

одно место; например, китайка одинцовая укладывалась по 105 концов в одно место, лайская китайка — по 12 тюней, дабы — по 50 тюней, канфы — по 30 кусков, бархат — по 25 кусков и т. д. В отношении байхового чая и некоторых мелочных товаров инструкция не определяла количество укладки и разрешала «класть кому, как способнее»[190].

Несмотря на таможенный досмотр и суровые меры наказания, беспошлинная торговля в Кяхте существовала на всём протяжении XVIII века. Некоторые купцы ухитрялись выменивать большое количество китайских товаров и не платить за них пошлины. Например, в 1770 году близ Селенгинска был пойман кяхтинский посадский Василий Колмаков «с неклеймёными китайскими товарами». По показаниям его батрака Загана Быскнева выяснилось, что Колмаков систематически продавал скот на Чикойской стрелке и в Петропавловской крепости. На полученные деньги от продажи скота он покупал у русских купцов неклеймёные китайские товары, с которыми ездил в хоринские улусы, где по высоким ценам сбывал их бурятам. В последний раз Колмаков привёз домой 100 кирпичей чая средней руки, 100 бакчей табаку, 15 тюней разных цветов лощёной китайки и велел Быскневу «тот товар до времени подержать в скрытом месте». Сам обвиняемый показал, что тогда у него было, кроме найденных Быскневым предметов, ещё 12.000 больших и малых китайских корольков, 116 катушек шёлка, 4.000 иголок и 100 пуговиц. Весь этот товар Колмаков вместе с селенгинским купцом Кусковым тайно выменял у китайцев на границе близ Кяхты[191].

В 1778 году торговля в Кяхте снова была прервана. Поводом к перерыву послужил спор, возникший между чиновниками пекинского двора и директором российского каравана, Алексеем Владыкиным.

Как только караван прибыл в Пекин, чиновники потребовали от Владыкина списки на все привезённые товары с подробным указанием их цен. Владыкин отказался. Тогда китайский трибунал внешних сношений написал жалобу в Сенат, в которой называл Владыкина «глупым» и «при торгах человеком неспособным» и требовал, чтобы впредь Сенат «с караванами не присылал таковых». Вместе с тем китайцы отказались принять четырёх новых русских учеников, приехавших с караваном в Пекин для изучения там восточных языков.

Наконец, пользуясь тем случаем, что в Кяхте был задержан китаец с запрещённым к продаже товаром, который был

---

[190] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 10, лист 107.

[191] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, дело 128, лист 51.

отобран у него, дзаргучей Маймачена по указанию из Пекина закрыл торговлю. Перерыв продолжался месяц и 7 дней.

Следующий перерыв в торговле наступил в 1759 году. Ему предшествовали довольно крупные события, связанные с обострением взаимоотношений между Россией и Китаем.

Около 1750 года в Тибете вспыхнуло восстание против китайского владычества. Восставшие тибетцы в Лхасе перебили китайский гарнизон и захватили в плен наместника, который вскоре был казнён. Пекинское правительство подозревало ойратов (калмыков) в подстрекательстве. На подавление восстания было брошено большое войско, которое вскоре заняло весь Тибет и овладело всеми проходами, идущими оттуда в земли ойратов. Вскоре территория, примыкающая к Тибету с северо-запада, была превращена китайцами в плацдарм для дальнейшего наступления в пределы ойратских владений. В 1755 году большая китайская армия в течение 5 месяцев заняла бассейн Тарима и Или и положила конец ойратской империи. Чтобы закрепить своё завоевание, китайцы приняли меры к уничтожению возможности у побеждённых объединить силы для дальнейшей борьбы.

Но Китай не сумел прочно закрепить свою победу. В 1756 году ойраты во главе с Амурсаном подняли восстание, принявшее в короткий срок большие размеры. Положение китайцев особенно обострилось тем, что ойратам стали помогать халхасцы, находившиеся под властью Китая уже 65 лет. Они отказались дать рекрутов и нести интендантскую и почтовую службу для своих властелинов. Момент для китайцев был крайне опасным. Но положение спасло духовенство. «Духовный меч обласканной и задаренной китайцами буддийской иерархии быстро смирил «неблагодарных» халхасцев»[192]. Помогла китайцам и эпидемия чёрной оспы, распространившаяся среди восставших. Китайское оружие залило потоками ойратской крови всю Джунгарию. Из 190 тысяч ойратских семейств уцелело 40 тысяч и только потому, что они бежали в Россию и там нашли покровительство и защиту. В числе бежавших был и Амурсан со своей семьёй. Из-за него между Россией и Китаем завязались переговоры, принявшие острый характер. Пекинское правительство требовало немедленной выдачи Амурсана и невмешательства в дела Джунгарии со стороны России. Россия же выставляла свои права на эту страну, когда-то подвластную Алтын-хану и потом Кон-Тайше, на том основании, что часть населения Джунгарии находилась под её покровительством и платила ей дань. Отношения между Россией и Китаем обострились, на границах чувствовалось напряжённое положение. Для охраны Кяхты из Селенгинска были высланы три пушки, несколько солдат и ка-

[192] К. Харнский. «Китай с древних времён до нынешних дней». Хабаровск—Владивосток, 1927, стр. 294.

ряды. Все жители слободы, способные носить оружие, были вооружены; в рядах защитников оказалось 138 человек[193].

Всё это поставило русское правительство в довольно затруднительное положение. С одной стороны, ему нельзя было выдать Амурсану, что означало бы крупный отказ от прав на Джунгарию. С другой, пребывание его в русских пределах осложняло переговоры, которые велись в Пекине между российским послом Братищевым, направленным туда в 1756 году, и богдыханом по таким важным вопросам для России, как получение права свободного плавания по Амуру и урегулирование пограничных дел.

Как раз во время переговоров, в августе 1757 года, в Тобольске умер Амурсана. Это обстоятельство обрадовало русское правительство, которое рассчитывало, что со смертью Амурсаны восстановятся прежние отношения с Китаем. Но, однако, он ещё и после смерти долго оставался яблоком раздора.

Не имея ещё сведений о неудачных переговорах Братищева по Амурскому вопросу, но, вероятно, с целью продвинуть его, русское правительство решило бальзамировать тело Амурсаны и отправить его в Кяхту для показа китайцам с тем, чтобы убедить их в подлинной смерти этого человека.

Решившись показать труп Амурсаны, Россия тем самым оттолкнула от себя будущих перебежчиков, монгольских князей и [illegible]. И действительно, когда в марте 1758 года тело Амурсаны было доставлено в Кяхту и там осмотрено китайцами, среди монголов распространился слух, что русские выдают даже мёртвых перебежчиков.

Пока [illegible] Амурсаны не прекратила претензии богдыхана, отношения оставались в высшей степени натянутыми, и Россия готовилась на всякий случай к обороне. «В 1758 году,— пишет Словцов,— несмотря на продолжающуюся войну с Пруссией и на возмутительство Оренбургского края, другие линии были умножены, по сведениям омским на Сибирской границе, на тот же конец формировалось в Тобольске небольшое ополчение»[194]. Гарнизоны и команды были поставлены на военное положение и приведены в полную готовность к выступлению в 24 часа. Начальник Сибирской линии Фрауендорф через сибирского губернатора Соймонова представил в военную коллегию проект о построении новых крепостей и редутов по всей сибирской границе. Все эти приготовления были вполне обоснованы, так как китайцы под видом усиления караулов стянули к русской границе войска, а в Монголии скупали по повышенным ценам в большом количестве лошадей. Последнее обстоятельство наводило сомнение в том, что китайцы намеревались направить свои военные силы в Монголию[195].

---

193 А. П. Васильев, том II, стр. 110.
194 Словцов, кн. 2, стр. 276.
195 Васильев, том II, стр. 143, 153.

Между тем дело о джунгарских перебежчиках служило темой для дипломатической переписки между Россией и Китаем в течение шести лет, с 1758 по 1764 год.

К делу Амурсаны присоединилось ещё и другое,—переход в русское подданство в 1758 году джунгарского владетеля Шерена с 5212 джунгарами. Пекинский трибунал внешних сношений в многократных своих листах требовал от Сената выдачи Шерена и костей Амурсана, на что сенат отвечал отказом, ссылаясь на то, что тело Амурсана сгнило, а Шерен не будет выдан, так как Россия не мешала Китаю завоевать Джунгарию и в свою очередь «вольна принимать к себе приходящих к ней людей».

На самом деле выдача костей Амурсана была бы унизительным действием для России. Китайцы надругались бы над ними, повесив их на пограничных столбах с надписями, оскорбляющими память покойного. Неудобно было выдать и Шерена, так как Россия сама давала повод к перебежкам.

Всё своё негодование на Сенат китайское правительство перенесло на кяхтинскую торговлю. Пользуясь тем, что двое нерчинских крестьян убили двух монголов за воровство и тем, что русский караульный отряд отобрал у нескольких китайцев запрещённый к продаже товар, дзаргучей Маймачена, руководствуясь указаниями трибунала, 9-го июня 1759 года закрыл торг.

Для разрешения спорных пограничных вопросов 17 июня того же года в Кяхте собрался съезд русских и китайских пограничных начальников[196]. На съезде китайцы предъявили ряд новых претензий, как например, претендовали на Куку-Челотуевскую дорогу и на остров Цаган-Арал на реке Чикое. Особенно настоятельно требовали они уничтожения таможенных пошлин, установленных русским правительством в 1753 году, якобы непомерно ложащихся на русские товары, вывозимые в Китай. Обе стороны ни в чём не сошлись и, перессорившись, разъехались.

Во время съезда торговля в Кяхте возобновлялась, но неудачное его окончание опять послужило поводом к прекращению торга. Китайским купцам даже предложено было выехать из Маймачена с тем, чтобы в будущем году «торга не было».

При таких натянутых отношениях, когда разрыв был почти неминуем, и русским купцам на некоторое время запрещено было ездить в Кяхту. Они должны были жить в Иркутске, ожидая, чем кончится дело. Кончилось оно тем, что правительство России в 1762 году предложило пекинскому двору отправить послов в Петербург, но предложение не было принято и тогда Сенат стал сам снаряжать посольство, во главе которого был поставлен капитан Кропотов. Вероятно, это способствовало

---

[196] Бантыш-Каменский, стр. 291.

восстановлению торговли. правда, на непродолжительное время после чего наступил новый перерыв, продолжавшийся до 1768 года, т. е. 6 лет.

В том же 1762 году русское правительство пыталось возобновить переговоры с китайцами, и в Кяхте собрались русские и китайские уполномоченные, но не пришли к соглашению. В следующем году Екатерина II отправила в Пекин капитана Кропотова под предлогом извещения об её восшествии на престол. Русский посол был принят китайским императором, но очень сухо, а его предложения относительно возобновления торговли на границе и разрешения всех спорных дел остались без обсуждения. Только через три года сами правящие китайские круги пожелали восстановления мирных сношений. Ведение переговоров с Россией они доверили четырём своим пограничным амбаням, избрав Кяхту местом для совещания. Российское правительство для этой цели уполномочило опять Кропотова.

После многократных и довольно бурных встреч, представители обеих договаривающихся сторон 18-го октября 1768 года достигли соглашения по всем спорным вопросам, которые касались весьма неясной формулировки десятой статьи Кяхтинского трактата. Подтвердив все остальные десять статей (с 1-ой по 9-ю и 11-ю статьи) трактата «нарочно для того, чтоб быть мирному согласию вечно» и исправив некоторые неточности в них, уполномоченные решили предать все старые дела «молчанию и убежавших перебежчиков уже не требовать». Закон «о делах между пограничными двух сторон людьми по кражам и побегам», изложенный в десятой статье, они признали неудовлетворительным, так как он был «для разбору и следования тёмен, а притом и двоякой». Вместо этого закона уполномоченные выработали новый, который вошёл в Кяхтинский трактат, заменив собою старую десятую статью.

Правила нового закона являлись попрежнему крайне суровыми, но вместе с тем более подробно останавливались на процессуальной стороне разбора пограничных дел. Они вводили в эти дела предварительное следствие, устанавливали ответственность пограничных властей и назначали поощрительные выдачи открывателям преступников [197].

Однако, введение правил в 1768 году не могло полностью устранить пограничные непорядки. С одной стороны, не всегда удавалось розыскать виновников совершённых преступлений, а с другой—случалось, что правительства России и Китая иногда отказывались приводить в исполнение над своими подданными те суровые наказания, которые определялись новым законом.

Во время переговоров с пограничными амбанями, Кропотов, подобно Рагузинскому, должен был проявить большую настой-

[197] Сборник договоров России с Китаем 1689—1881 гг., Изд. Министерства иностранных дел, СПБ, 1884, стр. 84—85.

ность, так как китайцы своими хитрыми уловками и «замедлением» дела пытались сделать его уступчивым во всем предложениям, выдвигаемым с их стороны. Многократные и продолжительные совещания, сопровождающиеся утомительными спорами, окончательно подорвали уже ослабленные физические силы Кропотова. Подписав дополнение к трактату, он слёг надолго в постель. В одном из своих предсмертных писем с русско-китайской границы Кропотов, как верный патриот, обиженный несправедливыми нападками китайцев на его отечество, писал: «Рано или поздно, я предвижу, что Китай раскается в своих продерзостных поступках против России и будет уважать нас, как своих добрых и верных соседей» [198].

Причина всех этих споров и несогласий, по мнению Словцова, «скрывалась в своенравном и властолюбивом характере богдыхана Кан-Луна, гордившегося разрушением Джунгарии и овладением Туркестана, также Тибета» [199].

Действительно, успехи завоевательной политики Китая вскружили головы пекинским правительственным кругам. По отношению к России они хотя и вели себя несколько заносчиво, но шли на многие уступки по двум причинам: во-первых, в Российской империи Китай видел могущественного соседа, способного дать решительный отпор в случае вооружённого столкновения и, во-вторых, у китайцев к тому времени возник большой интерес к торговле с русскими, особенно с сибиряками, которую они стали считать выгодной для себя.

Натянутость отношений между Россией и Китаем пагубно сказывалась на оборотах кяхтинского торга, особенно в начале 60-х годов, во время вышеизложенных осложнений. Данные торговли за те годы приведены в таблице 2 [200].

Таблица 2

Променяно и выменяно товаров по объявленным купцам ценам

Годы	Променяно русских и иностранных товаров	Выменяно китайских
В 1760 году	На 699940 рублей . .	656331 рублей
„ 1761 „	„ 391469 „ . .	619597 „
„ 1762 „	„ 101642 „ . .	37672 „

Особенно неблагоприятные результаты приносили перерывы в кяхтинской торговле. Тогда купцы обоих государств терпели

[198] Цит. по статье Шумахера, «Наши сношения с Китаем» (1567 по 1805 г.г.), «Русский архив», 1879, № 6, стр. 180.

[199] Словцов, кн. 2, стр. 222.

[200] Семивский (прибавления), стр. 169.

бытки от внезапного прекращения сбыта товаров, а казна теряла свои доходы в таможенных сборах. Из русских купцов больше страдали приезжие из Европейской России, так как они не могли долго оставаться на китайской границе и принуждены были продавать свои товары по меньшим ценам тут же в Кяхте или в других местах Сибири, лежащих на их обратном пути. Не меньше убытки несли и сибиряки. В материалах Иркутского архива сохранилось довольно много «объявлений» местного купечества, в которых купцы сообщали о понесённых ими убытках в связи с прекращением торговли на Кяхте. Так, в 1779 году крупный иркутский купец Алексей Сибиряков доносил Иркутской словесной избе, что он в прошлом, 1778 году, «за пресечением торгу на китайской границе от покупки пушных и прочих товаров понёс убытки на весемьсот рублёв»[201]. Подобные купеческие «объявления» встречаются и в перерыв с 1785 по 1792 год[202].

Необходимо отметить, что перерывы в торговле сказывались не только на состоянии доходов русских и китайских купцов, торгующих в Кяхте, но отражались и на пекинской аристократии. Паллас говорит, что знатные китайцы в его время любили носить фуфайки из кудрявых чёрных мерлушек, соболей или камчатских бобров «и по тому,—пишет он,—сильной был к ним поход, ибо весь пекинский двор оные себе делает из оных»[203]. Русские студенты, проживающие в столице Китая и изучавшие там китайский язык, в своих тетрадях замечали, что невыгодность торговых разрывов была чувствительна и самому Пекину (между 1763 и 1780 гг.) министрами, придворными и богачами, любящими употреблять сибирские меха и камчатские бобры[204].

После каждого перерыва торговля в Кяхте начиналась с новой силой, как будто вознаграждая себя за потерянные годы. Так, после перерыва с 1762 по 1768 год произошло большое увеличение торговых оборотов, о чём показывает сравнение данных за два пятилетия[205].

Променяно и выменяно товаров:	В среднем ежегодно на:
С 1757—1761 гг. на 5662224 руб.	1132445 руб.
С 1769—1773 „ на 11247084 „	2249417 „

Рост кяхтинского торга с 1769 года объясняется также тем, что в 1762 году, как упоминалось выше, Екатерина II манифестом окончательно отменила посылку казённых караванов в Пекин и допустила свободную торговлю с Китаем для частно-

[201] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 33, лист 738.
[202] Там же, Дело 40, лист 58, дело 41, лист 301, дело 42, лист 42.
[203] Паллас, часть III, половина первая, стр. 173.
[204] Словцов, кн. 2, стр. 223.
[205] Семивский, прибавления, стр. 169.

го купечества, предоставив ему право променивать все виды мягкой рухляди. В указе по этому поводу было сказано: «И для такого ныне вольного в Китай торга позволения, прежде учинённые указами 1731, 1734, 1739 и 1752 годов на выпуск за границу мягкою рухлядью запрещений, а именно: камчатскими бобрами,... и рысями, белкою нерчинскою и якутскою, лисицами чёрными, бурыми, седыми, крестовками и огнёвками, соболями камчатскими и якуцкими отставить; и всеми теми товарами торга производить и за границы с платежом по тарифу пошлин отпускать всем невозбранно»[206]. Именно, с 1769 года «наступил новый период торговли с Китаем, торговли, предоставленной частной инициативе и русской предприимчивости»[207]. Заметим, что китайцы считали хорошим тот торг, который способствовал вывозу излишних товаров из их страны и ввозу того, чего у них не было. Торговлю, ведущуюся через Кантон, они рассматривали, как невыгодную, так как европейцы взамен вывозимых из Китая предметов оставляли разные мелочные товары, мало нужные китайцам.

На торговлю с Россией китайцы смотрели благосклонно, потому что русские купцы продавали им нужные товары, особенно меха, идущие преимущественно в северные провинции Китая. Но споры о границах и перебежчиках, часто носившие мелочной характер, являлись причиной того, что китайское правительство, в ущерб себе, затрудняло допуск русских товаров в свою страну.

Китайские купцы, проживающие в Маймачене, в целях более выгодного обмена, делали вид, что лично они, а также и их государство мало заинтересованы в торговых связях с Россией. Но некоторые пограничные чиновники были более откровенны в этом отношении. Так, в 1794 году иркутский губернатор доносил в Сенат, что в июле названного года командующий сибирским корпусом генерал-поручик Штрандман, «проезжая иртышскую линию для осмотра оканчивающегося бухтарминского редута», в верхнем течении Иртыша, близ речки Малой Нарымки, имел свидание с двумя китайскими чиновниками, прибывшими туда в сопровождении нескольких монголов. Один из чиновников рассказал Штрандману, «что он нынешний только год прибыл из Пекина и что внутри их государства существует тишина и спокойствие, народ их преисполнен удовольствием в открытии с Россиею торга и в восстановлении прежнего состояния»[208].

В дипломатических отношениях с Китаем правительство

---

[206] Полное собрание законов, том XVI, № 11630.

[207] Н. А. Зинченко. «Россия и Китай», СПБ, 1889, стр. 2.

[208] Цит. по статье Успенского «Из истории русских сношений с народами Востока» (по архивным документам). «Русская мысль», кн. IV, 1904, стр. 63.

России всегда проявляло услужливое и мягкое обращение. Это делалось в целях сохранения торговых отношений, выгодных «русской казне и сибирякам»[209]. Во время перерывов в торговле из Иркутска и Селенгинска не раз посылались уполномоченные к китайским властям на границу, которые должны были «натвердить, что от них, китайцев, зависит возобновить прежнее доброе согласие и соседственную приязнь, что с нашей (русской) стороны всякое к тому старание прилагаемо будет». В 1766 году иркутскому губернатору предписывалось: «стараться сглаживать, отрицая все недоразумения и затруднения и доводя дело до той цели, чтоб открыт был прерванный торг, равно выгодный и полезный как для казны, так и для подданных обоих империй»[210].

В рассматриваемый, так называемый, «кяхтинский» период торговля с Китаем давала России ряд важнейших выгод. Во-первых, Китай был одним из главных рынков сбыта пушнины. Туда вывозилась не только сибирская пушнина, но российская и даже привозимая из Западной Европы. Во-вторых, из Китая завозились нужные для России, особенно для Сибири, товары. К таким товарам прежде всего относились разные ткани, доля которых во второй половине XVIII века составляла более 50% всего ввозимого товара. Для сибиряков большое значение имели и такие товары, как чай, сахар, табак, фарфоровая посуда и другие. В-третьих, торговля с Китаем оказала некоторое влияние на развитие отдельных отраслей отечественного производства и, прежде всего, мануфактурной. Вывоз в Китай грубошерстных сукон отчасти способствовал увеличению суконных предприятий. В Сибири, недалеко от Иркутска, в 1731 году была основана Тельминская суконная фабрика, владельцы которой рассчитывали сбывать продукцию со своего производства в Китай. В начале XVIII века шёлковые мануфактуры в России работали почти целиком на китайском шёлке. В годы царствования Екатерины II увеличилось количество шёлковых предприятий, особенно стала развиваться шёлковая кустарная промышленность, также потреблявшая шёлк, ввозимый из Китая.

Вывоз в Китай скота и кож оказал влияние на развитие скотоводства в Сибири. Рост скотоводства в свою очередь способствовал поднятию земледелия.

Благодаря кяхтинской торговле в Сибири развивались промыслы, судостроение и извоз, которые давали заработок многим людям, привлекаемым по найму к перевозке товаров из России и сибирских городов в Кяхту и обратно.

В-четвёртых, торговля с Китаем способствовала расширению торговли со Средней Азией и Западной Европой. Из Сред-

---

[209] Б. Курц. «Россия и Китай в XVII—XVIII в.в.», «Новый Восток» № 19, 1927, стр. 202.

[210] Цит. по названной статье Успенского, стр. 64.

[illegible] Азии Россия ввозила овчины, мерлушку, кожи, большая часть которых затем сбывалась в Кяхте китайцам. Большой спрос в Китае на сукна, меха вызывал ввоз их из Западной Европы. Кроме иностранной пушнины, в Кяхту привозились иностранные сукна: английские, голландские, французские и немецкие. Китайские товары Россия вывозила в незначительном количестве в среднеазиатские и европейские государства.

Наконец, необходимо отметить, что торговля с Китаем занимала первое место во всей русско-азиатской торговле.

Екатерина II, учитывая всю важность русско-китайской торговли, старалась не только восстановить, но и упорядочить ее. Капитану Кропотову в 1767 году был дан письменный указ за подписью императрицы. В наказе говорилось, чтобы он, Кропотов, после того как будут разрешены пограничные дела, занялся вопросами торговли и добился от китайцев, «... чтоб на Кяхте торг свободен был попрежнему и чтоб купцы их китайские с товарами всегда без задержания к тому торгу припускаемы были, так как и российское купечество со многими товарами в приезде на Кяхту свободно всегда бывает, а от сего торгу на обе стороны великая польза быть имеет». На протест китайского правительства, «что на Кяхте с купцов берутся в российскую сторону пошлины и противность трактату», Кропотов должен был дать обещание, что там как на «пограничном месте с торгующих обеих сторон купцов никакие пошлины сбираны не будут, как с привозимых, так и с вывозимых товаров»... На самом деле ему предлагалось для сбора пошлин с... «продажных и покупных российскими купцами товаров», пограничную таможню перенести ближе к городу Селенгинску, в Петропавловскую крепостицу, называемую Стрелкой.

В целях дальнейшего подъема торговли необходимо было ликвидировать то несогласие, которое существовало почти всегда у русских с китайцами при оценке товаров. Правительству Екатерины II были известны донесения сибирских должностных лиц, где говорилось, что «китайцы свои товары высоко, а русские низко держат». Поэтому Кропотову рекомендовано было «для восстановления всеобщего в купечестве российском согласия, и содержания цены в товарах», организовать в Кяхте торговые компании. Компании должны были «назначать товарам цену общую, меньше чего не отдавать, и по определенной цене покупать китайские товары[211]. Но и эта попытка, также как и попытки прошлых лет, не имела успеха. Правда, было создано что-то похожее на компании, которые получили правительственное признание в 1768 году. Под такой «компанией» тогда подразумевали объединение купцов, торгующих одним и тем же товаром или из одних и тех же мест и городов, от которых и

[211] В. К. Андриевич. «Исторический очерк Сибири», том IV, СПБ, 1887, Приложение 20, стр. 302—304.

«компании» получали своё название, например: Московская, Казанская и других; однако, они не имели общего капитала для товара и только ездили вместе в Кяхту, где вели торг отдельно друг от друга. В то время было организовано 6 таких «компаний»: 1) Московская—вывозила в Кяхту: бобров, выдр, сукна, плис и др. 2) Тульская—мерлушки, кошачьи шкурки и другие вещи. 3) Архангельская и Вологодская -русские меха, лисьи лапы, лисиц, песцов, выдр и московские товары. 4) Казанская— юфть, кожи. 5) и 6) Тобольская и Иркутская—сибирские меха и юфть. В год признания правительством этих «компаний» была сделана и расценка китайским товарам, а также учреждены компанейщины для расценки, чтобы русские купцы не показывали торопливости и жадности». Однако, всё это не внесло порядка в кяхтинскую торговлю. Каждый купец продолжал действовать самостоятельно и не считался с общими интересами.

Впрочем, в то время существовали и настоящие компании, игравшие значительную роль в русско-китайской торговле, это были камчатские компании, доставлявшие в Кяхту ценные меха. Они составлялись на паях, акции которых доходили до 300—350 рублей. Некоторые богатые купцы, связанные всецело с кяхтинской торговлей, являлись членами таких компаний. Например, селенгинский купец Андриан Толстых и кяхтинский Григорий Волков имели большие паи в пушных промыслах на Камчатке. Кроме того, они самостоятельно отправляли своих приказчиков в Охотский порт для покупки ценных видов пушнины[212]. В 1746 году Толстых командовал компанейским судном, которое плавало к югу от Камчатки в поисках новых источников пушнины[213]. В начале 60-х годов ему удалось открыть группу тихоокеанских островов —Адак, Атху, Амлю, Ситхин и др. Эти острова были приведены им в российское подданство. Они названы по его имени Андриановскими[214]. Через пять лет компания, возглавляемая Толстых и Волковым, на своём судне «Св. Андрей и Наталия» доставила в Кяхту из Нижне-Камчатского острога большое количество «всякого рода морских и земных зверей, в числе которых было «бобров разной доброты 137 мест, песцов голубых 28 мест, хвостов бобровых 107, лоскутьев бобровых 45»[215]. В 1775 году компания купца Трапезникова вывезла с Камчатки и островов Тихого океана 54.929 морских бобров, 39.103 морских котиков, 17.154 лисицы разных родов, 31.658 песцов, 150 горностаев и пр. По камчатским ценам вся эта пуш-

[212] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 9, лист 564.

[213] С. Б. Окунь. «Российско-американская компания», Москва—Ленинград, 1839, стр. 10.

[214] Т. Тихменев. «Обозрения Российско-американской компании и действий ея до настоящего времени», часть I, СПБ, 1861, стр. 3

[215] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 9, лист 591.

ний стоила 3.294.131 рубля, а по кяхтинским более, чем вдвое. Почти седьмая часть её была променена в Кяхте китайцам [216].

Поручению Кропотова в Китае предшествовало изучение условий торговли с Китаем в специальном комитете, учреждённом в 1764 году. Этот комитет, состоящий из компетентных лиц, должен был во всех деталях рассмотреть состояние торговли в Кяхте и наметить пути к её дальнейшему развитию. Вероятно, наказ, вручённый Кропотову, был составлен в результате работы этого комитета. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что Екатерина II с первых лет своего царствования интересовалась русско-китайской торговлей. Ещё в 1763 году по ходатайству бывшего сибирского губернатора Соймонова в целях развития торговли с Китаем, Сенат постановил строить «на Байкале — море, при узком проливе, который называется Ниорлево, или на косе, называемой Карга, за счёт неокладных доходов магазин». Кроме того, для перевоза партикулярной клади также решено было выстроить суда. Расход по строительству магазина и судов покрыть сбором с купцов, ездивших в Кяхту [217].

Но Екатерину II интересовала не только торговля с Китаем, она также интересовалась и торговлей со среднеазиатскими народами, что видно из её письма к Сенату от 18 марта 1763 года, где она писала: «Господа Сенат. Известно вам какой важности есть для пользы государственной и народной торговля с чужестранными народами, сколь нужно оную умножать и стараться всеми силами о большем всегда распространении оного, и до какой степени можно с добрым успехом умножить коммерцию с азиатцами, со стороны Оренбурга, а особливо меною товаров на монетное и в слитках золото и серебро» [218]. Такой интерес был вызван тем, что с разделением России на отдельные хозяйственные области и установлением между ними экономических связей, происходил процесс дальнейшего развития «всероссийского рынка». В его орбиту были втянуты даже такие отдалённые районы, как Восточная Сибирь, которая уже не могла обходиться без имперских промышленных изделий. С ростом внутреннего рынка тесно связан был и рост внешнего. Обороты последнего равнялись к моменту восшествия на престол Екатерины II 21 млн. рублей и продолжали всё время возрастать, так к 1775 году они превышали 32 млн. В 1793 году через русские порты, не считая каспийских, было вывезено разных товаров почти на 31 млн. В конце царствования Екатерины отпуск товаров за границу только морем составлял около 40 млн. руб. в год [219].

---

[216] Трусевич, стр. 244.

[217] Полное собрание законов, том XVI, № 11840.

[218] Андриевич, том IV, стр. 200—201.

[219] Н. Щебальский. «Чтение из Русской истории», вып. 6, Варшава, 1880, стр. 154.

Достигнув соглашения с представителями пекинского двора, Кропотов приступил к выполнению других правительственных поручений. Заверив китайцев, что в Кяхте с купцов больше «никакие пошлины браны не будут, как с привозимых, так и с вывозимых товаров», он тайно от них перенёс кяхтинскую таможню в Петропавловскую крепостцу, а в Кяхте выстроил новый закрытый пакгауз и учредил коммерческую экспедицию. В пакгаузе работники экспедиции должны были осматривать у русских купцов вымененные китайские товары, начислять на них пошлины, оплата которых производилась в Петропавловской таможне, и ставить на упаковках казённую печать.

18-го марта 1769 года, после продолжительной болезни, умер Кропотов [220], и окончание всех коммерческих дел поручено было майору Власову. Однако, меры, проведённые Кропотовым, вызвали большое подозрение у китайцев. Они никак не верили, что в пакгаузе, куда им вход был запрещён, с русских купцов не брали пошлин и поэтому не открывали торга в Кяхте. Начальник Кяхтинского поста майор Копылов в своём донесении от 26 марта 1769 года Селенгинскому коменданту Якобию писал, что «они (китайцы) о небрании в Кяхте пошлины, сколько им не воображай, не поверят. Я по большой части полагаю и теперь: не затем ли торгу не отворяют, и не ожидают ли чего из вышнего правительства. Им экспедиция, по примечанию, очень противна, да об новом пакгаузе: «На что-де это строение сделано?» Неоднократно из китайских купцов посторонним образом спрашивали». Копылов настоятельно рекомендовал закрыть новый пакгауз, а коммерческую экспедицию перевести в Троицкосавск, с тем, чтобы в Кяхтинской слободе особенно для китайцев было бы непредвидимо и вольно» [221]. Но само китайское купечество было заинтересовано в скорейшем возобновлении торговли и настояло перед дзаргучеем Маймачена открыть торг, и 29 апреля 1769 года торг на Кяхте был возобновлён.

Несмотря на то, что торговля в Кяхте в 1769 году велась только восемь месяцев, она дала за это время большие обороты; так, променено было русских и иностранных товаров на 683.182 рубля и выменено китайских на 510.957 рублей больше, чем в 1761 году.

Казалось бы, что успехи, которые имели китайцы с восстановлением торговли, должны были бы успокоить их. Но китайское пограничное начальство попрежнему продолжало выражать неудовольствие тем, что товары, вымененные русскими купцами, клеймятся в Кяхте казённой печатью. Поэтому иркутский губернатор Бриль в 1770 году возбудил перед Сенатом вопрос о перенесении коммерческой экспедиции из Кяхты. Чтобы смяг-

220 «Летопись губернского города Иркутска» (Баснинская), «Первое столетие Иркутска» (сборник материалов), стр. 163.

221 Сычевский, стр. 291—292.

шить неудовольствие китайцев, он перевёл пакгауз, выстроенный Кропотовым, в ревенный дом. Но и там осмотр и хранение товаров происходило на глазах у китайцев и для избежания всяких неприятных осложнений Бриль признал нужным экспедицию с пакгаузом перевести в Троицкосавск; Петропавловскую таможню закрыть и для сбора пошлин организовать комиссарство в Иркутске. Последнее мероприятие приносило некоторый убыток казне, так как забайкальские купцы и, прежде всего, селенгинские, торгуя в Кяхте, могли уклоняться от уплаты пошлины, но этот убыток был небольшой, составляя около 10.000 рублей в год. Сенат одобрил предложение Бриля и учредил коммерческую экспедицию в Троицкосавске, возложив на неё пошлинный сбор с забайкальских купцов, и в 1775 году при губернаторе Немцове Петропавловская таможня была заменена иркутским комиссариатством [222].

Заметим, что перевод кяхтинской таможни в Петропавловскую крепость, сделанный Кропотовым, не только не смирил китайцев, но принёс казне таможенный недобор. Некоторые купцы, направляясь в Кяхту и имея намерение не платить пошлины, объезжали крепость просёлочными дорогами. В 1771 году Петропавловская таможня жаловалась в Иркутск, «что разного чина люди летом просёлочною дорогою, а зимой—льдом, по реке Чикою из Селенгинска в Кяхту и оттуда обратно проезд имеют, миновав надлежащий тракт и таможню, где им надлежащий по силе указов осмотр учинить надлежало, а караульные хотя и одерживают их с тем, чтоб они ехали прямо к таможне, но они, несмотря на то, своевольно и усильно проезжают, отзываясь между тем другие для закрытия себя и посторонними званиями». По этой жалобе состоялось распоряжение иркутского губернатора Бриля—всех виновных ловить, а товары их конфисковать в пользу казны [223].

Ликвидация Петропавловской таможни и замена её иркутским комиссарством успокоила на некоторое время китайцев. Но вскоре до них дошёл слух о том, что иркутский губернатор снова собирается строить таможню в Кяхте. Дзаргучей Маймачена расценил это, как намерение русских нарушить Кяхтинский трактат и дополнение к нему, внесённое в результате достигнутых соглашений с Кропотовым, и в 1775 году закрыл торговлю. Действительно, в дополнении к трактату было сказано, что «пошлину на торгах в двух местах на Кяхте и Цурухайте не брать вечно». Было ли желание у иркутской администрации снова открыть таможню в Кяхте, неизвестно. Но известно то, что селенгинский комендант, руководствуясь указанием из Иркутска, ездил в Маймачен и уговорил дзаргучея открыть торговлю

[222] Полное собрание законов, том XX, № 14277.

[223] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 15, лист 136.

Столь настойчивые протесты, исходившие со стороны [illegible] правительства против клеймения товаров и взимания с них пошлин в Кяхте, объясняются, конечно, не тем, что правительство стояло за идеальное соблюдение условий Кяхтинского трактата, так как оно само нарушало эти условия, также беря пошлинные сборы со своих купцов в Урге и Калгане, а тем, что Китай был заинтересован в торговле с Россией, дававшей его купечеству большие выгоды. Российскую таможенную политику, проводимую на границе, китайцы рассматривали, как некоторое препятствие в развитии русско-китайских торговых сношений. Вот почему они требовали отмены пошлинных платежей в Кяхте и Цурухайтуе.

Во второй половине XVIII века Кяхта была сравнительно небольшим посёлком. «Сие славное пограничное место,— пишет Паллас,— где теперь самая мена между русскими и китайцами отправляется, лежит на ровном, немного возвышенном месте в просторной Кяхтою рекою разделённой долине, с коею... [illegible] монастырская падь совокупляется. Она кругом окружена высокими каменными, но большею частью лесистыми горами, между коими знатнейшая от мунгалов гора Батугушей называется (Орёл-гора), подле которой крепость с полуденновосточной стороны находится, так что с неё все улицы и лавки равно и китайская слобода весьма хорошо видны» [224]. По условиям Буринского договора Орёл-гора осталась на российской стороне. Во время переговоров с Кропотовым уполномоченные богдыхана под видом будто бы ихние священные роды, их праотцы в ней похоронились», настояли на том, чтобы она отошла к ним. Сделали это китайцы с целью иметь хороший наблюдательный пункт, с которого они могли видеть всё, что делалось в русской слободе.

Кяхта состояла из двух частей — бывшей кяхтинской крепости и предместья или слободы. Во второй половине XVIII века крепость попрежнему оставалась обнесённой со всех сторон палисадом, на углах которого находились четыре бастиона с батареями. Она имела трое ворот, одни выходили на север к селенгинскую сторону, другие на полдень, или к китайскому городу, а третьи — на запад на речку Кяхту [225]. В середине крепости находилась деревянная церковь, гостиный двор с [illegible] лавками, казармы, гауптвахта, комендантский дом, амбары, бывший таможенный двор и несколько казённых домов, которые приезжим «наиболее зажиточным купцам отдавались». В конце 60-х годов в крепости стали строить по новому плану каменный гостиный двор. Но работы шли очень медленно, Паллас говорит, что во время его пребывания в Кяхте он видел только один фундамент, заложенный год [illegible]

[224] Паллас, часть III, половина первая, стр. 148.

[225] «Географический словарь Российского государства» сост. Щекатовым, часть III, Москва, 1801, стр. 1047.

дом с северной стороны, вдоль Селенгинской дороги, находилось несколько дворов, здесь же стоял и ревенный дом. Георги отмечает в качестве достопримечательности Кяхты—часы с музыкальным заводом, которые висели при въезде в крепость. По его словам они составляли большую редкость для тех мест[226].

В казармах, выстроенных в крепости, размещалась рота солдат и «некоторое число» казаков, охраняющих кяхтинскую границу. Солдаты и казаки находились под командованием коменданта, который также ведал пограничными делами и разрешал «предлагаемые от китайского купечества запросы». Он же вёл переписку по всем важным вопросам с Селенгинской городовой ратушей и Иркутским магистратом, откуда на свои «представления» должен был «ожидать повелений».

Предместье или купеческая слобода была обнесена частоколом и имела одни ворота, охраняемые в ночное время караулом солдат. В ней находилось не более 120 дворов, построенных «весьма беспорядочно». В слободе жили преимущественно местные купцы и незначительное число мастеровых, обслуживающих, главным образом, торговлю. Здесь же останавливалось большинство купцов, приезжающих из других мест для торговли с китайцами.

Кяхта, как отмечалось выше, была бедна водою. Речка того же имени, протекающая возле крепости и слободы, содержала в себе мутную и непригодную для питья воду. Поэтому кяхтинцы пользовались колодцами. Паллас говорит, что в его время только один колодец, выкопанный на площади в крепости, имел питьевую воду, однако и она была «не без погрешности». Богатые купцы, «кои сильные чаёв питоки», пускались китайцами из милости к ключу с чистой водой, впадающему в Кяхту возле самой межи с китайской стороны.

Одной отличительной бытовой чертой жителей Кяхты являлось пиршество. «Наилучшие обыватели в Кяхте,—пишет Паллас,—русские купцы или прикащики из главных русских контор, кои мало-по-малу разжилися. Здесь повсюду господствует обыкновеннейшее всегда пиршество, какого кроме Иркутска почти ни в каком сибирском городе не найдёшь. Но обхождение кяхтинских жителей было гораздо приятнее, еслиб по компаниям не так чрезвычайно чаем докучали; ибо каждый купец симтокмо и щеголяет, что приезжему гостю ставит пить чай отовсех сортов один после другого, сколько у него не случиться»[227].

Любимым занятием значительной части кяхтинцев были картёжные игры. Некоторые купцы настолько увлекались ими, что проигрывали всё своё состояние. Вечеринки с вином и кар-

[226] Johann Gottlieb Georgi «Geographisch-physicalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches» zweiter Teil. 1799. S. 1091.

[227] Паллас, часть III, половина первая, стр. 152.

тами, попойки, часто устраиваемые в большинстве купеческих домов, нередко завершались ссорами и даже драками. На эти отрицательные бытовые стороны кяхтинских жителей указывали почти все путешественники, посетившие Кяхту в XVIII веке, но они же отмечали и то, что там во многом чувствовалась серьёзная деловитость, русская предприимчивость и широкое гостеприимство.

С конца 60-х годов, в связи с ростом русско-китайской торговли, начинает увеличиваться количество постоянного населения Кяхты. В 1768 году в ней насчитывалось 380 человек купцов (муж. пола) и 874 человека цеховых,[228] а в 1774 году купцов было уже 408 человек и цеховых 908 человек[229].

Развивающаяся кяхтинская торговля потребовала изменения административного устройства в некоторой части Прибайкалья. Главной артерией, по которой шли товары от Кяхты до Байкала, являлась река Селенга. В связи с этим расположенные по Селенге остроги—Селенгинский, Удинский, Ильинский и Кабанский в XVIII веке стали поселениями городского типа. Основную часть их населения составляли «посадские люди», то есть купцы и ремесленники. Поэтому четыре названных острога, а также и Кяхта, получали административное устройство по правилам городового управления, введённого ещё при Петре I. Органом этого управления в Кяхте до 1774 года была земская изба, которая подчинялась Селенгинской городовой ратуше, а последняя Верхнеудинскому городовому и Иркутскому губернскому магистратам.

При Кяхтинской земской избе состояли: от купцов—староста, от цеховых—альдерман, затем десять подоков, четыре сборщика для взимания «у посадских и цеховых подушных денег и оброчных статей» и один сторож[230].

Староста выбирался на купеческом собрании из числа «первостатейных» купцов. Кроме него кяхтинские купцы выбирали из своей среды представителей в Селенгинский словесный суд, а также «счетчиков» для Селенгинской воеводской канцелярии, которые должны были заниматься делами «прихода и расхода денежной и товарной казны».

Цеховые выбирали на своих собраниях альдермана и для «полицейских дел» десятских и сотских. Альдерманом мог быть цеховой «из разных мастерств», который «читать и писать умел» и числился бы «доброго и трезвого состояния и ничем неподозрительный, делами и счетами и казёнными доимками не обязанный».

---

[228] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 84, лист 152.

[229] Полное собрание законов, том XIX, № 14179.

[230] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 84, лист 71.

Купцы и ремесленники совместно выбирали в Селенгинскую воеводческую канцелярию оценщиков и целовальников по продаже казённой соли. Ими могли быть люди «состояния доброго и неподозрительного, читать и писать умеющие и к тем служениям достойные». «По согласию кяхтинского купечества и цеховых» для посылки в Иркутскую, тогда провинциальную, канцелярию выбирались два челобитчика, принимавшие участие в разрешении вопросов, касающихся налогов, торговых и судебных дел[231].

Конечно, все вышеназванные должности, распределенные между купцами и ремесленниками, доставались в Кяхте, так же как во всех других местах Российского государства, людям «доброго», то-есть зажиточного состояния. Однако, в кяхтинских условиях не на всех должностях служили сами выборные. Некоторым из них, попавшим на второстепенные места, разрешалось нанимать за себя в «общественное служение» других лиц. Делалось это чаще из-за того, чтобы не принести ущерба личному делу избранного. В Кяхте среди таких людей были не только купцы, но и цеховые. Так, например, в 1773 году состоятельный кяхтинский цеховой Иван Спешилов был выбран в целовальники при Троицкосавской коммерческой экспедиции. [illegible] занятый своими делами, он нанял за себя цехового Егора Воронцова, обещав ему заплатить за годовую службу в целовальниках пятнадцать рублей пятьдесят копеек. Воронцов аккуратно прослужил установленный срок, но не получил всей обещанной суммы. Обиженный, он подал прошение в Верхнеудинский магистрат о взыскании денег со Спешилова[232].

Растущая русско-китайская торговля через Кяхту требовала ремесленного обслуживания. Поэтому значительное количество кяхтинских цеховых имело постоянный и хороший заработок. Некоторые из них наряду с ремеслом занимались торговлей. Наиболее зажиточные цеховые, скопившие капитал, позволявший им принимать участие в коммерческих операциях, бросали своё старое занятие и превращались в купцов. Часть такого купечества, рождённого кяхтинским торгом, оставляла Кяхту и переезжала в другие места Сибири, где развивало свою деятельность. Примером этого могут служить кяхтинские цеховые Трофим Лапшин и Василий Паршин, которые, скопив порядочные суммы денег, выехали в Иркутск. Там они купили дома и подготовили всё необходимое к открытию торговли, после чего обратились в Иркутский магистрат с прошением о зачислении их «по Иркутску в купечество». Просьба их была удовлетворена[233].

231 Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 84, листы 9, 91, 153, 201 и 206.

232 Там же, Фонд Иркутской земской избы, Дело 31, лист 2[illegible].

233 Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 7, лист 317.

Среди лиц, торгующих в Кяхте, кроме купцов и мещан встречались также богатые крестьяне. Некоторые из них приезжали из дальних мест и вели торговлю на большие деньги. Так, в 1778 году крестьянин Пошехонского уезда Фаддей Г[illegible], постоянно проживавший в Иркутске, ездил в Кяхту, где покупал китайские товары, которые затем отправлял на родину. В реестре, составленном после его смерти, значилось: 18 аршин китайской дабы, 267 кусков малой дабы (по 14 аршин в каждом), 6 тюней пёстрой дабы, 34 тюня 16 концов нелощёной китайки, 17 тюней 8 концов [illegible], 5 концов вощанки, 3 пуда табаку и 3 пуда кирпичного чая[234].

В 1774 году в связи с ростом населения в Кяхте, кяхтинская земская изба возбудила ходатайство перед главным магистратом об учреждении в слободе нотариуса, на том основании, что там проживало 188 человек купцов, да цеховых разного рода мастерства 908 человек. При этом земская изба сообщала, что по желанию самого купечества функции нотариуса уже выполняет местный купец Семён Абрамов. В том году Сенат учредил в Кяхте должность нотариуса и открыл магистрат[235].

В 1775 году из состава купечества была выделена особая группа торгующих мещан; так назывались те торговцы, оборотный капитал которых не превышал 500 рублей. Купцы делились на три гильдии соответственно размерам капитала, на который велась торговля. К третьей гильдии относились купцы, заявившие капитал в 1000 рублей, ко второй—от 1000 до 10.000 руб., к первой—свыше 10.000 рублей. Гильдейский взнос определялся в 1% и взимался он с объявленного капитала один раз в год—в декабре[236].

В 1794 году, с ростом русского купечества, с увеличением торговых оборотов как на внутреннем, так и на внешнем рынке, правительством было решено считать гильдии: третью—с капиталом от 2 до 8000 рублей, вторую—от 6 до 16.000 руб. и первую—от 16 до 50.000 руб.[237].

После 1794 года торговля в городах стала сосредоточиваться в руках немногих купцов. Люди, занимавшиеся промыслом, вносившие подати и ясачный сбор, были лишены возможности в течение всего года вести торговлю: им разрешалось торговать только в дни ярмарок. Торговля с китайцами была отдана купцам первой гильдии, что сократило число торговцев в Кяхте. Однако, это нисколько не уменьшило оборотов кяхтинской торговли, наоборот, в конце века они несколько возросли. Ограничения в торговле обходились купечеством; на имя одного

[234] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 23, лист 141—143.

[235] Полное собрание законов, том XIX, № 14179.

[236] Там же, том XX, № 14327.

[237] Там же, том XXIV, № 17223.

купцы первой гильдии записывалось фактически несколько компанионов; производился также тайный торг.

Таможенная политика русского правительства в отношении кяхтинской торговли отразилась в следующих указах. В 1766 году был издан указ, разрешающий как великороссийским, так и сибирским купцам, торгующим в Кяхте, уплачивать пошлину не деньгами, а векселями. Однако, некоторые купцы, отправляясь на русско-китайскую границу, не имели с собой аттестатов и свидетельств, подтверждающих о их состоянии, что затрудняло взимание пошлин по векселям. Поэтому иркутский губернатор Бриль в мае 1770 года обратился в Коммерц-коллегию с просьбой, чтобы та «в магистраты и ратуши, от которых купечество для торгу на китайскую границу приезжает, учинило подтверждение, дабы имели они от тех мест о состоянии их и капитала аттестаты и свидетельства, а приказчики от своих хозяев кредиты, чтоб видя оные можно им было в переводе по векселям толикой суммы без наималейшего сумнительства верить, с таким тем купцам объявлением, что ежели они от тех мест впредь не будут иметь помянутых аттестатов и кредитов, то переводу через векселя чинимы не будут, а взыскание имеет быть или наличными деньгами или под заклад в силу таможенного устава товарами»[22]. Просьба Бриля была удовлетворена.

Иркутские купцы и, вероятно, купцы других сибирских мест и городов при поездке в Кяхту получали от ближайшего магистрата особые «одобрения». В них указывались: имя и фамилия купца, его состояние, а также, что он «по прибытию в Кяхту с привозных им туда и промененных за границу разных российских и вымененных на оной китайских товаров в пошлинном со всего того товару в казну платеже»—определённую сумму, «а не более на вексель..., кою он должен заплатить здесь в Иркуцкой губернской канцелярии по отпуске его у Петропавловской пограничной таможне в полгода неотменно верить ему можно без всякого сумнения»[23]. Те же купцы, которые приезжали в Кяхту для торга с китайцами и не имели при себе таких «одобрений», обязаны были уплатить пошлину деньгами, как требовал таможенный устав.

В 1781 году для удобства великороссийских купцов, связанных с Кяхтой, был изменён срок на платёж пошлин: для их взноса по векселям в Москве и Петербурге назначен был годичный срок с платежом 6%, а в сибирских городах девятимесячный, с взиманием 4%. В 1794 году вышел новый указ, по которому всем купцам, торгующим в Кяхте, позволено было вносить пошлины полностью или частично на месте или переводить их в Москву, Петербург, Тобольск и Иркутск. В Москве и Пе-

[22] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутского магистрата, Дело 14, лист 137.

[23] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 15, лист 337.

губернии находились главные финансовые учреждения, а недалеко от Тобольска, в Ирбите, бывала ярмарка, где купцы продавали китайские товары и получали деньги, следовательно, имели возможность произвести расчёт по полученным векселям. Наконец, Иркутск являлся местом жительства многих купцов, торгующих в Кяхте и имел казённую палату. Срок для уплаты пошлин по векселям на все эти города был назначен одинаковый — девятимесячный, с платежом 5% [240]. Эти правила существовали около 20 лет и имели большое значение для сибирского купца, так как он успевал за 9 месяцев сделать торговый оборот два—три раза [241].

Ещё раньше установления правил оплаты пошлин, для облегчения торговых оборотов сибирского купечества разменом ассигнаций на мелкую монету, в 1770 году была учреждена в Тобольске контора Государственного банка с фондом в один миллион рублей [242]. Через 3 года, в 1779 году, такая же контора была создана в Иркутске с капиталом в 500 тысяч рублей [243]. Однако, оба учреждения просуществовали недолго, они закрылись по причине малого обращения капиталов: Тобольская контора закрылась в 1788 году, Иркутская в 1789 [244].

После незначительного по времени торгового перерыва, бывшего в 1775 году, торговля в Кяхте шла довольно спокойно до 1778 года. В этот год наступил новый перерыв, который продолжался более двух лет. Причиной перерыва послужило то, что группа ойратов напала на караван русских купцов, разграбила его и сбежала в Китай. Русское правительство потребовало возвращения преступников на границу, но китайцы отказали на том основании, что в своё время им не выдали Шэрэна (хотя по дополнениям 1768 года, сделанным к Кяхтинскому трактату, всё старое было предано забвению). Споры шли до 26 апреля 1780 года, до этого времени не было и торговли.

Заметим, что в перерыв 1778—1780 годов торг не производился только в Кяхте, а Цурухайтуй по-старому оставался открытым для русско-китайского обмена. С российской стороны тогда её стали посещать новые купцы, в числе которых были селенгинские, верхнеудинские и даже иркутские [245]. Приток купечества хотя и увеличивал торговые обороты Цурухайтуя, но они далеко отставали от кяхтинских. Объясняется это тем, что в ней, как и прежде, принимали участие только купцы-мелочники. С открытием торга на Кяхте, Цурухайтуй снова превратился в незначительный, сезонный торговый пункт.

---

240 Полное собрание законов, том XXIV, № 17251.
241 Трусевич, стр. 251.
242 Полное собрание законов, том XX, № 14483.
243 Там же. № 14861.
244 Там же, том XXII, № 16612.
245 Государственный архив Иркутской области. Фонд Иркутской земской избы, Дело 16, лист 383.

Впрочем, несмотря на такие неблагоприятные обстоятельства, кяхтинская торговля после этого перерыва начала усиливаться и вскоре вознаградила себя за потерянные годы. Увеличение торговых оборотов с 1780 года шло, главным образом, за счёт сибирского купечества. Это видно из многочисленных прошений иркутских купцов о выдаче им паспортов для участия «в открывшемся ныне в Кяхте торгу», так как у них имелись приобретённые и... состоящие в непропуске за китайскую границу разные товары[246].

Каковы были обороты кяхтинской торговли во второй половине 70-х и в первой половине 80-х годов можно видеть из таблицы 3[247].

Таблица

Годы	Променяно товаров русских и иностранных	Выменяно товаров китайских	Количество поступивших пошлин
1	2	3	4
В 1776 г. . .	1.638.791 руб.	1.401.915 руб.	560.468 руб.[1]
„ 1777 „ . .	1.440.546 „	1.342.127 „	479061 „
„ 1778 „ . .	794.539 „	667.253 „	277.599 „
„ 1780 „ . .	2.700.187 „	2.700.187 „	545.979 „[2]
„ 1781 „ . .	3.735.311 „	3.735.311 „	706.219 „
„ 1782 „ . .	3.520.342 „	3.520.342 „	662.850 „
„ [illegible] „ . .	[illegible] „	2.780.176 „	[illegible] „
„ 1784 „ . .	2.413.356 „	2.413.356 „	431.601 „
„ 1785 „ . .	1.805.926 „	1.805.926 „	347.579 „

Примечания:

[1] В 1776 г. было променяно и выменяно больше всего товаров, начиная с 1768 года по 1780 год.

[2] «В 1780 г.,—пишет Семивский,—от бывшей Государственной Коммерц-Коллегии предписано Кяхтинской пограничной таможне, чтобы она цены променянных и выменянных на Кяхте товаров показывала одни с другими сходно». (Прибавления. стр. 172).

Следующий, самый большой перерыв в торговле наступил в 1785 году; перерыв продолжался 6 лет 11 месяцев и 23 дня. Вызван он был тем, что на русскую территорию перебежал какой-то [illegible] с группой своих товарищей. Перебежчики были задержаны на границе. Китайцы настаивали на их выдаче, но иркутский губернатор ограничился только отпиской. Тогда китайский трибунал внешних сношений написал Сенату в грубой форме протест и потребовал выдачи перебежчиков. Маньчжуры же поймали несколько человек русских подданных, которые пере-

[246] Государственный архив Иркутской области, Фонд Иркутской земской избы, Дело 25, лист 158 и др.

[247] Семивский, прибавления, стр. 169.

шли в Монголию и там напали на китайский торговый караван и разграбили его. После этого пекинское правительство приказало дзаргучею Маймачена закрыть торговлю.

В 1789 году для переговоров с китайскими пограничными властями о возобновлении кяхтинского торга был командирован надворный советник Долгополов. Китайские чиновники приняли его приветливо. Все их встречи прошли в «приятных и дружелюбных разговорах». На первом свидании Долгополов передал амбаням письменное отношение иркутского губернатора, в котором сообщалось о смерти главного перебежчика Уладзая. Ознакомившись с этим документом, китайцы дали такой ответ: «он, губернатор, просит нас, чтобы мы в своём трибунале ходатайствовали об открытии обоюдного торга, а пишет только, что известный предводитель Уладзай умер, а о других не поминает. Ибо у него были товарищи, то когда по трактату дело решить, то, приведя их на границу, должно казнить».

«Как Уладзай, так и товарищи его,—отвечал Долгополов,—вместо смерти тогда были засланы в северную студёную сторону от Иркутска за несколько тысяч вёрст, отколь в год по единожды только за непроходимыми местами, приходит почта и то только зимою на лыжах. Уладзай хотя и давно умер, но через такое дальное расстояние от нашего правительствующего Сената ещё в ваше правительство лист ныне доставляется. А о которых ещё известие не получено, может быть и они тоже давно померли» [248].

Несмотря на дружественный тон в переговорах, амбани всё же отказались возбудить ходатайство перед богдыханом о возобновлении торга на Кяхте, опасаясь, что оно будет «признано незаконным».

Если русские стремились к восстановлению торговли, то такое же желание испытывали многие китайцы. По их признанию, прекращение торга для Китая было тяжёлым явлением. «А особливо бедные люди,—говорили они,—несут тягость, так что и пропитания своего лишаются; всё между ними сделалось дорого...» Долгополов рассказывал, что на обратном пути ему приходилось разговаривать с некоторыми китайцами, которые заявляли: «только-б российская сторона уведомила, что все Уладзаевы товарищи от жестокого содержания в ссылке умерли, то-б так скоро и дело решилось» [249].

Не только китайские купцы желали возобновления торговых сношений, но и пекинское правительство тяготело к этому. Выдержав почти пятилетний перерыв, оно в 1790 году охотно согласилось вступить в новые переговоры с Россией.

---

[248] Цит. по статье Д. Успенского «Из истории русских сношений с народами Востока», «Русская мысль», кн. XI, 1904, стр. 86.

[249] Там же, стр. 87.

С русской стороны на ведение переговоров был уполномочен иркутский губернатор Нагель, а с китайской трое чиновников, среди которых главную роль играл амбань Сун-Юнь.

8-го февраля 1792 года в Кяхте представители обеих сторон подписали текст соглашения о торговле и о порядке на границе. По вопросу торговли в акте было сказано: «...торгующих в Кяхте купцов повелено будет собрать и производить торговлю на прежнем основании, в сходственность мирного согласия. Что-ж принадлежит до людей торгующих обеих стран, то оных содержать под начальствами и всяким променивающимся вещам приказать делать скорое окончание по условным между собою срочным дням, а в даль не отлагать, притом и одолжатся не допускать». В отношении поддержания порядка на границе было решено: наказывать совершивших пограничные преступления по совместному суду, который должны совершать над виновными пограничные начальники [250].

Соглашение 1792 года оказалось более прочным, чем все предыдущие, оно не нарушалось обоими государствами ни разу в течение 60 лет.

2-го апреля 1792 года Сенат широко объявил торгующим на Кяхте купцам об открытии торга.

Насколько значительна была заинтересованность России в установлении нормальной торговли с Китаем и какова была осторожность правительства Екатерины II, чтобы не допустить осложнений во время переговоров, видно из того, что экспедиции проф. Лаксмана, отправленной в 1791 году на казённый счёт в Японию, было строго запрещено производить изыскания нового пути по реке Амуру с тем, чтобы не возбудить подозрений в китайском правительстве и «в переговорах об открытии торга не дать повод к новым затруднениям» [251].

Установив нормальные отношения, русское правительство старалось поддержать их, и все политические сношения с Китаем до конца XVIII века ограничивались только обыкновенной перепиской в дружеском тоне между иркутским вице-губернатором и китайскими пограничными начальниками.

В целях организации правильной торговли правительство решило упорядочить «компании», созданные в 1768 году. Это упорядочение состояло только в том, что были образованы новые «компании»: 1) Московская; 2) Вологодская; 3) Тульская со включением курских и воронежских купцов; 4) Тобольская; 5) Иркутская; 6) Верхнеудинская. Однако, такое распределение ничего не дало; через месяц после открытия торговли богатый московский купец Решетников привёз в Кяхту большое коли-

---

[250] Сборник договоров России с Китаем. Изд. Министерства Иностранных дел, СПБ, 1889, стр. 93—95.

[251] Н. Н. Фирсов. «Чтение по истории Сибири», вып. II, 1921, стр. 26.

чество товаров и для того, чтобы быстрее обменять их, он при расценке оценил свои товары ниже китайских, вследствие чего часть русских купцов понесла значительный убыток. Вероятно, это привело к тому, что после 1792 года, купцы каждой «компании» стали избирать из своей среды одного уполномоченного, который назывался компанионом. Компанионы оценивали русские товары и устанавливали, какое количество потребуется китайского товара за известное количество русского товара определённого качества [252]. Такой порядок также принёс мало пользы, так как эти правила определялись самим купечеством и не охранялись никакими правительственными постановлениями, а, следовательно, и не считались обязательными для выполнения каждым купцом, поэтому они и не соблюдались всеми торгующими в Кяхте.

Очень часто такие нарушения русскими купцами своих же правил вызывались тем, что китайцы не соглашались на условия, установленные компанионами и не начинали торговли до тех пор, пока русские не уступали им. Обычно, первыми на уступки шли российские купцы, которые не могли долгое время оставаться в Кяхте и ставить свой товар под угрозу порчи, [253] а везти его обратно из-за дальности и трудности пути означало понести огромный убыток. Это положение подтверждает Паллас. Он пишет, что многие купцы «...желая скорее товары сбыть, особливо те, кои из дальнейших Российской империи провинций сюда приезжают, один у другого сходнее китайцу уступают» [254].

С 1792 по 1800 год торговля в Кяхте проходила в таком же порядке, как и предыдущие годы. Торговые обороты этого времени отображены в таблице 4 [255].

Сравнивая этот период с предыдущим, мы видим, что сумма промена русских и иностранных товаров в общей сложности за пять лет, 1780—1784 гг., составляла 15.158.372 рубля, а за период 1796—1800 гг.—15.584.202 рубля, следовательно, увеличение произошло лишь на 425.830 рублей. Таким образом за это время торговые обороты продвинулись вперёд очень мало и только за два последних года значительно возросли. Главным предметом русского сбыта попрежнему являлась пушнина, которая составляла 70—75% от общего количества всех вывозимых в Китай товаров, остальные же 25—30% приходились на долю мануфактурных, кожевенных и других изделий.

Последние годы XVIII века, хотя и дали увеличение торговых оборотов, но они ещё далеко не удовлетворяли желания

---

[252] Субботин. «Чай и чайная торговля в России и других государствах», СПБ, 1892, стр. 458.

[253] Во второй половине XVIII века во многих донесениях читаем: «Русские товары лежат праздно, а купцы проживают и приходят в скудность».

[254] Паллас, часть III, половина первая, стр. 184.

[255] Семивский, прибавления, стр. 169.

Таблица 4.

Годы:	Променяно товаров русских и иностранных	Выменяно товаров китайских	Количество поступивших пошлин
1	2	3	4
В 1792 г. . .	2.467.279 руб.	2.467.279 руб.	509.830 руб.
„ 1793 „ . .	2.549.432 „	2.549.432 „	515.581 „
„ 1794 „ . .	2.522.941 „	2.522.941 „	527.070 „
„ 1795 „ . .	2.720.285 „	2.720.285 „	532.393 „
„ 1796 „ . .	2.551.764 „	2.551.764 „	488.320 „
„ 1797 „ . .	2.378.750 „	2.378.750 „	414.277 „
„ 1798 „ . .	2.783.942 „	2.783.942 „	509.684 „
„ 1799 „ . .	3.677.823 „	3.677.823 „	698.487 „
„ 1800 „ . .	4.191.923 „	4.191.923 „	715.364 „

русского правительства, стремившегося расширить торговлю с Китаем. В этих целях было проведено ряд мер. В 1799 году «разного звания люди», проживавшие в Кяхте, но не участвовавшие в оптовом торге, были выселены в Троицкосавск, чтобы устранить затруднения, которые они причиняли торговле. Таким образом, Кяхта стала исключительно купеческой торговой слободой. В том же году именным указом было предложено Сенату заселить южную часть Восточной Сибири, прилегающую к китайским границам [256]. Главная цель поселения состояла в том, чтобы «распространить за Байкалом не только земледелие, но по значительности местного скотоводства, завести впоследствии суконные и юфтевые фабрики», продукцию которых вывозить в Китай.

В марте 1800 года был издан новый тариф, составленный для кяхтинской торговли, определявший пошлины как с главных русских товаров, так и с главных китайских, ввозимых в Сибирь и Россию через Кяхту. В октябре того же года были утверждены правила, которыми кяхтинское купечество должно было руководствоваться в торговле с китайцами. Эти правила сводились к шести пунктам.

1) Избирать из каждой из шести компаний по одному компаниону, пользующемуся доверием членов; 2) компанионам сортировать и оценивать русские товары при осмотре их в Троицкосавске; 3) перед открытием торга устанавливать цены русским и китайским товарам; 4) при невозможности удержать установленные цены, делать вторичную оценку; 5) проверять выменянные китайцами товары при осмотре их в таможне; 6) штрафовать за нарушение этих правил.

[256] Полное собрание законов, том XXV, № 19157.

Затем было установлено, что в кяхтинской меновой торговле могли участвовать только русские купцы, а иностранное купечество, не перешедшее в постоянное подданство России, не допускалось к ней. Таким образом, Кяхта стала единственным пунктом, где торговля была сосредоточена только в руках русских подданных.

Наконец, на основании правил, кяхтинская торговля должна была оставаться меновой. «Торг китайский,—сказано в правилах,—производить меной, а на деньги не только ничего не покупать, но и не продавать под опасением тяжкого штрафа»[257].

Эти правила опирались в своей основе на Кяхтинский договор с его дополнениями.

Тариф и правила 1800 года имели для кяхтинской торговли огромное значение. Они фактически открыли собой новый период её истории, период XIX века, когда она достигла полного расцвета.

---

[257] Государственный архив Иркутской области, Фонд Киренского уездного суда, дело 24, лист 194.

Глава IV

КИТАЙСКИЙ ГОРОД МАЙМАЧЕН

Вскоре после заключения между Россией и Китаем Кяхтинского договора на монгольской территории стал застраиваться китайцами, переселившимися из Урги, торговый город Маймачен [258].

Строительство и заселение Маймачена, по сравнению с Кяхтой, шло довольно быстро. К семидесятым годам XVIII века в нём насчитывалось до двухсот дворов с постоянным населением в четыреста с лишком человек.

Город представлял собою правильный четыреугольник, перерезанный тремя параллельными улицами, идущими с севера на юг. Вокруг него шла невысокая деревянная стена с несколькими воротами, над которыми возвышались маленькие башенки для караула, охранявшего город только ночью. Одни из ворот выходили в сторону Кяхты. За городской стеной был небольшой вал, аршина полтора шириною, построенный в 1756 году для защиты от восставших монголов, которые тогда обещали «огнём и мечом» уничтожить «сие пограничное местечко» [259].

Маймачен был построен по типу других китайских городов, которые, как указывает Рагузинский, «едва ли не все фигурою четвероугольные, треугольные или в квадрате двоедлинном состоят... В тех городах имеются над градскими воротами четвероугольные башни с четвероугольными оконками» [260].

Капитальных больших зданий в Маймачене не было. По величине выделялись только две кумирни. Одна, посвящённая богу неба, находилась в центре города, другая—в южной части его, перед домом дзаргучея. В первой кумирне помеща-

---

[258] Маймачен, а правильнее—Наймайтчин, состоит из трёх китайских слов: «най»—продавать, «май»—покупать, «тчин»—место, следовательно, означает место для продажи и покупки товара, или просто—торговое место.

[259] Паллас, часть III, половина первая, стр. 156.

[260] «Граф Владиславич о Китае в XVIII веке», «Русский архив», 1900, № 8, стр. 579—580.

лась большая, богато разодетая статуя Конфуция, перед которой висела железная лампада, около двадцати пудов весом; во второй была статуя бога брани, стоявшая в особом приделе и изображавшая это божество укрощающим бешеного коня[261]. Стены и потолки в обоих храмах были окрашены яркими красками[262].

Дома в Маймачене были не более четырёх аршин высотою, покрыты плоско, вымазаны сероватой глиной и фасада в улицу не имели. Лишь в некоторых домах окна выходили на улицу и являлись как бы признаком того, что здесь находится именно жилой дом. Выделялись только входные ворота, обыкновенно украшенные резными столбиками и пёстрыми над ними навесами. Вход в дома был со двора. Жилые покои внутренних сообщений не имели, а из каждой комнаты особая дверь выходила на веранду, которой обводились все стены с надворной стороны. Окна в домах делались большие, но из-за того, что в них вместо стёкол вставлялась тонкая бумага и они находились под крышей веранды, в комнатах всегда царил полумрак.

В жилых комнатах находился большой диван, напоминающий нары. На нём китайцы ели, пили, спали и играли. Под диваном помещалась печь; труба этой печи, имеющая несколько изгибов, выходила на улицу над фундаментом дома. Во время топки печь и труба нагревали диван. Возле дивана ставился треножник с медным котлом, в котёл насыпали берёзовые угли и на них почти беспрерывно кипятили чай[263]. «Обыкновеннейшее китайцев питьё,—пишет Паллас,—есть чай, который во весь день с огня не сходит или по крайней мере пьют его во всякое дня время»[264].

Постоянный огонь нужен был китайцам не только для того, чтобы иметь всегда горячий чай, а также для прикуривания трубки, с которой они редко расставались, «ибо ни один народ в свете,—говорит Мартос,—не пристращён столь сильно к курению табака, как китайцы, и на тот конец всегда любят иметь огонь под руками»[265].

В Маймачене лавки, или магазины, устраивались отдельно от жилых покоев. В них расставлялись шкафы, в которых хранились товары, предназначенные в розничную продажу и как образцы. Здесь же, как и в комнатах, стояла лежанка и треножник с тлеющими углями. Внутренние стены лавок украшались китайскими письменами и бумажными картинками с изображением драконов, змей, несуществующих зверей и тому подобное;

[261] Ф. Ф. Вигель. «Записки», том I, Москва, 1928, стр. 249.

[262] О. П. «Китайская живопись», «Записки Сибирского отдела Импер. Русского Географического Общества», кн. IX и X. Иркутск, 1867, стр. 595.

[263] Gmelins. Erster Teil, s. 449.

[264] Паллас, часть III, половина первая, стр. 177—178.

[265] Алексей Мартос. «Письма о Восточной Сибири», Москва, 1827, стр. 276.

были картинки, изображавшие отдельные моменты китайского быта, или военные эпизоды из истории Китая. В лавках китайцы всегда поддерживали чистоту и порядок, так как в них принимались русские купцы и здесь же часто заключались торговые сделки.

Кухни, тоже как и магазины, находились отдельно от жилых комнат. Паллас рассказывает, что они «чистотою своею и порядком» превосходили «все европейские кухни» того времени. В кухне была печь и «два припечка равной вышины», в которые вмазывались котлы и чугуны. Из поварской посуды Паллас обратил внимание на «кухмистерские ножи». Они были «шириною в ладонь и в пядень длиною, почти четвероугольны из чистой и вышлифованной стали с деревянною рукояткою и остры так, как бритва» [266].

Дворы были небольшие, обыкновенно выстилались деревом и содержались в чистоте. «Пройдёт ли человек,—пишет Мартос,—проедет ли экипаж на задний двор, служитель тотчас заботится камышёвой метлой чистить те следы» [267]. Во дворах и на улице, на равном расстоянии друг от друга, располагались фонари, сделанные из прозрачной разноцветной бумаги, которые зажигались домохозяевами по вечерам. Это придавало Маймачену особую красоту в ночное время. На воротах каждой усадьбы обычно вывешивались пачки шёлку, бумаги, бумажные цветы и другие безделушки.

Однообразная степная природа, окружавшая Маймачен, его низкие однотипные постройки, маленькие дворы и узкие улицы— всё это внешне создавало городу неприглядный вид. Но уже в XVIII веке в этом, на первый взгляд, неприветливом пограничном местечке окончательно оформились и стали развиваться русско-китайские торговые сношения, которые к середине следующего столетия настолько выросли, что Маймачен и его соседка Кяхта сделались известны не только в России и Китае, но приобрели славу во всём мире.

В годы расцвета торговли жизнь в Маймачене била ключом. Тогда в нём, как свидетельствует путешественник Мичи, можно было встретить, кроме русских и китайских купцов, пёструю толпу продавцов скота из Монголии, сибирских крестьян, калмыков и бурят. Все они «продавали и покупали, кутили и наслаждались» [268]. Но эта несколько своеобразная кипучая торговля сложилась не сразу, её начало было прочно заложено ещё за несколько десятков лет до посещения Мичи Маймачена и Кяхты, т. е. в XVIII веке.

Основателями Маймачена были купцы, «рождённые из по-

---

[266] Паллас, часть III, половина первая, стр. 159.

[267] Мартос, стр. 269.

[268] Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи, СПБ, 1868, стр. 68.

лунощных провинций Китайского государства, особливо из Пекина, Санчуа и некоторых других городов»[269]. Часть из них в начале русско-китайской торговли проживала в Ургинской торговой слободе.

Селились в Маймачене только одни мужчины, так как по китайским законам женщины на границу не допускались, что, конечно, налагало особый колорит на жизнь этого города. Купцы, обосновавшиеся в Маймачене, часто привозили из Китая мальчиков в возрасте от 12 до 14 лет, которые выполняли ряд работ, связанных с торговлей. Прослужив несколько лет и получив специальность приказчика, они по условию, заключённому с торговой фирмой, выезжали через каждые три или четыре года на родину, где обзаводились семьями и поддерживали с ними постоянную связь. Путешественники, посетившие Маймачен, рассказывают, что они встречали там таких китайцев, которые не виделись с семьями по десять и более лет.

Гражданское управление Маймачена находилось в руках китайского чиновника, так называемого дзаргучея, назначаемого из Пекина центральным правительством на каждые три года. Паллас говорит, что некоторые из дзаргучеев бывали «высокие и разумные люди и часто самые мандарины», которые своей службой в Маймачене отбывали наказание за то, что «в других местах нехорошо себя вели»[270]. Так было в XVIII веке, в следующем же столетии место дзаргучея стало настолько доходным, что оно при пекинском дворе «оплачивалось и покупалось». Это объясняется тем, что маймаченское купечество, составлявшее основную часть жителей города, боясь дзаргучея, давало ему крупные взятки и преподносило ценные подарки. Паллас пишет, что в его время дзаргучей получал определённое жалованье, но подарки, которые доставались ему от купцов, «далеко оное превышали»[271]. Следовательно, и в XVIII веке место дзаргучея было доходным.

Дзаргучей ведал всеми вопросами городской жизни. Он имел «главное надзирание и полную власть». В его ведении находилась полиция, состоящая из наёмных монголов, распределение и сбор налогов, торговля и суд. Судебные дела дзаргучей решал единолично. Высшая степень наказания, к которому он мог присуждать—тюремное заключение. К телесным наказаниям—розгам—присуждались за самые незначительные провинности все слои городского населения. Конечно, состоятельная часть жителей откупалась от таких наказаний. Эти откупы составляли одну из главных статей дохода дзаргучея. Поэтому он внимательно следил за тем, с кого мог сорвать взятку, выискивая малейший повод для предъявления какого-нибудь обвинения. Были в Маймачене и другие виды наказаний. Паллас

---

269 Паллас, часть III, половина первая, стр. 169.
270 Там же, стр. 170.
271 Там же, стр. 171.

рассказывает, что ему приходилось встречать на улицах города китайцев, закованных в кандалы, которые «что-нибудь во хмелю необычное или драку учинили» [272].

Китайцы были особенно строги по отношению к неаккуратным должникам. Обычно должника приводили на суд к дзаргучею, который или отдавал его на расправу кредитору, или же приговаривал к телесным наказаниям; виновному зажимали ноги между двумя досками или жали пальцы рук до тех пор, «пока кости не ломались и ногти не выходили» [273].

Существовала целая система наказаний за нарушение торговых правил, которые устанавливались секретной инструкцией, разработанной пекинским правительством. Наказания были самые разнообразные: от временного запрещения вести торговлю и ударов бамбуковой палкой до ссылки на каторгу и смертной казни.

Своим несправедливым судом, частыми и незаконными придирками дзаргучей вызывал со стороны всего населения недружелюбное отношение к себе, хотя население внешне и относилось к нему с уважением.

Дзаргучей жил в специальном доме, который находился в южной части города. Этот дом «кроме своего пространства, внутренней чистоты и украшения» не имел ничего особенного, лишь флаги, «что при воротах, как знаки, поставлены», отличали его от других домов. Дзаргучей носил особые знаки достоинства, состоящие из хрустальной пуговицы и павлиньего пера, пришитых к его шапке. «Китайцы,—пишет Паллас,—почётное имя ему придают Амбан, что значит главный приказатель, и никто не может пред ним предстать, как преклоня одно колено, и в оной позитуре имеет быть, пока на предложение не получит ответа» [274].

Русская администрация в Кяхте старалась поддерживать дружеские отношения с маймаченским дзаргучеем, так как от него отчасти зависел ход кяхтинской торговли. Обычно вновь назначенному дзаргучею кяхтинское купечество через своих представителей делало визит и посылало подарки. Чаще всего подарки шли от имени администрации. Так, во всеподданнейшем рапорте от 5 апреля 1794 года иркутский губернатор доносил о том, что «...на место пребывающего в Кяхте китайского дзаргучея, Юном называемого, определён иной дзаргучей, который и действительно 25 числа прошедшего марта приехал в Маймачины, а того-ж самого дни выехал в Ургу и прежде бывший. По введённому обычаю делана была с нашей стороны посредством майора, в Кяхте для пограничных дел определённого, новому дзаргучею политическая вежливость посылкою

[272] Паллас, часть III, половина первая, стр. 178.
[273] Трусевич, стр. 232.
[274] Паллас, часть III, половина первая, стр. 171.

-нтей и съезных припасов, кои принял он с особливым удовольствием. На третий день его приезда тоже присланы от него были к майору небольшие подарки, в трёх кусках низкой шёлковой материи, четырёх небольших банках чаю, одной штуки байки и черенковой фанзы состоящие. После того с нашей стороны помечено, что он обходится с российскими ласково и ни малейшего вида к каковым-либо неприятным наклонностям не видно»[275].

Своеобразные взгляды и понятия китайцев на жизнь всегда интересовали и удивляли русских. Особенно русские удивлялись китайскому суеверию. «И действительно удивления достойное дело,—пишет Паллас,—что сей столь глубокомысленный народ так много своим календарным предсказаниям и другим многим нелепостям верует»[276].

Паллас рассказывает, что он был очевидцем одного «примера печального», когда в Маймачене возник большой пожар, но «...ни один китаец не хотел приступиться, чтоб заливать оное, но стояли все вокруг огня толпами и попрыскивали водою в намерении умилостивить огненного бога, который по их мнению сии дворы себе на жертву избрал, а если бы русские к тому своих рук не приложили, то несомненно всей слободе надобно было дымом подняться на воздух»[277].

Заметим, что суеверие по отношению к пожарам существовало у китайцев только тогда, когда загорались их постройки. Если же такое стихийное бедствие возникало в русской слободе, то они охотно шли туда и принимали участие в тушении пожара. Так в ночь на 15 февраля 1802 года в Кяхте «при доме отставного казака загорелся сарай с сеном, который в скорости был разломан и огонь утушен без всякого другим строениям повреждения». На помощь кяхтинцам дзаргучей выслал «китайцев и мунгал пятьдесят человек, из коих многие были с вёдрами». За этот поступок, по ходатайству иркутского губернатора, русское правительство наградило дзаргучея, его секретаря и руководителей восьми главных фуз золотыми и серебряными часами, а китайцы и монголы, прибывшие для ликвидации пожара, каждый получил по пяти аршин чёрного бреславльского сукна[278]. Конечно, эти подарки, сделанные маймаченцам под знаком благодарности за участие в тушении пожара, явились следствием желания русских выразить «взаимное между столь высокими государствами дружество».

В своих отношениях к русскому населению маймаченцы (я имею здесь в виду купцов), хотя и старались выглядеть друзья-

---

[275] Цит. по статье Д. Успенского «Из истории русских сношений с народами Востока», «Русская Мысль», книга IV за 1904 г., стр. 60.

[276] Паллас, часть III, половина первая, стр. 213.

[277] Паллас, часть III, половина первая, стр. 214.

[278] Д. Успенский. «Из истории русских сношений с народами Востока». «Русская Мысль». Книга IV за 1904 г., стр. 60—61.

ми, но это было не совсем так. Их коммерция далеко не была честной. Почти каждый торгующий китаец старался, ради лишнего рубля, обмануть своего покупателя, прежде всего—русского. Однако и русские купцы в умении обмануть немного уступали китайцам.

«Одна черта,—говорит Трусевич,—много вредила торговле, была обща обоим народам, это—обман. Китайцы впрочем всегда превосходили в этом отношении русских. Особенно искусны были они в чернении мехов и кож: и глянец был удивительный, и платок белый не марался от трения; оттого чернёные меха покупали не только китайцы, но и русские. Вместо серебряных вещей продавали они часто латунные. Вместо китайки, которую развёртывать при продаже нельзя было,—полено обёрнутое в материю. У каждого китайца были свои весы трёх родов: одни, на которых он вешал покупаемое, другие—продаваемое, третьи, верные для тех, которые не даются в обман. Также и аршинам китайским нельзя было верить,—нужно было всегда иметь при себе свой верный» [279]. Бывали и такие случаи, когда вместо ветчины китайцы ухитрялись продавать кусок дерева, обтянутый свиной кожей, или курицу, внутри которой кроме костей ничего не было. Однажды путешественник попросил китайца купить ему несколько кусков шёлковых тканей; при осмотре оказалось, что только один кусок был хорош, а остальные никуда негодны. Но это нисколько не смутило китайца, и он хладнокровно сказал: «господин, вините в этом вашего лгуна-переводчика, который сказал, что вы не будете смотреть куски» [280].

Русские купцы, торговавшие в Кяхте, также не прочь были обмануть китайцев. Некоторые из них зашивали в лапки пушного зверя свинец, подменивали белых песцов мангазейскими зайцами, продавали зайцев с песцовыми хвостами за песцов и т. д. Но китайцы всё же были более искусными обманщиками, чем русские. «Паче они (т. е. китайцы),—пишет Чулков,—то себе за честь поставляют и тем превозносят своё благоразумие, а напротив того глупости тех, которые ими обмануты будут, насмехаются» [281].

Маймаченские купцы согласно секретной инструкции, разработанной их центральным правительством, должны были во взаимоотношениях с русскими казаться в высшей степени гостеприимными, приглашать русских купцов и путешественников «к себе на пиршества, а между тем собираться узнавать и о делах их государства», за что назначалось вознаграждение такое же, какое давалось за «отличившиеся действия по торговле». Действительно, почти все путешественники, побывавшие в Маймачене в XVIII веке, отмечали внимательное и приветливое отно-

---

[279] Трусевич, стр. 230—231.
[280] Там же, стр. 231.
[281] Чулков, том III, кн. I, стр. 116.

шение к ним китайцев. «Здешние китайцы,—пишет Паллас,—дружны и благоприятны, и хотя кроме табаку и чаю ничем другим не потчуют, то сим напротив того к прихожанам тем больше тароваты. Для знакомых поставляют всякие конфекты и плоды на стол» [282].

Командированный в 1789 году для переговоров с пограничными китайскими чиновниками о возобновлении кяхтинской торговли надворный советник Долгополов в своём отчёте сообщал об «отменной вежливости» китайцев к нему, о «приятных и дружелюбных разговорах» их, о тех хороших кушаньях, которыми угощали его представители власти Китая [283].

Маймачен был типичным торговым городом. Его население состояло преимущественно из купцов и наёмных работников, обслуживавших торговлю. Ремесленников—столяров, слесарей, кожевников, парикмахеров и других—было немного. Купцы делились на крупных, которые вели торговлю компаниями (фузами), и мелких, торговавших в розницу разными предметами домашнего обихода и съестными припасами. Покупателями у последних были, главным образом, монголы и не связанные с торговлей русские. Конечно, в кяхтинском торге первую роль играли не мелкие купцы, а фузы. Однако заметим, что условия русско-китайской торговли на границе способствовали многим купцам-мелочникам быстро разбогатеть и завести крупное торговое дело. «Китаец,—пишет Трусевич,—начинал торг с каких-нибудь пяти рублей; покупая и продавая съестные припасы, он увеличивал свою торговлю и через несколько лет имел уже не одну лавку» [284].

В XVIII веке в Маймачене члены торговых компаний делились на две группы, из которых одна вела торговлю с русскими купцами в Кяхте, а другая в это время ездила в Китай за свежими товарами. Привезя товары, вторая группа занималась их распродажей, первая же отправлялась за новыми и т. д. [285]. Впоследствии, с развитием торговли, перевозка товаров была возложена на специальных служащих, а в Маймачене находились лишь немногие члены фуз, большинство же их жило на родине.

В Китае возникновение торговых компаний относится к XV веку. Тогда все купцы были разделены на три главные степени. Первую степень составляли купцы областного города, числом не менее 24 и с капиталом не менее 6000 рублей каждый; вторую степень—купцы областного или губернского города, числом не менее 18 и с капиталом не менее 3000 руб. каждый; третью степень—купцы губернского или уездного города, числом не

[282] Паллас, часть III, половина первая, стр. 178.
[283] Д. Успенский. «Из истории русских сношений с народами Востока», «Русская Мысль», кн. IV, Москва, 1904, стр. 64.
[284] Трусевич, стр. 230. .
[285] Паллас, часть III, половина первая, стр. 70.

менее 12 и с капиталом не менее 500 руб. В свою очередь каждая из степеней делилась на четыре компании по размерам капитала: купцы первой степени делились в 6—12—18—24 тысячи рублей; второй степени—в 3—6—9—12 тыс. рублей и третьей степени—в 500—2000—4000—6000 рублей [286].

Членами компаний первой степени были фабриканты, заводчики и владельцы больших морских торговых судов. Они вели торговлю только оптом через свои конторы и комиссионеров. Компаньоны второй степени имели магазины, небольшие речные суда для перевозки товаров. Они покупали оптом, а продавали в розницу. Компании третьей степени состояли из владельцев бакалейных и галантерейных лавок. Каждая компания должна была вести торговлю в определённом месте, поэтому ни один из членов компании всех степеней не мог продать или купить в том месте, где не торговала его компания. В Кяхте, например, могли торговать купцы ближайших к ней северных провинций Китая, преимущественно—из провинции Шань-си [287].

Китайский купец перед тем как поселиться в Маймачене, должен был научиться говорить по-русски. Можно думать, что в Китае первыми учителями русского языка были потомки албазинцев. Это предположение находит некоторое основание в том, что «албазинцам суждено было выполнять роль первых русских переводчиков при появлении в столице Китая русских караванов и разного рода миссий»[288]. Вероятно, с 1753 года учителями у будущих маймаченских торговцев были студенты Казанской духовной семинарии и Московской славяно-греко-латинской академии, прибывшие в Пекин вместе с российской духовной миссией. В указанный год они открыли там школу, в которой обучали китайцев русскому языку, а сами учились китайскому [289].

Научившись говорить по-русски, купец получал разрешение на выезд в Маймачен. Но, по приезде туда, он не имел права заниматься торговлей в течение года. За это время ему надлежало «практически и вдосталь» изучить русский язык и вникнуть во все детали торговой жизни, чтобы избегать в будущем ошибок [290].

Такая мера была установлена для того, чтобы освободить русских купцов от необходимости изучать китайский язык, владея которым, они могли бы проникнуть в тайны китайской торговли.

Китайские товары обычно начинали поступать в Маймачен во второй половине сентября. С первыми караванами получались съестные припасы, необходимые для китайского стола, как-то:

[286] Трусевич, стр. 301.
[287] И. А. Носков, «Кяхта», Иркутск, 1861, стр. 2.
[288] И. И. Серебренников. «Албазинцы», Пекин, 1928, стр. 10–11.
[289] Кюнер, стр. 74.
[290] С. И. Максимов. «Собрание сочинений», том XII, часть 2 «На востоке», СПБ, 1909, стр. 277.

рис, чай, сахар, фрукты, кондитерские изделия и другие продукты. Всё это доставлялось на быках, в двухколёсных телегах, сделанных очень примитивно. Колёса этих телег состояли из «двух дуг и одного поперешника вместо всех спиц», в середине которого продевалась ось, «с колёсами вместе обращающимися», на неё укладывались дроги «с выемкою в том месте, где им на ось лечь должно»[291].

С ноября месяца, когда иссякал подножный корм для рогатого скота и перевозка товаров на быках делалась крайне затруднительной, начинали приходить караваны верблюдов с шёлковыми и бумажными тканями, чаем, сахаром, посудой и прочими товарами. Георги указывает, что в караванах было по пятидесяти и более верблюдов[292]. Но не все товары сразу поступали в Маймачен, большая часть их задерживалась в Урге, где с них взимали пошлину, после чего они постепенно в течение зимы перебрасывались на кяхтинский рынок.

Меновая торговля у китайцев с русскими происходила в Кяхте почти круглый год, но усиливалась она в декабре, январе, феврале и марте, когда приходили большие партии товаров. Главный торг обычно начинался в первых числах февраля, или «белого месяца». «В большие праздники,—пишет Паллас,—каков есть самый большой месяц нового года, который они (китайцы), как и мунгалы, называют белым месяцем, а бывает в феврале и продолжается целый месяц, развешивают они тогда перед храмом флаги, перед божком устанавливают стол многим кушаньем, которое вечером причетники в боковых каморках в ограде съедают, а к вечеру божку на театре каждый день представляют комедии шуточные или насмешные, особенно на кособдушных судей и до правительства касающиеся; о других увеселениях и говорить нечего; при сем не упущают своего торгу, и русские купцы сей месяц равным образом наисчастливым в торгу считают потому, что китайцы за великим множеством хороших в календаре в этом месяце предсказаний всё получше продают и покупают»[293]. У китайцев праздник «белого месяца» считался главным и праздновался «во всех широтах их обширного отечества». Ланг говорит, что один день «белого месяца», так называемый «фонарный день», в Китае «начали торжествовать при дворе хинском более двух тысяч лет назад»[294]. Гмелин указывает на то, что маймаченцы в течение всего месяца пили водку и веселились, как только могли. Много они играли в шахматы и карты. В этих играх китайцы проявляли большое мастерство[295].

[291] Паллас, часть III, половина первая, стр. 181.

[292] Johann Gottlieb Georgi «Geographisch physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches», Zweiter Teil. 1799. S. 1082.

[293] Паллас, часть III, половина первая, стр. 215.

[294] Дневник Ланга, стр. 100.

[295] Gmelins. Erster Teil. S. 450.

Китайцы особенно праздновали в течение «белого месяца» три дня: день Нового года, в который они не выходили из Маймачена и проводили весь день в хождении друг к другу, посещали театр, играли в шахматы, карты, кости и проч. Затем следовал «счастливый день», или торговый праздник, когда все торгующие китайцы обязательно старались совершить какую-нибудь выгодную торговую сделку, считая, что раз выгодная сделка состоялась, то это обеспечит удачу на весь год. В этот день китайские купцы одевались в праздничные халаты и отправлялись в Кяхту к знакомым русским купцам. Так же во время обеда гость и хозяин решали торговые вопросы. Третий праздник «белого месяца», так называемый «фонарный день», бывал обыкновенно в конце месяца. Зрелища, устраиваемые китайцами в этот день, всегда поражали европейцев своеобразной красотой и многосложностью оформления. Бель, посетивший Китай вместе с посольством Измайлова, говорит, что виденное им в Пекине во время «фонарного дня» превзошло его ожидания и «самую славу, каковая о том носится в Европе»[296].

В «фонарный день» кяхтинские купцы с самого утра приходили в Маймачен для отдачи визитов китайцам и оставались там до глубокой ночи. С наступлением темноты в городе зажигалось большое количество фонарей, которые, как указывает Гмелин, прикреплялись на длинных шестах. Кроме этого перед каждым домом сооружались «другие освещения»[297]. Вечером происходило самое торжество, длившееся по нескольку часов. На другой день снова начинались торговые будни.

Обыкновенно для оптовой мены китайцы ходили в Кяхту, где на меновом дворе осматривали «ото всех товаров выложенные пробы» и нередко здесь же заключали торговую сделку. Чаще всего китайцы шли прямо в дома русских купцов и там за чашкой чая договаривались о том, «какие товары русский за свои брать намерен», условливались о количестве покупаемого и продаваемого товара, о провозе и других расходах. Сговорившись, продавец и покупатель шли в амбар, где китаец, осмотрев тюки, запечатывал их или самый амбар. Затем кяхтинский купец вместе с покупателем направлялись в Маймачен. Там русский выбирал «угоднейшие себе товары», проверял «их доброту и нет ли какой фальши в самих тюках», откладывал нужные и оставлял кого-нибудь для караула[298].

Получив от русского купца выбранные товары, китаец тотчас отправлял их в Ургу или Калган. Это делалось потому, что в Маймачене, кроме тесных амбаров при каждом магазине, не было ничего, где можно было бы держать вымененные товары.

[296] Бель, часть вторая, стр. 143.
[297] Gmelins. Erster Teil. S. 449.
[298] Паллас, часть III, половина первая, стр. 182—183.

В Урге или Калгане китайцы оплачивали пошлину, в Маймачене же также, как и в Кяхте, согласно Кяхтинскому договору, пошлина не взималась. В Калган приезжали купцы из Пекина и других городов для оптового закупа русских товаров, оставшиеся товары развозились комиссионерами и приказчиками маймаченских фуз по разным провинциям Китая[299].

Маймаченские купцы в торговых отношениях с русскими почти с самого начала организации торговли в Кяхте строго придерживались своих правил, изложенных в секретной инструкции, которая, как указывалось выше, была составлена пекинским правительством и вручена дзаргучею Маймачена для руководства. Этот документ стал известен в России только тогда, когда он утратил свою секретность. Но в своё время он имел для Кяхтинской торговли весьма важное значение.

Инструкция требовала от каждого маймаченского купца «тщательно разузнать» потребность у русских в том или ином виде китайских изделий и цену, по которой они продавались в России, а также собирать данные о количестве привозимых в Кяхту товаров. Для «лучшего познания истины об этом» маймаченцы должны были делиться между собой добытыми сведениями и ежедневно по вечерам являться к дзаргучею для представления ему информации о торговых новостях.

Инструкция предусматривала и такую хитрость: китайцы были обязаны не только иметь сведения об общем количестве завезённых в Кяхту товаров, но время от времени стремиться к уменьшению их привоза. Если китайцам удавалось достичь этого, то они начинали распространять слух о возросшей потребности на русские товары внутри Китая и даже проявляли «жар в покупке, друг перед другом набивая цены». Русские купцы, желая расширить торговые обороты, увеличивали ввоз товаров. Тогда маймаченцы «вдруг переставали выменивать их». Китайцы объясняли такое положение тем, что российские изделия «вышли» в их стране из потребления или они привозятся в Китай другими иностранными государствами. Искусственный застой и уменьшение спроса на русские товары приводили к снижению цен на них. Именно этого и добивались китайские купцы.

В инструкции было сказано: «Чтобы удовлетворить любопытству русских купцов, дабы обратно выведывать от них истину, то рассказывать им, будто бы по дружбе предостерегая их, о неурожае шолку, чаю, либо хлопчатой бумаги, либо о привозе нужных товаров другими экспедициями в Кантон или что-либо подобное, смотря по обстоятельствам торговли, разумно выдуманное на то, в чём старшины с дзаргучеем положат последнее мнение»[300]. Делали китайцы это с той целью, чтобы повысить цены и увеличить спрос на свои товары.

[299] Паллас, часть III, половина первая, стр. 182.
[300] Цит. по кн. «Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых сношений через Кяхту», стр. 33.

Строгим выполнением правил, предусмотренных инструкцией, маймаченцы старались держать русских в полном неведении относительно своих торговых дел и о состоянии торговли внутри Китая. Почти каждый вечер, как только все китайцы возвращались из Кяхты в Маймачен и ворота его запирались на замок, у дзаргучея собирался торговый совет, на котором обсуждались вопросы, как должны китайцы держать себя в сношениях с русскими в ближайшие дни, какие товары променивать в первую очередь, какие распространять слухи о спросе на русские товары в Китае и т. д. Нужно заметить, что в этом отношении китайцы действовали с редким единодушием.

Но, как ни старались они скрыть от русских свои торговые тайны, всё же кяхтинским купцам кое-что было известно. Конечно, они не были посвящены в детали всех секретов, знали лишь только те главные хитрости, к которым прибегали маймаченцы в торговых сношениях с ними. Так, в одном из донесений иркутского губернатора в Петербург было сказано, что в Маймачене «торговые люди, коих иногда бывает до пятисот, разделяются на компании, по-китайски фузами называемые, и имеют из между себя выбранных начальников из лучших купцов, которые составляют ежедневный совет, где с одобрения заргучея не только устанавливаются цены товарам, но и берутся меры к разным хитростям, как-то: *в нетребовании нужных китайцам товаров и в изъявлении иногда надобности в таких, кои им совсем не нужны, дабы таковыми единогласно рассеяваемыми слухами приводить российских купцов в замешательство и обращать баланс торговли в свою пользу, что им нередко и удавалось*». (Разрядка моя. Е. С.)[301].

Если в первое время существования кяхтинского торга маймаченским купцам нередко удавалось распространением таких слухов вводить русских в заблуждение и «обращать баланс торговли в свою пользу», то впоследствии русские стали относиться к ним с большим недоверием, особенно если в этих слухах можно было усмотреть хоть малейший умысел. Даже в середине XIX века, когда вопросы русско-китайской торговли на границе были более или менее урегулированы, и китайцы стали несколько откровеннее, русские продолжали брать под сомнение их рассказы и, прежде всего те, которые относились к экономической, политической и военной жизни Китая. Так, в «Иркутских Губернских Ведомостях» № 23 за 1858 год кяхтинский корреспондент сообщил о том, что «китайцы в Маймачене рассказывают, что будто бы получили от своих пекинских корреспондентов известие о взятии англичанами китайского го-

[301] Цит. по статье Успенского «Из истории русских сношений с народами Востока», «Русская Мысль», кн. IV за 1904 г. Стр. 60.

рода Тянь-цзина». Корреспондент сомневался в правдивости этого известия, подозревая в нём «ловкий коммерческий манёвр», изобретённый маймаченскими торговцами, «чтобы иметь повод возвысить цену на свой чай». Через неделю в «Ведомостях» появилась новая заметка того же корреспондента, в которой он с удивлением писал, что на сей раз сообщение китайцев о взятии Тянь-цзина англичанами подтвердилось. Такая правдивость маймаченцев была крайне редким явлением [302].

С самого начала учреждения кяхтинской торговли китайское правительство «постановило непременным обстоятельством для своих подданных, переселившихся в Маймачен, сноситься с русскими только на их языке, стараясь мешать русским изучению китайского» [303]. Вот почему в конце XVIII века почти все маймаченцы умели объясняться по-русски, а из русских в Кяхте не было ни одного, знающего китайский язык. Это давало повод китайцам говорить про кяхтинских купцов, что они «люди нерадивые и коммерцию мало знающие» [304]. Однако, в то время китайцев, прилично говорящих по-русски, совсем не было. Объясняется это не только малым по времени общением с русскими, а больше особенностью китайского языка. «Рцы,— пишет Паллас,—оне (китайцы) вовсе выговаривать не могут, а вместо того говорят оне все люди; слоги, состоящие из многих безгласных литер, каких в русском языке довольно, расставляют вмешенными гласными, а это оба такие пороки, коих ни в Татарии, ни в Мунгалии, ни в Калмыках, ниже в других Азиатских народах, по русски говорить учащихся, никак не приметно» [305]. Нужно заметить, что в неправильном произношении русских слов маймаченцами отчасти были виновны русские, которые при разговоре с китайцами, стараясь быть более понятными, сами коверкали свой язык.

С основанием Кяхты и Маймачена, вследствие постоянного общения купцов обоих государств, постепенно стало складываться своеобразное русско-китайское наречие, или, как его называли, «маймаченское наречие», на котором объяснялись китайцы с русскими на всём протяжении существования кяхтинской торговли.

Недостаточность знаний русского языка китайцами до некоторой степени являлась тормозом в развитии кяхтинского торга.

Ещё в XVII веке Россия в своих попытках установить дипломатические и торговые сношения с Китаем встретилась с очень важным препятствием — недостатком людей, знающих китайский язык. Пётр I, стремясь развить караванную торговлю

302 «Иркутские Губернские Ведомости» №№ 28 и 29 за 1858 г.

303 З. М. Осокин. «На границе Монголии», СПБ, 1906, стр. 58.

304 Трусевич, стр. 241.

305 Паллас, ч. III, половина первая, стр. 182.

с китайцами, особенно сильно нуждался в таких людях. С целью распространения среди русских знания восточных языков, особенно китайского, он при назначении духовенства в Сибирскую митрополию старался подбирать таких лиц, которые могли бы «изучить языки китайский и сибирских инородцев». Это желание Петра осуществилось, в известной мере, лишь в 1714 году, когда была отправлена в Китай первая русская духовная миссия. Некоторые члены этой миссии, проживая в Пекине, изучали китайский и маньчжурский языки. Наиболее способные из них выполняли роль переводчиков. Так, например, церковник Дьяконов был прикомандирован ко двору богдыхана, где переводил грамоты, получаемые из России или посылаемые туда китайским правительством [306].

О том, что Россия нуждалась в людях, знающих китайский язык, свидетельствует и такой факт. В 1721 году из Китая на русскую территорию перебежал какой-то человек, умеющий «читать и писать по манзурски и по никански». Он поселился в Сельгинском монастыре и там «восприял святое крещение». Узнав об этом, Пётр специальным указом предложил сибирскому губернатору немедленно доставить выходца из Китая в Петербург [307].

По Кяхтинскому трактату Россия получила право держать при русской духовной миссии в Пекине шесть учеников, которые должны были изучать восточные языки и особенно китайский. В первой группе учеников, прибывших в Пекин в 1729 году, особенно выделился Россохин, быстро и хорошо изучивший китайский и маньчжурский языки, за что он получил в 1738 году чин прапорщика, а в 1741 году был назначен в Петербургскую Академию наук переводчиком и преподавателем китайского и маньчжурского языков. С четвёртой духовной миссией в качестве ученика ездил в Пекин Леонтьев, ставший впоследствии переводчиком коллегии иностранных дел и автором многих печатных переводов с китайских и маньчжурских книг. Умер он в 1786 году [308].

Однако, дальнейшее развитие торговых и дипломатических отношений с Китаем требовало большего количества людей, знающих китайский язык, чем изучало его в Пекине при духовной миссии. Поэтому в 1790 году при Иркутском народном училище были учреждены классы для обучения нескольких человек китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам. Но за неимением подготовленных учителей эти классы в 1794 году были закрыты [309].

Маймачен также, как и Кяхта, был вызван к жизни перенесением русско-китайской торговли на границу. Расцвет он не-

---

[306] Кюнер, стр. 72.
[307] Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 2, СПБ, 1885, стр. 336
[308] Кюнер, стр. 73—74.
[309] «Иркутские Губернские Ведомости» № 4 за 1858 г.

реживал в 60-х годах XIX века, после чего наступил период его упадка. Уменьшение торговли, начавшееся в 70-х годах, принудило многих китайцев, особенно мелких торговцев и ремесленников, выселиться из Маймачена и искать заработков вне его. Этот процесс выселения происходил не сразу. Сначала китайцы свободнее и чаще стали посещать Троицкосавск, куда возили свои товары. Особенно много туда ходило торговцев-мелочников [319]. Затем в Троицкосавске была открыта постоянная китайская торговля. Вслед за этим в Забайкалье, как и во многих местах Восточной Сибири, появились мелочные китайские лавки, в большинстве которых производилась тайная продажа китайской водки—«ханшина».

Передвижение китайцев из Маймачена в русские пределы с каждым годом становилось всё сильнее, так что в 90-х годах XIX века в западном Забайкалье, в большинстве крупных сёл, была китайская мелочная торговля. Здесь китайцы обзаводились семьями, выбирая себе жён из русской или бурятской среды, и вскоре в Забайкалье появился новый смешанный тип. Первые китайцы, поселившиеся на территории Восточной Сибири, были, главным образом, из маймаченцев.

---

[319] Д. И. Стахеев. «За Байкалом и на Амуре», СПБ, 1869, стр. 231.

Глава V

О ПРЕДМЕТАХ КЯХТИНСКОЙ ТОРГОВЛИ

Одним из самых важных предметов русского сбыта в Китай была пушнина. До отмены казённого караванного торга, т. е. до 1762 года, торговля ею находилась в руках государства и составляла почти 100% вывоза. Частные купцы, вследствие правительственных запрещений, вывозили её контрабандным путём. Только в 1762 году купечество получило право свободно торговать всеми видами «мягкой рухляди». Этим правом оно не смогло воспользоваться сразу, так как в тот же год наступил перерыв в русско-китайской торговле, продолжавшийся более шести лет. С возобновлением торговли, т. е. с 1768 года, сведения о промене пушнины в Кяхте становятся более определёнными, что позволяет установить не только процент её сбыта от общего количества всех вывозимых товаров, но и проследить сбыт отдельных видов пушнины.

С 1768 по 1785 год, т. е. до нового и последнего перерыва в торговле, вывоз мехов составлял около 85% от общего вывоза, а остальные 15% приходились на долю мануфактурных и кожевенных изделий. Последний перерыв 1785—1792 гг. внёс изменения в потребности китайцев на пушнину. Почти семь лет китайцы не вели торговли в Кяхте, которая для них являлась основным местом приобретения пушных товаров. Это привело к довольно большому недостатку их внутри Китая, что вызвало, в свою очередь, резкое увеличение цен на меха и некоторое изменение в модах. Только богатая часть китайского общества, по словам Словцова, тогда могла «употреблять сибирские меха и камчатские бобры», менее состоятельная вынуждена была заменить меховые носильные вещи суконными. Отсюда возрос спрос на сукно, ввоз которого увеличился морским путём. Ввозили его голландцы и англичане. С восстановлением кяхтинской торговли русские купцы, учитывая возросшую потребность в Китае на сукна, увеличили их привоз в Кяхту. В то время общее количество вывозимой пушнины хотя и оставалось прежним, но, в связи с увеличившимся сбытом сукна, её процент к общему вывозу всех товаров несколько сократился. Так, с 1792

по 1800 год вывоз мехов был равен 70-75%, а остальные 25—30% составляли мануфактурные, кожевенные и другие товары[311].

Из родов «мягкой рухляди» первое место в сбыте занимала русская—сибирская и камчатская, затем уже иностранная. Главным видом русской пушнины была белка, водившаяся в то время в громадном количестве по всей Сибири. Только из одного Верхнеудинского района ежегодно вывозили в Китай до 400000 штук. Каждый житель Березова, занимающийся охотой, убивал в год до 500 белок; недаром березовцев называли белкоедами[312]. Паллас рассказывает, что когда он был в 1771 году в Томске, ему пришлось наблюдать переселяющихся белок, которые буквально наполнили весь город[313]. Радищев говорит, что при хорошем промысле охотник в районе Илима в зиму добывал по 500 и более белок[314]. В Кяхте с 1768 по 1785 год почти ежегодно променивалось белки от 2 до 4 миллионов штук, исключая 1781 год, в котором было променяно более 6 миллионов штук белки. Такой значительный промен имел тогда результатом упадок сбыта этого товара в последующие три года. В 1784 году он составлял 1.233.124 штуки[315].

В «Историческом описании российской коммерции» Чулкова находим указание цен на белку, существовавших в 70—80 годах в разных местах Сибири, а у Палласа—цены, установленные на этот вид товара в Кяхте. Так, по Оби тысяча белок стоила 30—35 рублей. В Енисейске и Иркутске обыкновенная цена была 30 рублей за тысячу, в Нерчинске и Баргузине—от 30 до 35 рублей, в верховьях Лены—27, а в Якутске—от 20 до 22 рублей. Дорогой считалась илетская белка, которая водилась в Ялуторовском уезде на западной стороне реки Тобола в Илетском лесу. Но самой ценной была телеутская, обитавшая в верховьях реки Оби, в Кузнецком уезде. «Сия против обыкновенной белки» была вдвое больше и своим серебряным цветом «всем прочим родам» предпочиталась[316]. Илетская белка продавалась по 40, а телеутская—по 60—65 рублей за тысячу. Это объясняется тем, что белка упомянутых мест считалась лучшей по качеству. Но внутри каждого из перечисленных районов цены были неодинаковы. Вдали от больших дорог, в местах, куда реже заезжали купцы, белка и другие пушные товары стоили дешевле. Чулков замечает, что до открытия торга на Кяхте почти вся белка из Сибири вывозилась в Европейскую Россию, где ценились только тёмные сорта, поэтому «...одна пер-

---

311 Самойлов, стр. 17.
312 Трусевич, стр. 187.
313 Паллас, кн. 2, часть II, стр. 431.
314 Радищев. «Полное собрание сочинений», том II, Москва—Ленинград, 1941, стр. 29.
315 Самойлов, стр. 10.
316 «Ежемесячные сочин...» Март, 1756, стр. 204.

ченская белка была в цене, а обская с прочими бледными родами далеко оставалась». Правда, незначительное количество белки шло в Китай через частных купцов, ездивших с казёнными караванами, но в то время «китайцы,—пишет Чулков,—не так великие охотники были до белок, а ныне (т. е. в 70—80-х годах) оным у них превеликий расход». На Кяхте промениваласъ преимущественно белка якутская, иркутская, баргузинская и нерчинская, но китайцы «обскую белку всем прочим предпочитали», причём они смотрели не столько на её «...черноту, как на добрые свойства шерсти»[317]. Паллас указывает, что в Кяхте цены на белку разных сортов были от 70 до 152 рублей за тысячу. Кроме того, были готовые беличьи меха, шитые из спинок, брюшков и даже голов белки[318]. В период с 1792 по 1800 год сбыт белки в Китай увеличивается до 7 миллионов штук в год. В то время её привозили в Кяхту не только из Сибири, но и из Европейской России.

После белки следуют горностаи, которых тогда в Сибири добывали довольно много. Лучшими считались илетские, ишимские и барабинские, менее ценными были горностаи, водившиеся в лесах между Томском и Красноярском, также в некоторых местах между Красноярском и Иркутском, затем в Пелымском крае и в районах реки Оби. В городах их покупали по 10 и по 15 рублей за сотню, а у охотников даже по 6 и 8 рублей. «Они бывают,—пишет Чулков,—также дороже и дешевле, чем который город к России и к Китаю ближе, или далее расстоянием находится, и, следовательно, в середине Сибири, а именно в Томске и в около лежащих местах, должны быть дешевле»[319]. Этот вид пушного товара первоначально шёл одинаково в Россию и Китай. С учреждением торговли в Кяхте сбыт его китайцам стал значительно превышать сбыт в Россию и государства Европы. С 1768 по 1785 год в Кяхте горностаев променивалось ежегодно от 140 до 400 тыс. штук[320]. Паллас сообщает, что «горностаи разной доброты и величины, кои иногда весьма дорого продавались и весом, пока не дознали китайцы обману, что в лапки их зашивали свинец, и так ныне продаются в розницу каждый от 20 до 60 коп.»[321]. Со второй половины 80-х годов спрос на них в Китае стал уменьшаться, вследствие чего увеличился вывоз в Западную Европу. Так, в 1786 году через Петербург было вывезено 1.480 горностаев, а в следующие два года вывоз уже возрос почти в пять раз[322]. Всё это свидетельствует о существовании зависимости вывоза мехов из России в Европу от спроса на них в Китае, что можно проследить и на других видах пушнины.

317 Чулков, том III, кн. 1, стр. 144—145.
318 Паллас, часть III, половина первая, стр. 190.
319 Чулков, том III, кн. 1, стр. 142.
320 Самойлов, стр. 10.
321 Паллас, часть III, половина первая, стр. 189.
322 Трусевич, приложения, таблица III.

В Кяхту вывозился ещё особый род горностаев, называемых ласточками. «Сии едва в половину величиною будут против горностаев, и с онными ловятся в тех же местах; токмо не в таком множестве. Расход им есть по большой части в Китай и сотня покупается в Сибири по 3 и по 5 рублей»[323].

Важным предметом сбыта были также кошачьи шкурки. В 1769 году промен их не превышал 20 тыс. штук, после того, до разрыва 1778 года, сбывалось их от 40 до 100 тысяч штук ежегодно; с 1780 по 1785 год, т. е. до нового разрыва включительно, промен этого товара стал быстро увеличиваться, так что в 1780 году он доходил до 132 тыс. штук, а в 1785 году достиг 300 тыс. штук. В 1792 году сбыт кошачьих шкурок возрос до 387 тысяч[324].

Довольно ценным предметом русского вывоза в Китай считался соболь. Особенно богата им была Сибирь в XVII веке. Так, на Витиме и Олёкме в то время ежегодно убивали до 1000 соболей. При завоевании Якутии, в так называемом Богатом Наволоке, охотники, промышляя группами, получали каждый на свой пай «по семь сороков соболей». Якуты часто ловили их у своих юрт. Жители Камчатки в начале XVIII века совершенно не ценили соболей. «В прежние времена,—пишет Крашенинников,—бывало там соболей невероятное множество: один промышленник мог наловить их без дальнего труда до семидесят и осмидесят в год, и то не для употребления кож их, ибо оные почитались хуже собачьих, но более для мяса, которое употребляли в пищу». Камчадалы охотно отдавали соболей в ясак, при этом они «не токмо не спорили, но напротив того весьма казакам смеялись, что они променивали ножик на 8, а топор на 18 соболей». Русские приказчики, жившие на Камчатке, «в один год получали богатства мягкой рухлядью до тридцати тысяч рублей и больше»[325].

С развитием торговли соболями в Сибири, число их стало быстро уменьшаться и прежде всего в тех местах, которые ближе находились к России. Например, в XVIII веке в Тобольской губернии не осталось и следов соболя. Сократилась его добыча и в отдалённых районах. Так, в начале XVIII века на Колымских ярмарках собирали «иногда в казну по 30 сороков соболей таможенной пошлины». Но через пятьдесят лет на Колыме уже не было «знатного соболиного торгу». Истощился также Богатый Наволок, и якуты на соболиный промысел, который они прежде перед жильями своими имели, вынуждены были ходить в отдалённые места, где проводили по нескольку месяцев[326].

---

[323] Ежемесяч. сочин... март 1756 г.

[324] Самойлов, стр. 10 и 17.

[325] С. Крашенинников. «Описание земли Камчатки», СПБ, 1786, том I, стр. 215.

[326] «Ежемесячные сочинения», март 1756 года, стр. 197.

Сохранился соболь только на Лене, по Байкалу, в Иркутском, Нерчинском, Якутском уездах и на Камчатке. Из всех собольных мест более богатыми считались районы в устьях рек Витима, Олёкмы и Алдана. Давала много соболя и Камчатка, но там хотя и добывалось соболей «нарочито много, но редко такие, которые бы высокой ценой стоили».

Лучшие соболи шли в Россию, так как там, как указывает Чулков, «знатные особы издавна к хорошим соболям привыкли, они знают им цену и не жалеют за добрый товар платить большие деньги»[327]. Часть их вывозилась за границу и прежде всего через греческих купцов в Турцию, Персию и Аравию, худшие сорта шли в Китай, где полагались на «чернение» и цену хорошим соболям не знали». Действительно, китайцы отлично умели красить и продавать крашеных соболей за лучшие сорта не только своим соотечественникам, но даже и русским, правда — не сибирякам. В 1765 году вышел указ о том, чтобы ...«мехов крашеных всякого рода разными цветами, кроме чёрных и белых, в России отнюдь никто не носил, также и купечество таковых в Россию-ж ни под каким видом не ввозили»[328].

В 70-х годах в Кяхте променивалось от 6 до 16 тысяч соболей ежегодно[329]. Цены на них в Сибири были самые различные — от 25 копеек до 70 рублей. Лучшими считались якутские, стоившие от 50 до 60 рублей, за ними следовали нерчинские. Дешевле всех были камчатские, шерсть которых была «не так черна», как у олёкминских и витимских. В Россию их шло очень мало, почти все вывозились на кяхтинский рынок[330]. Капитан Шмалев, несколько раз побывавший на Камчатке и впоследствии назначенный там управителем, в своих записках сообщает о ценах на камчатскую «мягкую рухлядь» за 1773 год: соболь первого сорта стоил 3 рубля, второго — 2 рубля и третьего один рубль[331]. Самые дорогие соболи добывались на реке Удь, впадающей в Охотское море. Цена на них нередко доходила до 70 рублей за шкурку. В Кяхте русские купцы оценивали соболей низшего сорта от 2½ до 10 рублей, а высшие сорта — по 120 рублей за штуку. Кроме того, променивали собольи брюшки и хвосты; первые ценились по 58 копеек пара, вторые — от 25 до 50 коп. штука. Привозились и шитые меха из собольих лапок по цене от 20 до 50 рублей[332]. В последующих годах XVIII века вывоз соболей стал сокращаться. Так, в 80-х годах он составлял 4,3% от всего вывоза пушнины в Китай. Объясняется это

[327] Чулков, том III, кн. I, стр. 140.
[328] Там же, том III, кн. I, стр. 345—346.
[329] Самойлов, стр. 10.
[330] Крашенинников, том I, стр. 215.
[331] «Хронологическая история открытия Алеутских островов», Петербург, 1823, стр. 84.
[332] Паллас, часть III, половина первая, стр. 189.

тем, что при Екатерине II, особенно во вторую половину её царствования, среди дворянства довольно широко распространилась мода на собольи меха.

Значительную статью вывоза составляли лисицы разных родов: сиводушки, белодушки, чернобурые и чёрные. В XVII веке лисиц в Сибири водилось очень много. В то время ими почти не торговали из-за изобилия соболей; так, ни Байков, ни Спафарий их в Пекин не вывозили, не вывозили их и в Европейскую Россию. Только с уменьшением соболей началась торговля лисицами с Китаем. Впоследствии же, когда потребность на лисиц в Китае возросла, в Сибири их стало очень мало. По словам Чулкова, в 70 годах обыкновенные лисицы были в Сибири почти дороже, нежели в России, и для продажи китайцам значительная часть их привозилась оттуда. «В Иркутске,—пишет он,—есть не только обыкновенные русские лисицы, но некогда видимы были и норвежские, которые куплены у города Архангельского и назначены были для выведения на Кяхту». Степные лисицы добывались в южной части Сибири, но ценились они дёшево, так как были «бледны цветом, жестки шерстью и малы ростом». Охотники привозили их в Тару, Томск и в Красноярск, где продавали купцам по 70, 80, 90 коп. и по 1 рублю за лисицу.

Красные лисицы водились в таёжных местах. Лучшими из них считались камчатские (огнёвки) и стоили более двух рублей, за ними следовали енисейские ценою не ниже полуторых рублей и, наконец, тобольские—немного выше рубля. Нужно заметить, что Камчатка была очень богата лисицами. Там водились огнёвки, сиводушки, кресговки, бурые, чернобурые и др. Особенно славились огнёвки, которые были «столь пышны, осисты и красны, что других сибирских лисиц и сравнить с ними не можно»[333]. Чёрные лисицы лучшего качества добывались в Березовском, Сургутском, Мангазейском, Якутском уездах и на Камчатке. Последний сорт их стоил от 5 до 10 рублей, третий—от 15 до 30 рублей, второй—от 40 до 100 рублей, первый—от 600 до 1000[334]. Русских чёрных сиводушек сбывалось в Кяхте от 2000 до 4000 штук, а белодушек—от 6 до 20 тысяч штук ежегодно. Лисиц чернобурых, сивобурых и чёрных—от 300 до 1200 штук, огнёвок красных до 1773 года—от 300 до 700 штук. Впоследствии же промен их стал сокращаться, так что с 1780 по 1785 год их уже не меняли в Кяхте, и китайцы должны были довольствоваться сиводушками и белодушками[335].

Заметим, что во второй половине XVIII века, во время перерывов в русско-китайской торговле, увеличивался вывоз лисиц в Западную Европу. После перерыва, продолжавшегося с

[333] Крашенинников, том I, стр. 210.
[334] Чулков, том III, кн. 1, стр. 152—156.
[335] Самойлов, стр. 10.

1778 по 1780 год, в первые два года через западную границу не было перевезено ни одной лисицы, а во время последнего перерыва только через один Петербург вывозилось ежегодно от 2 до 5 тысяч штук,[336] что свидетельствует о том, что вывоз лисиц в Европу находился в связи с торговлей этим пушным товаром с Китаем.

Особенно много в Китай вывозилось лисьих лап. Купцы покупали их у охотников по дешёвым ценам. Так, сотня лап степных лисиц стоила 2 рубля 50 копеек, красных—3 и 4 рубля, сиводушек—5 и 6 рублей, самого высшего достоинства чёрные лапы стоили 30 и 40 рублей сотня[337], а по оценке в Кяхте они шли: лапы степных лисиц—от 5 до 30 рублей сотня, сиводушки—от 12 до 150 рублей и чёрные лапы—до 200 рублей[338]. В период с 1768 по 1785 год вывозилось через Кяхту лап от белодушных лисиц от 120 до 250 тысяч штук, от сиводушных—от 50 до 150 тысяч, от чернобурых, чёрных и бурых—от 2 до 4 тысяч. В девяностых годах сбыт их в Китай ещё больше возрос.

Затем в значительной мере променивались собольи лапы, лучшие сорта которых в Сибири продавались по 10 и по 15 рублей за сотню, а плохие—по 5 и по 7 рублей. В тот же период в Китай их вывозилось ежегодно от 50 до 100 тысяч штук. В меньших размерах шли куньи и рысьи лапы.

Из прочих видов пушнины замечателен был сбыт песцов. Китайцы очень любили этот мех. Он шёл у них не только на носильные верхние вещи, но они изготовляли из него зимние подушки для сиденья и считали его теплее других мехов. Правда, голубых песцов они покупали мало, так как те были в пять и шесть раз дороже белых. Китайцы ежегодно вывозили из Кяхты от 10 до 15 тысяч песцов, а в 1777 году—72.804 штуки. В 90-х годах вывоз их увеличился ещё больше[339].

Песцы водились как в России, так и в Сибири, вдоль всего берега Ледовитого океана. Сибирские песцы по своему качеству превосходили российских. В Сибири лучшими считались те, которые водились в низовьях Енисея и в районе Мангазеи, за ними следовали якутские и, наконец, березовские.

В 50-х и 60-х годах XVIII века белых песцов «в таком множестве бывало», что в Мангазее можно было купить сотню за 15 и 20, а в Якутске—за 10 рублей. Но в 70-х годах они продавались в Мангазейском районе уже по 40 и 45 рублей сотня. Такое повышение цен объясняется увеличением спроса на них в Китае. Якутские песцы почти все шли на кяхтинский рынок,

---

[336] Трусевич, приложение III.
[337] Чулков, том III, кн. 1, стр. 157.
[338] Паллас, часть III, половина первая, стр. 187.
[339] Самойлов, стр. 10 и 17.

мангазейские сводились в Енисейск, а оттуда отправлялись как в Европейскую Россию, так и в Кяхту.

Голубые песцы встречались значительно реже. Чулков говорит, что «ежели между обоими учинить сравнение, то в числе 1000 песцов насилу попадёт 50 голубых. Сия редкость, а притом их цвет, который лучше белого почитается, причиняет, что они против белых гораздо дороже»[340]. Лучший сорт голубых песцов стоил от 1 рубля 50 коп. штука.

В Кяхте белых песцов оценивали от 50 коп. до 2 руб. 75 коп. штука. Отдельно продавались песцовые лапы по 20 коп. пара[341]. В этот период песцовых лап променивалось китайцами ежегодно от 16 до 40 тыс. штук.

Березовские песцы почти все шли в Россию, часть их вместе с российскими вывозилась в Турцию, Польшу и другие государства Западной Европы.

Заметим, что вывоз песцов в Европу находился в зависимости от их вывоза в Китай. Во время перерыва в торговле на Кяхте, начавшемся в 1785 году, сбыт песцов в Европу значительно увеличился.

Но самыми дорогими и вместе с тем выгодными пушными товарами, которые сбывались в то время в Кяхте, были выдры и бобры. Выдры в Сибири в XVII и в начале XVIII века водилось довольно много. Её вывозили в Россию, где она была в большом ходу, ввозили её туда и из Западной Европы. Но в конце XVIII века количество выдры резко уменьшилось. Чулков пишет, что «выдра хотя и есть в Сибири, но не в великом числе, и не столь много, сколько на тамошний расход потребно, чего ради всегда требуется в прибавку из России»[342]. У сибирских охотников её покупали по разным ценам, но высшая цена не превышала рубля за штуку, причём смотрели не на качество меха, а на величину шкурки, «чтобы была совершенного росту». Лучшие сорта выдры в Кяхте оценивались от 6 до 25 рублей за штуку. Сбыт выдр китайцам из-за недостаточности их в Сибири и часто из-за плохого привоза из России был ограничен; в рассматриваемый период их вывозили 300—800 штук ежегодно, а в редкие годы—от 1.200 до 1.500 штук[343].

Лучшие (чёрные) бобры привозились в Кяхту с реки Таз через Мангазею и из России, где их добывали главным образом на Печоре. В меньшем количестве доставлялись в Кяхту бобры с Оби и Иртыша. Как указывает Чулков, в тех местах Сибири, где был бобровый промысел, верхнюю часть бобровой шкурки или, как её называли, хребет, можно было купить за 4 и 5 рублей, нижнюю, или черева,—по 30 и 50 копеек штука[344].

---

[340] Чулков, том III, кн. I, стр. 159.
[341] Паллас, часть III, половина первая, стр. 188.
[342] Чулков, том III, кн. I, стр. 152.
[343] Самойлов, стр. 10.
[344] Чулков, том III, кн. I, стр. 150.

Экспедиции на Камчатку дали на кяхтинский рынок новый и очень ценный мех морской выдры, которая сыграла огромное значение в деле усиления русской торговли с Китаем. Первоначально эти меха в Сибири называли по-камчатски «каланами», затем стали называть морскими или камчатскими бобрами. «Но они,—пишет Чулков,—в самом деле не бобры, но на выдру более похожи. Не имеют бобровых струй, также и хвост у них не гладкий и не чешуйчатый, как у бобров, но по примеру прочих зверей мохнатый; чего ради оной и употребляется на меха»[345]. Морские бобры в большом количестве вывозились русскими промышленниками и торговыми компаниями с Камчатки, Курильских и Алеутских островов, а также с северо-западных берегов Америки.

Русские, проникнув на Камчатку, нашли на её восточном берегу и на ближайших Курильских островах много морских бобров. Коренные жители этих мест дёшево променивали их казакам или охотно отдавали в ясак, часто заменяя ими соболей и лисиц, хотя бобр был «по малой мере впятеро дороже соболя». Казаки меняли бобров на товары или продавали на деньги купцам, которые везли их в Кяхту, где тайно сбывали китайцам[346].

Торговля бобрами была очень выгодна. Она давала государству и частным купцам большие прибыли. Поэтому в правительственных указах при перечислении тех видов пушнины, которыми не могли торговать купцы на камчатском рынке, на первом месте всегда стояли камчатские бобры. В 1734 году Илимская воеводская канцелярия, обвиняя группу купцов в контрабандном вывозе пушных товаров в Китай, ссылаясь на правительственный указ, писала, что этим купцам надлежит запретить в их «торгах иметь камчатские бобры, рыси, белку нерчинскую и якутскую, лисицы бурые, седые крестовки и огнёвки, соболи камчатские и якуцкие да недопески»[347]. В 1748 году Селенгинская городская ратуша, уличив иркутского купца Николая Бречалова в тайном провозе «заповедных товаров» на китайскую границу, особенно подчёркивала то, что он имел «для продажи китайцам 189 бобров камчацких»[348].

Хищническое истребление морских бобров привело к тому, что значительная часть уцелевших животных ушла с камчатских берегов в другие места и на промысел приходилось выезжать довольно далеко. Чулков рассказывает, что в 1760 году одно промысловое судно плавало за бобрами уже за 400 вёрст к юго-востоку от Камчатки. На судне было 40 человек и каждый

345 Чулков, том III, кн. I, стр. 151.
346 Крашенинников, том I, стр. 288.
347 Государственный архив Иркутской обл., Фонд Илимской воеводской канцелярии, дело № 270, лист 216.
348 Государственный архив Иркутской обл., Фонд Селенгинской городовой ратуши, дело № 37, лист 90.

получил на свой пай по 192 бобров, всего же было добыто 1.320 штук [349]. В 80-х годах русские охотники за бобрами проникли к берегам «большой землицы», т. е. Северной Америки. Если «бобровые промышленники,—пишет Берх,—добывали весьма легко мягкую рухлядь по всей гряде Алеутских островов, миролюбие жителей и местное положение оных благоприятствовали их намерениям», то «при северо-западных берегах Америки встретили они противное: народ был немиролюбив, мягкую рухлядь гораздо труднее было скупать и надобно было ездить за оною по разным весьма отдалённым жилищам. Затруднения сии были причиной, что около 1795 года осталось только три компании: Шелиховская, Киселевская и Лебедевская». По вычислениям Берха до образования Российской Северо-Американской Компании, т. е. до 1798 года, морских бобров было вывезено из всех этих мест 98548 штук и бобровых хвостов 58.613 [350].

По сведениям капитана Шмалева, в 1773 году цены морским бобрам на Камчатке были следующие: бобр первого сорта стоил 60 руб., второго 40 руб. и третьего 25 руб. [351]. Кяхтинские же цены были гораздо выше камчатских; по данным Палласа в том же году камчатские морские бобры в Кяхте стоили от 90 до 100 руб., а некоторые и до 140 рублей. Следовательно, торговля бобрами давала огромные барыши русским купцам [352]. Этим и можно объяснить то явление, что в России почти совсем не было видно камчатских бобров, «ибо там купец за них, —пишет Чулков,—никогда такой высокой цены взять не может. Некогда в Сибирском приказе в Москве их имели, которые привезены были ясашною казною, и там оценены не свыше 14 и 15 рублей. Но купили их московские купцы, торгующие на китайской границе, и послали оных назад в Сибирь, где у китайцев обыкновенного барыша не лишились» [353]. То же подтверждает Паллас. «Камчатские бобры,—пишет он,—главный почти камчатской товар составляющие, на которых в Европе за их дороговизною немного-б купцов найтить было можно» [354].

Если в Россию не привозились камчатские морские бобры, то доставлялись американские, которые отправлялись с берегов Америки в Англию, а оттуда—в Финский залив. В Европейской России их продавали немного, большую же часть везли прямо в Кяхту [355].

Американских и канадских бобров променивалось китайцам

---

[349] Чулков, том III, кн. I, стр. 50.

[350] Берх. «Хронологическая история открытия Алеутских островов», стр. 143.

[351] Берх. «Хронологическая история открытия Алеутских островов», стр. 83.

[352] Паллас, часть III, половина первая, стр. 186.

[353] Чулков, том III, кн. 1, стр. 151.

[354] Паллас, часть III, половина первая, стр. 207.

[355] Корсак, стр. 82.

в период с 1768 по 1785 год от 30 до 50 тысяч шкур, а в 1782 году их было променяно 64 тысячи [356]. В конце XVIII века промен бобров несколько уменьшился. Зато возрос спрос на них в России, что было вызвано изменением в моде. «Внутреннее употребление, особенно мода,—говорит Радищев,—приводит иногда и сибирские товары в обращение. Например, перед несколькими временем в Москве была мода на собольи меха, не всегда на дорогие, но на самые те, которые берут китайцы. Кто в Москве был без собольей шубы, тот в число щеголей не вмещался, а там их много и быть таковым есть в свете нередкое достоинство. Ныне мода пошла на шубы или виндшуры бобровые. Если бы торг на Кяхте не возобновился, то я уверен, чтобы и камчатские дорогие бобры в Москве нашли покупателей» [357]. Но российский спрос на бобров в сравнении с кяхтинским был незначительный. Заметим, что во время перерыва в торговле в 1785—1792 годах российский рынок не мог поглотить даже тех бобров, которые были привезены в Россию за несколько месяцев до начала перерыва, вследствие чего ввоз американских и канадских морских бобров прекратился совершенно, что может служить опять-таки доказательством непосредственной связи русской торговли с китайской.

Из иностранной пушнины после морских бобров по ценности первое место занимали в кяхтинской торговле выдры, которых с 1768 по 1785 год шло в Китай от 5 до 10 тысяч штук ежегодно, а в 1776 и 1780 годах променяно было их до 15 тыс. шкур. Иностранной лисицы чернобурой, сивобурой и бурой промениводось от 120 до 400, сиводушек—от 200 до 800 и белодушек от 800 до 1400 штук ежегодно [358]. Все эти товары доставлялись большей частью американцами тем же путём, каким шли американские и канадские морские бобры [359].

Вывозилась в Китай и рысь, главным образом, иностранная. В Сибири рыси водилось очень мало. Она встречалась в Кузнецком, Красноярском и Нерчинском уездах. На местах охотники продавали её по 2 и по 3 рубля, в Кяхте же она шла по цене от 4 до 16 рублей шкура. Недостающее количество рыси ввозили в Россию из Западной Европы. В Кяхте в основном променивалась иностранная рысь. Так, за 6 лет, с 1780 по 1785 год в Китай шло ежегодно иностранной рыси от 2 до 4 тысяч шкур. В первый год торгового перерыва 1785—1792 гг. привоз рыси из Западной Европы был прекращён, а добытая в Сибири рысь была вывезена в Европейскую Россию и оттуда часть её отправлена через Петербург за границу. В 1785 году из Петербурга вывезли 309 штук, а в 1786 году—уже 540 [360].

---

356 Самойлов, стр. 10—11.
357 Радищев, том II, стр. 16.
358 Самойлов, стр. 11.
359 Корсак, стр. 82.
360 Трусевич, приложения, таблица III.

Этот факт вновь свидетельствует о зависимости вывоза мехов из России в Европу от китайского торга ими.

Из иностранного пушного товара необходимо указать ещё на кроликов. Правда, в Китай шли не только иностранные, но и русские кролики. Вывоз первых начался не ранее 1762 года и составлял от 6 до 13 тысяч штук ежегодно, прервался вторично в 1771 году и до разрыва 1778 года составлял от 8 до 16 тысяч, а в период с 1780 по 1785 год — от 16 до 40 тысяч шкурок ежегодно[361].

Наконец, необходимо указать, что в период с 1792 по 1800 г. на кяхтинском рынке появляются морские котики, привозимые из Камчатки и Америки, но в очень малом количестве. Впервые морские котики были отправлены в Пекин с русским караваном в 1727 году, но из 11 шкурок не было продано ни одной. В отношении спроса на них в Китае в конце XVIII века нам ничего не известно.

Кроме всех этих видов пушнины, русской и иностранной, добываемых путём охотничьего промысла, значительный сбыт в Китай имели в то время товары, получаемые от скотоводства: мерлушки и овчины.

Первоначально торговля мерлушкой и овчиной была развита мало. Трусевич указывает, что в таможенных книгах города Томска за 1652—1653 годы совершенно не упоминается об овчинах[362]. С самого начала русской караванной торговли с Китаем, этот вид товара привозился из России, но сколько его привозили в Пекин и какова была в нём потребность у китайцев, у нас нет никаких данных. С 50-х годов XVIII века овчину и мерлушку для торга с Китаем в довольно большом количестве давали татары Красноярского и Кузнецкого уездов, буряты и эвенки (тунгусы), живущие в районах Иркутска, Верхнеудинска, Селенгинска и Нерчинска[363].

С 1768 года мерлушка и овчина начинают составлять очень важный предмет русско-китайской торговли. В 70-х годах и первой половине 80-х годов их вывозили через Кяхту от 600 тысяч до миллиона шкур, а в 90-х годах вывоз возрос до 1200000 штук[364]. По данным Палласа, цены на мерлушку и овчины на кяхтинском рынке были следующие: чёрная мерлушка стоила от 30 коп. до 1 руб. 10 коп. штука, бурая, серая и белая — от 20 до 60 коп., пёстрые и белые простые ягнячьи шкурки — от 20 до 58 коп., долгошерстные ягнячьи шкурки — от 30 коп. до 1 рубля, большие простые белые и чёрные овчины от 25 до 80 коп. штука и козьи шкуры от 12 до 40 коп.[365].

[361] Самойлов, стр. 11.
[362] Трусевич, стр. 192.
[363] «Ежемесячные сочинения...» за 1756 год, стр. 528—529.
[364] Самойлов, стр. 11.
[365] Паллас, часть III, половина первая, стр. 192.

Итак, в течение всего XVIII века пушнина играла самую важную роль в русском вывозе в Китай. До 1762 года она составляла главную ценность государственной торговли, а с 1772 года становится основным товаром частных купцов, торгующих через Кяхту. Из всех разнообразных видов пушнины по количеству первое место между русскими вывозными занимали белки, затем шли горностаи, песцы, дикие кошки, лисицы, соболи, бобры и проч. Между иностранными самыми главными [illegible] по количеству и, вместе с тем, по ценности были бобры и выдры, за ними шли лисицы. Возрастающие торговые обороты 80-х и 90-х годов показывают, что открытие новых источников «мягкой рухляди» на островах Тихого океана, с которых в значительном количестве доставлялись на китайский рынок новые и ценные виды пушнины, много содействовали успеху русско-китайской торговли.

В числе промышленных русских товаров значительный сбыт в Кяхте имели кожевенные товары: юфть, козловые и опойковые кожи; затем разные льняные изделия, грубошёрстные сукна, ковры, половики, мишура, листовое железо, разные железные предметы и проч. товары. Значительное место среди мануфактурных изделий занимали иностранные товары, преимущественно сукна.

Что касается кожевенных товаров, то сбыт их в Китай существовал задолго до открытия торговли в Кяхте. Кожевенное производство являлось старинной отраслью русской промышленности. Уже в начале XVII века в России определились постоянные центры кожевенного производства—Великий Новгород, Псков, Нижний-Новгород, Ярославль, Кострома, Суздаль, Муром, Казань [366].

На эту отрасль промышленности было обращено большое внимание при Петре I. Начиная с 1715 года последовал ряд правительственных указов об улучшении качества кожевенных изделий. Такая мера вызывалась тем, что массовым потребителем кожи становилась армия, нуждавшаяся в хорошей обуви, а не в такой, которая «когда мокрота хватит, расползается и вода проходит». Поэтому в царствование Петра и увеличилось число кожевенных предприятий, но они были мелкими кустарными производствами [367].

Особенно выросла кожевенная промышленность во второй половине XVIII века: в 1762 году кожевенных мануфактур насчитывалось по всей России 35, а в 1796 году их было уже 843 [368]. В Сибири производство кож возникло также с давних

---

[366] П. И. Лащенко. «История народного хозяйства СССР», том I, Москва, 1939, стр. 185.

[367] Проф. П. Г. Любомиров. «Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв.», Прибой, 1930, стр. 145—146.

[368] В. Бурнашев. «Очерк истории мануфактур в России», СПБ. 18[illegible], стр. 16.

времён. Чулков говорит, что почти во всех сибирских городах изготовляют юфть, особенно в Тобольске, Тюмени, Томске и Иркутске [369]. Выделкой кож занимались буряты и другие народы Сибири. Поэтому сбыт кожевенных товаров из Сибири в Китай находил весьма рано. Известно, что во время посылки казённых караванов в Пекин, сибирские купцы ездили в Ургу и там продавали юфть, а пограничные жители Сибири выменивали её у монголов на скот. С открытием кяхтинской торговли сбыт её стал довольно значителен. В период с 1762 по 1785 год в Кяхте променивалось юфти от 30 до 80 тысяч кож, а кож козьих и опойковых — до 50 тысяч штук ежегодно [370]. Из России в Сибирь привозили, главным образом, красные и чёрные юфти. «Большую часть оных,— пишет Чулков,— привозят из Москвы, Ярославля, Вологды, Устюга, также из Казани, токмо сии последние почитаются против прежних добротою ниже; напротив того хорош казанский сафьян, или козлинки. Сверх того привозят на продажу готовые сапоги, башмаки, туфли и коты, т. е. чулки сафьянные» [371]. От спроса китайцев на юфть зависел вывоз кожевенных товаров в Европу. В 1784 году, т. е. накануне перерыва в торговле с Китаем, юфти было вывезено в Европу через Петербург 95.064 кожи, во время же перерыва вывоз быстро стал возрастать. В 1787 году он составлял уже 129.941 кожи, а в 1788 году — 141.132 [372]. Эти данные ещё раз свидетельствуют о существовании связи русского вывоза в Европу с кяхтинской торговлей.

Промен льняных товаров в Кяхте начался с 1770 года, их вывозилось ежегодно до 1785 года от 3 до 15 тысяч аршин. Преимущественно в Китай сбывали тик; холст, канифас, ещё не шёл. Чулков говорит, что в его время (около 80-х годов) холст привозили из России и он расходился внутри Сибири, а за границу не отправлялся [373].

Важным предметом русского вывоза в Китай были сукна. Их вывоз начался ещё при Петре I, именно в то время, когда в России наступало интенсивное и систематическое развитие мануфактурной промышленности. Но тогда в Китай отправляли только иностранные толстые сукна, русское же сукно шло преимущественно на то, чтобы одеть огромнейшую армию. Заметим, что забота Петра о создании собственной суконной промышленности, равно как вообще все его реформы, вызывались современным экономическим положением тогдашней России и, в частности, диктовались необходимостью снабжать армию, рост которой был вызван рядом более отдалённых и глубоких причин экономического и политического характера. «Когда Пётр Вели-

[369] Чулков, том III, кн. I, стр. 116.
[370] Самойлов, стр. 12.
[371] Чулков, том III, кн. первая, стр. 115.
[372] Трусевич, приложения, таблица III.
[373] Чулков, том III, кн. I, стр. 116.

ий,— говорит товарищ Сталин,— имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»[374].

Преемники Петра I, заботясь о развитии суконной промышленности, также как и он, подчёркивали главную её цель — снабжение армии. Например, императрица Анна в одном из своих указов по этому поводу говорит, что её «намерение» заключается в том, чтобы «всякого художества манифактуры и фабрики ввесть и распространить, а паче суконные умножить, дабы войска наши без вывозу чужестранных российскими суконами удовольствованы»[375]. С этой целью был проведён ряд мер. В 1733 году крупный фабрикант Полуярославцев, владевший суконными фабриками в Москве и Путивле, получил монопольное право на вывоз овечьей шерсти из Украины, за что он должен был «поставлять сукно в казну на солдатскую обмундировку». В 1736 году купец Евреинов выхлопотал для своей компании право открыть в Москве суконную фабрику, причём ему было дано заимообразно из казны 10.000 руб. без процентов, с обязательством выплатить их в течение трёх лет мундирным сукном[376]. Таким же покровительством правительства пользовалась суконная промышленность и в годы царствования Елизаветы. При ней особенно стало развиваться суконное производство в Воронеже. В 1740 году купец Пустовалов получил право открыть в Воронеже суконную фабрику. При этом ему давался ряд крупных привилегий, за которые он должен был ежегодно поставлять на армию сукон не менее, как на 30.000 рублей. В 1759 году все суконнопромышленники в России получили важную привилегию: крестьяне, занятые в их предприятиях, освобождались от рекрутского набора, но за каждого рекрута промышленники обязаны были вносить в казну сукон на сто рублей[377].

В результате промышленной политики правительства уже в первые десятилетия XVIII века в России появляется крупное фабрично-заводское производство. По подсчёту Туган-Барановского после Петра I было уже 233 казённых и частных фабрик и заводов. Особенно крупное производство стало развиваться с 60-х годов. Так, в 1762 году насчитывалось 984 фабрик и заводов (не считая горных), а в 1796 году — 3161[378].

Во второй половине XVIII века, особенно в годы царствования Екатерины II, «русская промышленность вступила в но-

---

[374] И. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 9, 1933, стр. 359.

[375] Чулков, том IV, кн. III, стр. 308—309.

[376] Н. И. Костомаров. «Русская история в жизнеописаниях ея главнейших деятелей», кн. III, изд. 5-е, СПБ, 1913, стр. 437.

[377] Там же, стр. 561.

[378] М. Туган-Барановский. «Русская фабрика», том I, изд. 7-е, Москва, 1938, стр. 41.

вый фазис развития. Екатерина отменила старые промышленные монополии, ранее дарованные частным лицам, и очень последовательно провела систему свободной внутренней конкуренции[379]. В 1775 году объявлена была свобода организации промышленных предприятий. Тариф 1766 года покровительственно охранял интересы русской промышленности и устанавливал покровительственную систему в этой области. В связи с этим очень быстро росло число предприятий. Довольно большой подъём происходил и в суконной промышленности. За время с 1762 по 1775 год число суконных фабрик увеличилось с 46 до 73, т. е. возросло на 60%. Но этот рост суконного производства далеко не мог удовлетворить внутреннего рынка, так как большая часть сукна шла на обмундирование армии. Поэтому значительное количество сукна ввозилось из Западной Европы. В Россию поступали английские, голландские, прусские, французские и испанские сукна. Они предназначались не только для внутреннего потребления, но и для вывоза в средне-азиатские государства и Китай.

В то время большинство российских предприятий являлось крепостными мануфактурами. Их примитивная техника не требовала сложных устройств и во многих случаях «фабрика» и «завод» были ни чем иным, как раздаточной конторой, объединяющей группы крепостных ремесленников, выполняющих работу на дому. Только в металлургическом и горном деле, связанном с более значительными техническими приспособлениями, централизованный характер мануфактуры выявлялся в более определённых формах.

В этот период в Западной Европе совершается технический прогресс, повышавший качество продукции, удешевлявший её стоимость. Даже в металлургии России, незадолго до того господствовавшей на мировом рынке, стал ощущаться регресс. Отечественные товары вытеснялись продукцией иностранных заводов. Проклятие крепостнического режима тяготело над русской промышленностью. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» писал: «В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца XIX века, даёт о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта. В старину крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе... Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализ-

[379] П. Милюков. «Очерки по истории русской культуры», часть первая. изд. 5-е, СПБ, 1904, стр. 85.

ида [380]. Эти выводы Ленина могут характеризовать и многие другие отрасли русского производства XVIII века.

В суконном производстве, в начале его возникновения, крепостное право служило основой его временного процветания, но в том же XVIII веке оно стало его оковами. Если в Западной Европе технический прогресс почти в одинаковой мере коснулся и производства сукна, то в России оно оставалось без изменения и в конце века, покоясь на примитивной технике и, в основном, на крепостном труде; отсюда—не повышалось качество его продукции, не удешевлялась его стоимость, а поэтому русское сукно не могло конкурировать с иностранным, даже на внутреннем рынке, не говоря уже о внешнем. Отрицательные последствия крепостной системы труда в суконном производстве отчасти осознавались некоторыми современниками. Например, Чулков замечает, что, если «учреждённые в России по примеру иностранных государств суконные фабрики приведены будут в лучшее состояние, то надеяться можно их сукнам как в Сибири, так и в Китае и в Калмыцкой земле довольного расходу» [381].

Простое русское сермяжное сукно имело огромное значение для сибирских жителей. Оно являлось вторым, после кож, товаром, ввозимым в Сибирь. «А без сукна,—читаем в старинном описании сибирских торгов,—никто пробыть не может, ибо иноземческие народы ныне так охотно на платье оное употребляют, что тогда уже за нарядно убранных себя почитают, когда зипун суконный сверх обыкновенного своего платья носят: да и для китайцев много его расходится» [382]. Но продукция, выпускаемая суконными фабриками России, не могла удовлетворить спрос армии, не говоря уже о возросшем спросе на сукно у гражданского населения и потребности внешней торговли. Поэтому в Сибири была сделана попытка завести своё суконное производство.

В 1731 году великоустюжский купец Яков Бобровский с группой других купцов решили на территории Восточной Сибири построить суконную фабрику [383]. Местом основания фабрики они наметили два района: район Селенгинска и район Иркутска. При этом они учитывали наличие в тех местах бурятских скотоводческих племён, которые могли бы дать предприятию необходимое сырьё—шерсть. Кроме того компанионами было учтено и другое, очень важное обстоятельство,—близость к названным районам русско-китайского рынка, где они думали сбывать продукцию со своей фабрики. Об этом свидетельствует указ Сена-

[380] Ленин. «Развитие капитализма в России», Соч. том III, изд. 3-е, стр. 376—377.
[381] Чулков, том III, кн. I, стр. 116.
[382] «Ежемесячные сочинения...», декабрь, 1755, стр. 526.
[383] Мартос, стр. 218—219.

за от 4-го ноября 1731 года, которым приказывалось: «Якову Бобровскому с товарищами под строение суконной фабрики в Селенгинске или в Иркутске в пристойном месте потребное число земли отвесть; а сделанные на той фабрике сукна и каразеи за китайскую границу отпускать и с какою пошлиною об этом усмотрение учинить Сибирскому приказу» [384].

В том же 1731 году компанионы выбрали место для своей фабрики вблизи Иркутска в шестидесяти верстах от него, по большой Московской дороге, при речке Тельме, впадающей в Ангару. Выбор Тельмы, а не Селенгинска также был сделан неслучайно. Компанионы руководствовались тем, что Иркутск являлся центром Восточной Сибири, расположен он на великом транзитном пути, где этот путь разветвлялся на два направления: одно в Забайкалье, а оттуда к китайской границе, другое — по Лене — в богатый пушниной Якутский край.

В то время Иркутск уже был «главным складочным пунктом для всех товаров, как идущих на восток из-за Урала, так и для направляющихся из Китая на запад» [385].

Около двух лет компанионы строили фабрику и только в ноябре 1733 года она была пущена в ход. Однако, ряд причин, о которых будет сказано ниже, мешали в течение многих лет сбыту её продукции. В 90-х годах XVIII века, в связи с возросшей потребностью в сукнах со стороны Китая, тельминское сукно получило сбыт на русско-китайском рынке.

Таким образом, Тельминская фабрика была первой попыткой организовать суконное производство в Сибири на местном сырье, продукция которого предназначалась не только для внутреннего рынка, но и для вывоза в Китай.

Как было сказано выше, сукна, ввозимые в Россию из Западной Европы, предназначались не только для внутреннего потребления, но и для вывоза в государства Средней Азии и Китай.

По данным Самойлова, в период с 1768 по 1785 год в Китай ежегодно вывозилось иностранного сукна до 100.000 аршин [386]. До 1819 года в сбыте китайцам преобладало прусское сукно, «так что из 900.000 аршин, промененных тогда в Кяхте, 8/9 было сукна прусского» [387].

Вывоз же русского сукна был следующий: сермяжного сукна променивалось ежегодно от 50 до 100 тысяч аршин, орди-

384 Чулков, том IV, стр. 244—245.

385 В. Дербина. «Первая Сибирская Мануфактура». Ленинград, 1932, стр. 10.

386 Самойлов, стр. 13.

387 «Известия Сибирского Отдела Имп. Рус. Геогр. Общества», том I, 4 и 5, март 1871 г., Статья братьев Бутиных: «Исторический очерк сношений русских с Китаем», стр. 80. С 1819 г. вывоз иностранных сукон стал сокращаться за счёт увеличения вывоза русских. В 1849 г. из 1520175 аршин, отпущенных в Китай через Кяхту, уже не было ни одного аршина сукна иностранного.

парного до 8 тысяч. Из прочих шерстяных русских изделий вывозились ковры и половики, которых в этот период шло в Китай от 100 до 400 аршин ежегодно.

Иностранные сукна в Кяхте оценивались значительно выше русских. По сведениям Палласа, аршин иностранного сукна шёл по цене от 2 до 4 рублей, тогда как аршин русского сермяжного оценивался от 40 коп. до 1 руб. 50 коп., а простое солдатское сукно—по 1 рублю за аршин [388].

Остальные предметы сбыта были незначительны. Например, мишуры в редкие годы вывозилось до 1500 мотков; листового железа—1000—1500 листов; железных товаров, как-то: топоров, ножей, серпов, кос, ножниц, замков и проч. от 2 до 3 тыс. штук. Вывозилась и слюда. Чулков указывает, что слюда добывалась в Якутском уезде, в районе устья реки Витима. Здесь её покупали по 2 рубля за пуд. Четвертная слюда стоила 8 рублей пуд [389]. «Слюду,—пишет Паллас,—которую прежде китайцы весьма охотно покупали и ныне ещё также в нарочитой стоит цене, а именно пуд около 27 рублей; напротив того прежде, когда ещё торг с китайцами лишь только заводился, то в Пекине часто за фунт крупной слюды по 8 и по 10 рублей платили» [390].

Достойно замечания, что русскими купцами была сделана попытка вывозить в Китай отечественные шёлковые материи, но она оказалась безуспешной и больше уже не повторялась [391].

Таковы были главные предметы русского вывоза в Китай в период с 1768 по 1785 год.

Что касается следующего периода с 1792 по 1800 год, то из-за отсутствия статистических цифр дать подробные сведения о том, сколько именно променивалось разных товаров, русских и иностранных, не представляется возможным. Известно, что в общей сложности вывоз пушнины оставался прежним. Правда, по отдельным видам пушных товаров сбыт несколько сократился, как, например, вывоз лисиц-огнёвок стал постепенно уменьшаться ещё с 1773 года и в конце 90-х годов совершенно прекратился. Зато вывоз белки, понизившийся до 1.230.000 штук в 80-х годах, повысился после 1792 года до 7 миллионов, следовательно, на 75% больше прежнего среднего количества. Незначительно увеличился вывоз выдр, лисьих и песцовых лап. Начался промен заячьих шкурок: в 1795 году их было променяно 39.740 штук, а в следующем году—21.724 штуки [392].

В отношении мануфактурных, кожевенных и других товаров известно, что вывоз их не превышал 30% от общего вывоза. Заметим, что в это время возрос сбыт иностранного сукна, осо-

[388] Паллас, часть III, половина первая, стр. 193—194.

[389] Чулков, том III, кн. I, стр. 176—177. «Четвертная слюда,—говорит он,—называется та, которая по листу накось длиною будет на четверть аршина».

[390] Паллас, ч. III, половина первая, стр. 194.

[391] Трусевич, стр. 194.

[392] Самойлов, стр. 17.

бенно прусского, и начался привоз английских бумажных плисов.

Одним из самых важных предметов ввоза из Китая в Россию в XVIII веке были мануфактурные товары, преимущественно хлопчатобумажные и шёлковые. Первые составляли самую значительную статью привоза. Так, в период с 1762 по 1765 год в Кяхте ежегодно выменивалось китайки более 300 тюней и дабы от 200 до 380 тыс. концов [393].

Особенно большую роль играла китайка. Она служила единицей оценки в меновой торговле, по ней расценивались все прочие товары. Это было вызвано тем, что правительства обоих торгующих государств «с целью удержать монету внутри государства» [394], запретили своим купцам вести торговлю на деньги. Китайка же была принята за единицу ценности в силу того, что она являлась более распространённым в Сибири и вместе с тем дешёвым китайским товаром [395].

Бумажные ткани стали поступать в Россию и Сибирь позднее шёлковых. В конце XVII века они шли только для народов Сибири. При Петре I ввоз их значительно увеличился и в 1727 году они уже по количеству превышали шёлковые ткани. В начале 30-х годов китайку русские купцы покупали ещё на наличные деньги по 3 рубля за тюнь, а в 1737 году цена её поднялась до 5 рублей [396]. Так как китайка играла весьма важную роль в кяхтинской торговле, то необходимо сообщить некоторые сведения об этом товаре, который в нескольких миллионах аршин расходился по всем главным рынкам России и Сибири.

Обыкновенная китайка, или бумажное полотно, иначе называлась тюневой китайкой. Последнее название произошло потому, что её свёртывали в куски или концы; длина каждого конца была равна 7,5 или 7,75 аршина; десять концов упаковывались вместе, и такой тюк назывался тюней. В Кяхте лучшей китайкой считалась окрашенная тёмной краской: синей или вишнёвой; менее ценной была голубая. В тюнь складывались концы разных цветов и выбирать из них какой-либо один цвет не разрешалось. При обмене русские купцы обязательно распаковывали тюк и осматривали его с разных сторон, чтобы установить, нет ли какой-либо порчи. Во всяком случае, без осмотра покупать было опасно не только потому, что товар мог оказаться порченным, но и во избежание большей неприятности, когда русский купец в тюке вместо китайки мог обнаружить куски дерева. Чулков рассказывает, как однажды «...вместо китайки между оною найдены вырезанные дерева, величиною и видом на китайку, как в тюни кладётся, похожие» [397].

---

[393] Самойлов, стр. 13.

[394] «Географический словарь Российского государства», составленный Семеновым, стр. 895.

[395] Трусевич, стр. 173.

[396] Чулков, том III, кн. 2, стр. 41.

[397] Там же, том III, кн. 2, стр. 41.

Были и другие сорта китайки, например, семилановая, названная так потому, что во время существования караванной торговли русские в Пекине платили за неё китайским серебром по 7 лан за тюнь. Отличалась она от тюневой китайки тем, что ткалась из более тонких ниток[398].

Кроме китайки был и другой вид бумажной ткани под общим китайским названием даба. Под этим названием подразумевались две ткани: цаппар и даба. Различались они по цвету: первая была белого цвета, вторая—синего. Даба в большом количестве употреблялась сибирскими народами. «Китайки, по дешевизне своей, пишет Радищев,—употребляются не токмо в Сибири, но и во всей России людьми среднего состояния, а наипаче женским полом; дабы-же расходятся в Сибири все и в России почти не известны. Весь городской и сельский народ употребляет их на рубахи; те, которые позажиточнее, на воскресные, прочие же—на праздничные»[399]. Возможность приобретения дешёвых и прочных бумажных тканей, особенно дабы, сибиряки получили только после учреждения торговли на Кяхте. Вот почему ввоз их быстро стал возрастать и в первой половине 80-х годов XVIII века, как свидетельствует Радищев, он был равен 2/3 ввоза всех китайских товаров. Но уже в следующее десятилетие наблюдается очень небольшое увеличение ввоза бумажных тканей вообще, в том числе и дабы. Объясняется это, во-первых, возросшим привозом бумажных тканей в Россию из Западной Европы. Только через один Петербург за время с 1785 по 1788 год их было ввезено на 2.164.763 рубля, а за 1790—1792 гг.—на 2.532.471 рубль. Правда, с возобновлением кяхтинской торговли ввоз их из Европы несколько уменьшился, но всё же превышал ввоз 70-х и первой половины 80-х годов[400]. Во-вторых, оказывал влияние рост отечественной хлопчатобумажной промышленности, которая стала развиваться в России только со второй половины XVIII века. В 90-х годах в этой новой отрасли русского производства насчитывалось уже 55 хлопчатобумажных предприятий. И, в-третьих, во время перерыва в кяхтинской торговле 1785—1792 гг. китайские бумажные ткани в Сибири стали заменять тканями, привезёнными из России. Радищев говорит, что китайку заменили сукно, коломенка, выбойка, миткаль, нитяные ткани ярославских фабрик и даже крашенина. Вместо дабы стали употреблять красные и синие пестряди, нитяные и полубумажные. «Но что ещё важнее,—пишет он,—поселяне стали разводить лён в большом количестве, деревенские и городские бабы стали прясть и ткать: ибо, к немалому своему удивлению, я во многих местах Сибири слышал, что многие бабы выучились сему рукоделию назад тому

398 Чулков, том III, кн. 2, стр. 42.
399 Радищев, собр. сочин., том II, стр. 28.
400 Трусевич, стр. 175.

три или четыре года»[401]. Поэтому вполне естественно, что с возобновлением русско-китайского торга часть сибирского населения уже меньше нуждалась в китайских бумажных тканях, так как она заменяла их отчасти ввозимыми материалами из России, больше же собственными холстами. Но сокращение спроса на китайские бумажные ткани началось не сразу, как возобновили торг. Наоборот, в первый год также, как бывало всегда, спрос на них увеличился, а затем пошёл несколько на уменьшение.

По данным Палласа, бумажные китайские ткани в Кяхте в 70-х годах шли по такой расценке: тюнь лучший, лощёный, данский или нанкинской китайки всяких цветов оценивался от 5 руб. 70 коп. до 7 рублей; цветная семиланная и пятиланная — от 4 до 7 рублей тюнь; нелощёная большая китайка — от 12 руб. 50 коп. до 15 рублей тюнь; китайка на клею — от 9 до 15 рублей тюнь; чандор, узкий сорт, большие куски по 15 и 20 аршин — по 1 руб. 50 коп. кусок; куски средней длины — по 14 и 15 аршин — по 1 рублю[402]. Заметим, что в последующие годы кяхтинской торговли, до конца XVIII века, цена китайским товарам почти не изменялась.

Вторым важным предметом, ввозимым из Китая, являлись шёлковые ткани. Они были распространены в XVII и особенно в XVIII веках как в самом Китае, так и в России. В Китае их носили не только богатые и знатные, но и все, «имеющие хоть какой-нибудь чин и доход». «Посему, — читаем в старинном «известии о шёлковых заводах»[403], — можно пристойно назвать Китай прямо шёлковою землёю. Ибо сверх того, что расходится шёлку в продажу другим азиатским и европейским народам, ханы, принцы и их служители, также мандарины, учёные люди, женщины, словом все те, кои в Китайском государстве чин какой-либо имеют, носят одежду шёлковую атласную, или камчатную». Бель также говорит, что в его время в Китае «с некоторого чина люди» носили «все платье из шёлковой материи», а бумажные употреблялись «токмо от низкого народа»[404]. В России шёлковые ткани также употреблялись состоятельными людьми и, главным образом, придворной знатью. Большой спрос на них был и в Сибири, где их носили русские купцы и «всякого рода служилые люди», а также буряты, якуты, тунгусы и др. сибирские народы. Вот почему эти материи составляли один из крупнейших предметов ввоза из Китая, а Китай производил их в огромном количестве. Только один налог давал там ежегодно около 300 тысяч кусков. В шёлковом производстве была занята значительная часть городского и сельского населения.

---

[401] Радищев, собр. сочин., том II, стр. 28.
[402] Паллас, часть III, половина первая, стр. 198—199.
[403] «Ежемесячные сочинения...», май 1757, стр. 392.
[404] Бель, часть II, стр. 177.

Например, в Нанкине в XVIII веке изготовлением шёлковых тканей было занято 200.000 человек.

Шёлковые ткани были едва ли не первым китайским товаром, попавшим в Сибирь и Россию. Ещё в первой половине XVII века, задолго до установления торговли с Китаем, в России встречались в числе привезённых из Персии товаров «камки китайские». В Сибирь же они были доставлены впервые, вероятно, бухарцами или монголами. С начала организации караванной торговли русские казённые караваны и частные купцы привозили из Пекина и Урги большое количество шёлковых тканей, которые составляли около 90% от всех ввозимых китайских товаров. В России распространению этого товара способствовали прямые правительственные указы; например, в 1717 году было приказано «никакого золота и серебра пряденого и волоченого не носить, а носить только китайские из Сибири шёлковые материи» [405]. Подобные указы распространялись, конечно, на людей состоятельных и, прежде всего, на придворных аристократов. Последние имели полную возможность получать не только шёлковые ткани, но и все привозимые китайские товары. По свидетельству Иоганна Фоккеродта, товары, доставляемые казёнными караванами из Пекина, направлялись в Москву, где сосредоточивались в одном из магазинов. С наступлением каждой партии товаров туда являлись придворные, которые выбирали для себя всё лучшее, а остальное оставалось «для народной продажи». Наряду с развитием потребности в шёлковых материях в России стала развиваться и собственная шёлковая мануфактура.

Попытки создать предприятия по выработке шёлковых тканей делались ещё в царствование Фёдора Ивановича. Тогда «для тканья парчей, штофов и бархатов» был приглашён итальянец Чинопли, который в Москве, около новой колокольни Ивана Великого, поставил небольшую шёлкоткацкую мастерскую. В 1625 году с такой же целью приезжал в Россию голландец Каспер Лермит. Но недостаток шёлка-сырца, отсутствие «мастеровых людей и снастей» помешало ему устроить шёлковую мануфактуру. Вероятно, это обстоятельство вызвало в годы царствования Алексея Михайловича создание фантастического проекта по разведению тутовых садов в районе Москвы. В то же время в Москве был создан бархатный двор, который вскоре «оказался слишком мал и пришлось строить новое здание» [406].

Несмотря на то, что эти дворцовые мероприятия были мало удачны, но они всё же, до некоторой степени, подготовили почву для деятельности Петра I по организации более мощной отечественной шёлковой промышленности.

---

405 Соловьев, том XVI, стр. 206.

406 У. М. Кулишер. «Очерк истории русской промышленности», Петроград, 1922, стр. 85—86.

По словам Фоккеродта мысль о создании новых шёлковых мануфактур появилась у Петра во время его путешествия по Франции в 1717 году и он тогда же твёрдо решил «...завести в России фабрики богатых шёлковых тканей, как в Лионе, Брабанте и Турции», по возвращении на родину, «...поручил это трём богатейшим и сильнейшим господам в своём крае: великому адмиралу Апраксину, барону Шафирову и графу Толстому, дал им для этого очень выгодные льготы» [407]. Особенно важной была льгота, предоставлявшая компанионам право в течение пятидесяти лет продавать произведения фабрики беспошлинно. В 1719 году Пётр дал им новую привилегию: учредители компании могли ежегодно без оплаты пошлин вывозить из Китая сырого шёлку на сумму от 15 до 20 тысяч рублей, притом им было обещано, что когда их «производство умножится», «запретить привоз иностранных шёлковых тканей, кроме китайских и персидских» [408]. Но компанионы продали эту льготу частным купцам за 20 тысяч рублей, а «потом изубыточив казну и истратившись сами, совсем бросили дело» [409].

Несмотря на такую неудачу, Пётр всё же выполнил своё намерение; в конце его царствования в России работало семь крупных шёлковых мануфактур, [410] из которых особенно славилась мануфактура, основанная в 1717 году, в Москве, царским истопником Алексеем Милютиным, ставшим в 1740 году дворянином.

При императрице Анне производство шёлковых тканей сосредоточилось отчасти в руках купеческо-промышленной компании, возглавляемой Евреиновым. В 1737 году компания получила важную привилегию,—ежегодно привозить из Китая шёлка-сырца на сумму в 10 тысяч рублей, выменивая его на сибирскую пушнину. В 1740 году группе астраханских купцов было разрешено завести шёлковые мануфактуры в Астрахани и Кизляре. Эти мануфактуры должны были работать на сырье, привозимом без оплаты пошлин из Персии [411].

Во времена Елизаветы был проведён ряд мероприятий, направленных на дальнейшее развитие шёлковой промышленности, из которых можно отметить следующие: при воцарении Елизаветы двое дворян Ников и Водилов, ездившие ещё по распоряжению Петра I в Италию и Францию для изучения шелководства, на одной из московских шёлковых мануфактур завели «бархатные, грезетные, штофные и тафтяные станы» и научили

[407] «Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта», Перевод А. Н. Шемякина «Чтения в обществе истории и древностей российских», Москва, 1874, кн. 2, стр. 75.

[408] Семенов, часть первая, стр. 110.

[409] В. Ключевский. «Курс русской истории», часть IV, Москва, 1910, стр. 154.

[410] Лященко, стр. 252.

[411] Костомаров, стр. 437.

русских мастеров изготовлять травчатого дела бархат, английские штофы, гризеты и тафты, которые до них в России не делались[412]. В 1711 году мануфактур-коллегия опубликовала указ, чтобы все желающие открывали в России фабрики по изготовлению шёлковых тканей. Затем, французу Гамбета позволено дозволено завести недалеко от Киева шёлкомотальную мануфактуру. В 1760 году купцу Шемякину было разрешено вывозить из Китая шёлк-сырец. При этом ему позволялось за китайскую границу и в другие места между прочими отпускать решетиловскую и протчую мерлушку, а другим за прописанными в том указе резоны отпуск запретить»[413].

С открытием караванной торговли с Китаем русские имели возможность покупать в самом Пекине лучшие китайские шёлковые ткани, но с перенесением торга на Кяхту обстоятельства изменились. С 30-х годов они вынуждены были за ту же или даже за более высокую цену получать то, что привозили им китайцы, которые, по свидетельству ряда современников, стали привозить товар худшего качества. Особенно это наблюдалось во второй половине XVIII века. «Все шёлковые товары из Китая,— пишет Паллас,—привозят гораздо худшей доброты, нежели прежде приваживали, атлас и голи по большой части тонки и лосклы, что почти не стоят, чтоб их вывозить в Россию; меж последними довольно попадает подложных, в коих крапивные нитки подмешаны»[414]. Сбыт китайцами на кяхтинском рынке шёлковых товаров плохого качества привёл к тому, что, с одной стороны, хорошие шёлковые материи стали привозить в Россию из Европы не только европейского производства, но и китайского, так что при Елизавете правительство, во избежание убытков казённым караванам, издало указ, запрещающий ввоз шёлковых китайских тканей из Европы; с другой стороны,—в России стало быстро развиваться своё шёлковое производство и в 1762 году уже насчитывалось 150 шёлковых мануфактур.

Вследствие всего этого ввоз китайских шёлковых тканей через Кяхту стал постепенно уменьшаться. В 1751 году он составлял 23,5% от ввоза всех китайских товаров, а в 1761 году— 20,5%. В годы царствования Екатерины II, благодаря роскоши двора, ввоз их увеличился, но по отношению к общему количеству всех ввозимых из Китая товаров он ещё более уменьшился и составлял только 12,4%[415]. По данным Самойлова, в период с 1768 по 1785 год в Кяхте ежегодно выменивалось шёлкового крепа и разных других материй от 600 до 4000 кусков, голей— от 18 до 20 тысяч концов, вощанок фанзовых—до 1700 кусков[416].

---

412 Соловьев, том XXII, стр. 36—37.

413 Государственный архив Иркутской области. Фонд Иркутской земской избы, дело 2, лист 75.

414 Паллас, часть III, половина первая, стр. 195.

415 Трусевич, стр. 171.

416 Самойлов, стр. 17.

В числе шёлковых тканей выменивались особенно охотно разного рода камки, под разными названиями. Самыми лучшими считались голи. Камки, которые были похуже, назывались полуголями. Из атласов лучшими считались шаньтуани. Были и другие шёлковые материи, как гарнитур, фанзе, флёр трёх сортов и т. д. Привозился также и бархат, но он был плохого качества. Иногда китайские купцы доставляли в Кяхту хороший европейский свой бархат. Чулков говорит, что «...удивляются, как китайцы оной продают дешёвою ценою, а именно по рублю по семидесяти копеек и до двух рублей аршин»[417]. В тот же период бархата выменивалось ежегодно до 10 тыс. аршин.

В Кяхте китайские шёлковые ткани шли по следующей оценке: голи большие, по 15 и 16 аршин в куске, оценивались от 12 до 16 рублей, малые—по 10 и 12 аршин,—от 10 до 11 рублей. Канфа гладкая и цветная, «самая большая и самая широкая кусок в 20 аршин от 25 до 40 рублей, посредственного сорта из худшего шёлку и в куске 16 аршин от 15 до 25 рублей. Гарнитур с рисунками и без рисунков—от 10 до 20 рублей кусок. Бархат, в зависимости от качества, от 9 до 25 рублей кусок в девять аршин. Тонкая фанза лучшего сорта в больших кусках по 20 и 22 аршина—от 10 до 12 рублей, кусок в 16 аршин второго сорта—от 6 до 8 рублей, кусок меньшей длины—от 3 до 4 рублей»[418].

Камки, как указывает Радищев, расходилось много в Сибири, но много и вывозилось в Россию. Фанзы почти все расходились в Сибири, где жители шили из них праздничные костюмы[419].

Во время последнего перерыва в торговле (1785—1792) в Сибири китайские шёлковые ткани частично были заменены российскими и иностранными, главным образом, французскими тканями.

Почти семилетний перерыв в кяхтинской торговле благоприятно сказался на шёлковой промышленности России. За это время значительно увеличилось число шёлковых мануфактур. С восстановлением торговли рост их не уменьшался, чему немало содействовали правительственные указы, которые ограждали отечественные ткани от конкуренции со стороны иностранных. В 1793 году вышел указ, запрещающий ввоз шёлковых материй на юге и западе России, «дабы избегнуть непомерной платы за искусство чуждое». Эти правительственные меры не распространялись на кяхтинскую торговлю, поэтому китайцы по-прежнему привозили шёлковые ткани в Кяхту, правда,—не в прежнем количестве, так как спрос на них в России несколько сократился в связи с ростом собственной шёлковой промышленности

[417] Чулков, том III, кн. 2, стр. 46.

[418] Паллас, часть III, половина первая, стр. 197—198.

[419] Радищев. Полн. собр. сочинений, том II, стр. 13.

Действительно, эта отрасль промышленности в сравнении с другими отраслями имела больший успех. За 34 года, с 1762 по 1796 год, число шёлковых мануфактур повысилось со 130 до [illegible], т. е. на 126%, тогда как суконные мануфактуры за это же время выросли только со 100 до 151, или на 51%.

Кроме тканей в число прочих шёлковых изделий, привозимых китайцами в Кяхту, входили ленты, халаты, занавески, одеяла, кисти на шляпы и др. предметы.

Весьма значительный предмет ввоза составлял шёлк. Он, как и шёлковые ткани, являлся также старинным товаром, вывозимым из Китая. Впервые его доставил в Россию караван, отправленный в Пекин в 1702 году. При Петре I, с организацией шёлковых мануфактур, ввоз шёлка-сырца увеличился: его стали ввозить на десятки тысяч рублей. Затем с ним произошло то же, что и с шёлковыми тканями: в 30-х годах привоз шёлка стал уменьшаться, благодаря возросшему ввозу из Европы. В годы царствования Екатерины II он опять несколько поднялся. По данным Самойлова, с 1760 по 1785 год шёлка-сырца выменивалось в Кяхте ежегодно от 250 до 400 пудов, сучёного также от 200 до 400 пудов; кроме того выменивали шёлк в мотках, ежегодно от 800 до 3000 мотков[420].

Большая часть китайского шёлка шла в Россию, где многие фабриканты, особенно московские, употребляли его наряду с персидским. Например, китайский шёлк-сырец составлял часть сырья для крупных шёлковых мануфактур, принадлежавших компании Евреинова и купцу-фабриканту Ш[illegible]. В 1734 году Милютин получил для своего предприятия 170 пудов китайского шёлка по той же цене, по которой продавался персидский шёлк-сырец[421].

Частично работала на китайском шёлке и кустарная промышленность. Так, например, в сёлах Московского уезда из него изготовлялись ткани, ленты, платки и другие предметы. Кустарное производство Сибири пользовалось исключительно китайским шёлком. В Томске, Тюмени, Тобольске и других местах из него делали кушаки, ленты, ковры, шали и пр. В торговых ведомостях Иркутска за 1784 и 1785 годы в числе китайских товаров, продаваемых на рынке, значится шёлк разных цветов, который покупался кустарями и крестьянами для изготовления мелких носильных вещей[422].

Во время последнего перерыва в торговле Россия, в том числе и Сибирь, получали шёлк из Европы. Так, с 1785 по 1788 год только через Петербург его ввозили ежегодно на 168.252 рубля, а

[420] Самойлов, стр. 173.

[421] И. И. Коган. «Московские шёлковые фабрики первой половины XVIII века», «Старая Москва», Сборник первый, Москва, 1929, стр. 137.

[422] Государственный архив Иркутской обл., фонд Иркутской Земской избы, дело 32, лист 142—143 и дело 37, лист 180—182.

[423] Трусевич, стр. 173.

с 1790 по 1792 год—уже на 985.695 рублей[423]. С возобновлением кяхтинской торговли поступление шёлка из Европы несколько уменьшилось, так как Сибирь снова стала удовлетворять свои потребности китайским шёлком, зато Европейская Россия довольствовалась почти полностью европейским, что сильно сократило ввоз всех видов китайского шёлка.

Другим важным предметом, ввозимым из Китая, был чай, но он в XVIII веке не имел того значения, которое приобрёл в XIX, став главным товаром всей кяхтинской торговли.

В России узнали о чае раньше, чем он там появился. Как только начались сношения с Сибирью и русские стали бывать близ китайской границы, они не могли не знать о чае. Собственно в Московском государстве по-настоящему познакомились с чаем только в 1638 году. Это знакомство началось, прежде всего, благодаря дипломатическим сношениям. В этом году посольство, отправленное из Москвы к алтынским ханам на оз. Упса, угощалось там чаем. Затем, при отъезде посольства, оно получило подарки в обмен за подарки московского царя. В числе подаренных предметов было около 4 пудов чаю. Этот дар доставили в Москву, где он был испробован и найден по своим вкусовым данным очень приятным напитком.

Посланный в Китай в 1654 году русский посол Фёдор Байков в своём статейном списке даёт подробный и интересный рассказ о том, как китайцы подносили ему чай «варен с маслом и молоком коровьим» и говорили Байкову, «...что-де прислан тот чай от царя». Он же «...чаю не пил, а отговаривался от них: ныне-де по нашей христианской вере пост; и они ему почали говорить: когда-де ты прислан от своего великого государя к нашему царю и ты-де, пожалуй, хотя прими. И... Байков принял чашку с чаем, а приняв чашку, отдал назад; и они против того те царёвы люди Фёдору Исаковичу ничего не молвили»[illegible].

Не только Байков, но и другие русские люди, побывавшие в Китае, по возвращении на родину рассказывали о широком употреблении там чая. Это, безусловно, способствовало распространению нового напитка в России.

Употреблялся он в то время исключительно среди высших слоёв. В Москве, в конце XVII века, чай стали продавать вместе с другими товарами. Большая часть этого чая доставлялась туда не из Китая, а через Архангельск голландцами и португальцами. По свидетельству Кильбургера, в 1674 году на московский рынок было привезено много чая, продававшегося по 30 коп. за фунт[425]. В России чай пили с сахаром и «приписыва-

---

424 «Сказанья русского народа», собранные Сахаровым, С.-Петербург 1849, том II, кн. 8, стр. 130.

425 «Соперничество торговых интересов на Востоке», Доклад члена совета Общества Востоковедения М. П. Федорова, С.-Петербург, 1903, стр. 85.

ли ему целительную силу против желудочного растройства, также считали прекрасным опохмелительным средством»[426].

Значительно раньше с чаем были знакомы монголы, калмыки, буряты и другие народы Сибири, живущие вблизи от китайских границ. К тому времени, когда была учреждена русская караванная торговля с Китаем, чай у этих народов был уже в широком употреблении. Потребление чая у русских в Сибири начинает увеличиваться с 1706 года, когда частные купцы перестали ездить в Пекин и установили торговлю в Урге, где они, без сомнения, стали привыкать к чаю.

Непосредственное общение русских с китайцами в Кяхте, как было уже упомянуто, способствовало развитию вкуса на чай не только в Сибири, но и в России. Именно с установления торговли в Кяхте ввоз чая начинает возрастать с каждым годом. Но подробные данные об его ввозе также, как о других китайских товарах, становятся известными только с 60-х годов XVIII века[427]. В период с 1762 по 1785 год из Кяхты ежегодно вывозилось чая байхового до 8.000 пудов, жулану—4.000, зелёного чая—до 400 пудов, кирпичного—до 17.000 пудов и других сортов—до 100 пудов, а всего немного менее 30.000 пудов. По подсчётам Самойлова, это составляло примерно 15% от общего ввоза всех китайских товаров. В 90-х годах ввоз чая стал особенно быстро возрастать, что видно из таблицы 5[428].

Таблица 5

Годы:	Название чаёв			Всего
	Байховый	Жулан	Кирпичный	
1798 . . .	14398 пуд.	6704 пуд.	25875 „	46977 пуд.
1799 . . .	19816 „	8402 „	24095 „	52313 „
1800 . .	30017 „	8383 „	31450 „	69850 „
Всего за 3 года .	64231 пуд.	23489 пуд.	81420 пуд.	169140 пуд.

Если принять во внимание указание Радищева на то, что кирпичный чай не вывозился в Россию, а потреблялся весь в Сибири и преимущественно в Иркутской губернии и был больше

[426] Н. И. Костомаров. «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях», СПБ, 1862, стр. 240.

[427] В «Восточном Обозрении» за 1885 г. в № 12, в статье «Чем отразится пошлина на чаи для Сибири», указано, что в 1750 г. в Россию поступило 100.000 пудов чая, но сколько из него было ввезено через Кяхту неизвестно. У Семёнова в части III, на стр. 200 сказано, что в 1751 г. из Китая привезено чая на 46.375 рублей.

[428] Самойлов, стр. 13 и 17.

употребляем бурятами и русскими, живущими за Байкалом,[429] то на основании приведённых выше данных следует считать, что половина всего ввозимого китайского чая оставалась в Сибири. К этому нужно учесть и то, что сибиряки, кроме кирпичного, потребляли и другие виды чая. В торговых ведомостях Иркутска, о которых было упомянуто выше, в числе китайских товаров, продаваемых на иркутском рынке, значатся: жулан насыпной и жулан бортогон, байховый насыпной и зелёный простой чай в бахчах [430].

В XVIII веке чай в Кяхте выменивался у китайцев, главным образом, цыбиками и большими ящиками. Вес каждого цыбика был от одного фунта до полутора пудов. Высшие сорта чая доставлялись в Кяхту в хорошей упаковке. Они предварительно обвёртывались тонким свинцом, затем листьями бамбука и бумагой, а потом уже укладывались в камышёвые цыбики. Так упаковывались жулан (лучший сорт зелёного чая) и душистый чай, называемый монихо, который представлял смесь зелёного чая и цветков жасмина. Кирпичный чай, состоящий из плотно сбитых плиток, называемых кирпичами, упаковывался в ящики. В каждый ящик обычно укладывалось по двадцати одному кирпичу. Вес кирпича был около трёх фунтов.

Китайские купцы, торговавшие чаем, всегда усиленно рекламировали его. На стенах лавок вывешивались объявления, в цыбики и ящики укладывались фактуры, в которых каждая торговая компания расхваливала свои чаи, преувеличивая их качества. Мартос в «Письмах о Восточной Сибири» приводит текст такого объявления, взятого в лавке маймаченского купца и переведённого на русский язык. В нём купец писал, что только его компания торгует высокосортным чаем, привезённым из «известных и знаменитых мест» Китая, где «самый воздух имеет особенную животворную силу к улучшению чая, который от прочих как ароматическою силой, приятностию, густотою цвета, так нежностию и приятностью вкуса, отличествует» [431]. Такое рекламирование чая объясняется тем, что в самом Китае чай стоил очень дёшево и торговля им в Кяхте давала китайскому купечеству большую прибыль. «Весьма удивительно, — пишет Бель,—видя малость цены, в какую продаётся чай в Китае, что так он дорог в Европе» [432].

Заметим, что в XIX веке, когда чай стал главным товаром кяхтинской торговли, китайцы предпочитали иметь фактуры на русском языке. Вероятно, это предпочтение имело начало от русских купцов, так как внутри России русская фактура всегда предпочиталась китайской. Составлением фактур для китайских

[429] Радищев. Полн. собр. сочинений, том II, стр. 13
[430] Государственный архив Ирк. обл., Фонд Иркутской земской избы, дело 32, лист 142—143 и дело 37, лист 180—182.
[431] Мартос, стр. 271.
[432] Бель, часть вторая, стр. 176—177.

купцов занимались в Кяхте сами русские купцы или их приказчики и нередко сочиняли им всякую ерунду. Стахеев рассказывает, что в середине XIX века в одной из фактур значилось, что этот чай отправлен «из фузы Лозан-Ососка». «Ососком, как известно, в Сибири,—пишет Стахеев,—называют поросят, и, таким образом, главный пайщик китайской фузы Лозан величает себя в своей фактуре поросёнком» [433].

Как уже было сказано, ввоз чая стал возрастать с учреждением торговли в Кяхте. С этого же времени начинается ввоз китайского сахара, употребление которого было тесно связано с употреблением чая и вызывалось изменением вкуса у русских и, прежде всего, у сибиряков. Если в Сибири раньше чай пили с маслом и молоком, то с 40-х годов XVIII века его начинают пить с сахаром. Из Китая шёл сахар двух видов: мелкий сахар и сахар кусками; последний назывался леденцом. Количество ввозимого сахара было невелико и он весь расходился в Сибири. С 1762 по 1785 год ежегодно вывозилось сахара-леденца от 1.500 до 2.000 пудов, что составляло не более 1% от всего ввоза китайских товаров. Сахар-леденец в Кяхте шёл по цене 10—15 коп. фунт.

Ввозилась из Китая в Россию и посуда. До установления кяхтинской торговли казённые караваны привозили её в ограниченном количестве. Это была, главным образом, дорогая серебряная и фарфоровая посуда. В России её употребляли исключительно в богатых домах, как предмет роскоши. В первые два десятилетия торговли в Кяхте ввоз посуды, преимущественно дешёвой, стал увеличиваться. «Российские купцы,—читаем в старинном описании о сибирских торгах,—довольное число оной на границе покупают, и на товары меняют, что в сибирских и российских городах распродавать должны. Ибо известно, что весьма мало оной приходит в Санкт-Петербург и в другие поморские города» [434]. В конце пятидесятых годов ввоз китайской посуды несколько пошёл на снижение вследствие её плохого качества, «устарелости форм и рисунков». Во времена Екатерины II, вероятно, потому, что китайцы научились приноравливаться в рисунках на посуде к европейским требованиям, ввоз её снова поднялся. На фарфоре «...ясно видно,—пишет Паллас,—что китайцы в крепости оного, формах и рисунках начали подражать европейцам, чему, конечно, модели им привезены были, как видно на чайных чашках и других сосудах. Равным образом видеть случается и на другой фарфоровой посуде и на стенных малеваниях по европейски убранные фигуры, украшения, представление римских богов и настоящее описание известных штучек; я помню, что видел одного китайца, срисовавшего с фран-

[433] Д. И. Стахеев, «От Китая до Москвы» (очерк). СПБ, 1870, стр. 14.

[434] «Ежемесячные сочинения»... май, 1756, стр. 401.

цузской штучки пигмалиона и птичку в клетке»[435]. В Кяхте фарфоровые изделия шли по следующей оценке: чашки тонкой работы—по 4 рубля дюжина, погрубее с крышками или без крышек пара—от 30 до 60 коп., тарелки и маленькие миски от 5 коп. до 1 рубля, чайный прибор без чашек—от 5 до 12 руб. и т. д. Кроме фарфоровой и фаянсовой посуды выменивалась ещё глиняная, деревянная, медная и железная посуда[436]. Всего ежегодно выменивалось посуды, примерно, на 5.000 или на 5.500 рублей. Большая часть её, особенно дешёвого сорта, расходилась в Сибири. В России же потребность в посуде, главным образом, в фарфорово-фаянсовой, удовлетворялась преимущественно за счёт её ввоза из Западной Европы, так как отечественное производство не могло удовлетворить спроса. В конце царствования Екатерины II в России насчитывалось только 20 фарфоро-фаянсовых и 8 хрустальных мануфактур[437].

Китайский табак, называемый «шаром», стал вывозиться с самого начала русско-китайского торга. В Россию его шло немного, большая часть оставалась в Сибири и расходилась среди местных жителей. Нужно заметить, что курение табака началось в Сибири, пожалуй, раньше чем в России. Летописец царя Алексея указывает, что в его время табак разводился в районе Тобольска. В XVIII веке его стали разводить и в других местах, но он был очень плох и шёл в употребление только в «табачный голод». Любимым табаком у сибиряков был китайский «шар». Торговля этим товаром приносила купцам большие прибыли. Например, камчадалы за несколько щепоток табаку отдавали хорошую лисицу. Однако, правительство боялось широко развивать табачную торговлю в Сибири, так как «ясачные люди», пристрастившись к курению, могли бы променять много пушнины на китайский «шар» и при выполнении ясачного платежа отговаривались бы тем, «что соболей и всякой мягкой рухляди в промыслу нет и зверя не стало»[438]. Поэтому купцы должны были отдавать «шар» сибирской администрации, от которой они получали деньги или товары по установленным ценам.

Стеснительной мерой в торговле табаком для сибиряков явилась отдача его на откуп знатным дворянским фамилиям и купцам. Как упоминалось выше, с 1749 года московскому купцу Матвееву с компанией был отдан на откуп табачный сбор в Сибири[439]. Эта монополия способствовала развитию в Забайкалье контрабандной торговли китайским «шаром».

---

435 Паллас, часть III, полов. первая, стр. 195—196.
436 Там же, стр. 200.
437 Бурнашев, стр. 26.
438 «Памятники Сибирской истории XVIII века», книга первая, Петербург, 1882, стр. 89.
439 Полное собрание законов, том XII, № 9, 543.

Екатерина II в 1762 году отменила везде табачный откуп и объявила свободную продажу табака с взиманием известной пошлины. Наряду с этим были приняты меры к развитию табаководства на Украине и в других местах Российского государства. В те же годы правительство стало выписывать семена табака и раздавать их бесплатно вместе с наставлением о посеве и содержании новой культуры. Но собственное табачное производство не могло удовлетворить потребностей населения, поэтому ещё большое количество табака ввозилось из-за границы; в 1778—1780 г.г. привезено было в Россию 11.000 пудов, на сумму 93.000 рублей [440]. Усиленный привоз китайского «шара» начался в царствование Екатерины II, когда его ввозили от 1.000 до 2.000 пудов ежегодно. Основными потребителями «шара», попрежнему, оставались жители Сибири, получившие возможность свободно покупать этот товар на своих рынках [441].

Важным товаром для казны, ввозимым через Кяхту, был ревень. С 1731 года торговля ревенем на русско-китайской границе составляла государственную монополию. История этой торговли довольно интересна. В XVII веке основными поставщиками ревеня были бухарцы. Они привозили его в Тобольск, Томск, Тару и Тюмень. Главным складочным местом являлся Тобольск, куда наряду с бухарцами, ревень доставляли и русские купцы, ездившие за ним в Бухару. Как бухарские, так и русские купцы могли продавать этот товар только казне, по строго установленным ценам [442]. Получая ревень путём торга, правительство принимало меры к отысканию его на территории Сибири. В 1652 году это растение было найдено в районе реки Барневы, впадающей в Исеть. В 1696 году приказано искать ревень около Нерчинска. Почти тогда же нашли его близ Красноярска. Но сибирский ревень по своим качествам оказался негодным к употреблению, и только один красноярский, в случае острой нужды, собирался в казну по распоряжению Медицинской Коллегии.

Отыскивая ревень, правительство одновременно делало попытки развести его в Сибири путём посева. Первый раз ревень был посеян в районе реки Барневы в том же году, когда его нашли там в дикорастущем виде. Но посев оказался неудачным. Подобные попытки повторялись в XVIII веке, однако и они не дали положительных результатов. Это заставило правительство в 1778 году запретить покупку ревенных семян у бухарцев и китайцев [443].

Почти в течение всего XVIII века ревенная торговля находилась в руках государства. В 1704 году приказано было поку-

---

[440] Семенов, часть III, стр. 261.

[441] Государственный архив Иркутской области, фонд Иркутской земской избы, дело 37, лист 131. (Ведомость о товарах, продаваемых в Иркутске за 1785 год).

[442] Костомаров, стр. 241.

[443] Трусевич, стр. 107—108.

пать в сибирских городах ревеня для казны, не менее чем 300 пудов в год и свозить его в Москву. Частным лицам строго запрещалось торговать им [444]. В 1727 году торг ревенем получил полную свободу, но ненадолго. С 1731 года он снова перешёл, «для казённой прибыли», в руки государства.

В 1735 году вышел указ, грозивший лишением имущества за ввоз и продажу ревенного корня, а через несколько дней последовал другой, определяющий ещё более строгое наказание,— смертную казнь. Строгость этих указов объясняется тем, что после 1731 года, когда торговля этим товаром была объявлена царской монополией, частная торговля им «спряталась в безыменные проходы и без огласки подрывала надежды» казны на получение больших доходов. Действительно, торговля ревенем давала огромные выгоды. Пуд ревеня в Петербурге стоил 37 рублей, за границей его продавали от 162 до 289 руб. за пуд. Тысяча пудов давала, следовательно, 168—282 тысячи рублей прибыли [445]. Поэтому правительство было заинтересовано в бесперебойном его ввозе. В указе Селенгинской воеводской канцелярии от 20-го ноября 1756 года, посланном в Селенгинскую земскую избу, читаем: «для отсылки в Кяхтинский форпост... к купчине Греченинову для отдачи за покупной у бухаретина Мурата корень ревень без всяких оговорок, понеже без заплаты за оной ревень к нему бухаретину Мурату означенного ревеня ко оному купчине Греченинову он Мурат не отдаёт, а ежели паче чаяния толикого числа денежной казны и с питейных доходов в Селенгинском рестрите не сыщется, то прислать тебе сколько ныне в наличестве имеется без всяких оговорок, чтоб в приёме оного кореня ревеня ни мало остановки не учинить» [446].

Главными поставщиками ревеня в Кяхту были бухарцы. Паллас говорит, что они вели ревенную торговлю «почти с самого начала китайского торгу». Большинство бухарских купцов постоянно проживало в Маймачене, где у них находились собственные дома и мечеть. Некоторые бухарцы приезжали туда каждый год, чтобы выменивать товары специально для пекинского двора. Китайским купцам строго запрещалось, «при великом штрафе», мешать бухарскому торгу. Продавали ревень и китайцы, но «под запрещением». «И так оное случается,—пишет Паллас,—или тайно, или через подарки командирам или смешав с некорыстным» [447].

Ревень доставляли в Маймачен на верблюдах, в пятипудовых шерстяных мешках. Его приём и оплата «мягкой рухлядью» производилась в Кяхте особой конторой, учреждённой Коммерц-

---

[444] Семенов, часть первая, стр. 62.

[445] Словцов, часть I, стр. 266.

[446] Государственный архив Иркутской области, фонд Селенгинской городовой ратуши, дело 9, лист 66.

[447] Паллас, часть III, половина первая, стр. 210.

Коллегией, при которой служил специальный аптекарь или браковщик. Из Маймачена ревень свозили в кяхтинский ревенный дом, где рабочие под руководством браковщика и в присутствии бухарских купцов разрезали его на куски и проверяли качество. Низкосортный и отбросы тут же сжигались. Паллас говорит, что сжигаемый ревень мог бы «ещё служить с пользой по крайней мере в госпиталях на настои и другие ревенные приготовления» [448].

Ревень выменивался в Кяхте на мягкую рухлядь и юфтевые кожи. Последние частично привозились из Европейской России, значительная доля их доставлялась в казну крестьянами и бурятами Забайкалья, купцами и мещанами городов Селенгинска, Верхнеудинска и даже Иркутска. Так, в августе 1776 года Иркутский Губернский магистрат издал указ «о вызове» желающих поставлять в кяхтинскую ревенную комиссию юфтевых кож, образцы которых должны были представляться для осмотра в Иркутскую Губернскую канцелярию [449]. Принимала казна также и невыделанные кожи, которые шли на упаковку ревеня при отправке его в Россию.

Весь ревень, покупаемый в Кяхте, отправлялся ежегодно в Москву в Медицинскую контору, лишь небольшая часть его оставлялась в Иркутской полевой аптеке, откуда он распределялся по всей Сибири [450].

Перевозка ревеня от Кяхты до Тобольска отдавалась с торгов купцам и мещанам городов Троицкосавска, Селенгинска, Верхнеудинска и Иркутска [451]. Часто его возили тобольские и российские купцы, приезжавшие торговать в Кяхту. Последние, обычно, доставляли ревень в Москву, оттуда он расходился по всей России и шёл за границу.

В 1782 году вышел указ, которым была «дозволена свободная торговля ревенем и ревенным семенем, как внутри, так и вне границ России» [452]. Этот указ дал купцам, связанным с Кяхтой, не только возможность свободно выменивать ревень, но и принимать участие в обслуживании государственной ревенной торговли. Например, в 1785 году крупный кяхтинский купец Пахолков был назначен в ревенную комиссию комиссарским товарищем [453].

Что касается оборотов государственной торговли ревенем в Кяхте, то они были крайне неравномерны: в 30-х годах XVIII

---

[448] Паллас, часть III, половина первая, стр. 211.

[449] Государственный архив Иркутской области, фонд Иркутской земской избы, дело 33, лист 673.

[450] Семивский, стр. 156.

[451] Государственный архив Иркутской области, фонд Иркутской земской избы, дело 5, лист 131.

[452] Трусевич, стр. 117.

[453] Государственный архив Иркутской области, фонд Иркутского городового магистрата, дело 34, лист 69.

века они составляли от 500 до 1.700 пудов в год, в остальные годы (до 1778 г.) не превышали 680 пудов [454].

Таким образом, почти до конца XVIII века торговля таким прибыльным товаром, как ревенный корень, находилась в руках казны, которая не только скупала его, но и назначала цену для продажи внутри государства.

Кроме названных товаров у китайцев выменивалось ещё множество мелких предметов, как-то: камышёвые решётки, трубки, бисер, фонари, трости, шкатулки из перламутра и слоновой кости, зажигательные стёкла, кисеты и другие вещи. Временами русские получали от китайцев и серебро. В 178[illegible] году его было привезено 16 пудов 29 фунтов [455].

Таковы были основные предметы русско-китайской торговли через Кяхту в XVIII веке.

---

454 Трусевич, стр. 118.
455 Самойлов, стр. 13.

Глава VI

СИБИРЬ И КЯХТИНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Кяхтинская торговля, занимавшая видное место в русской торговле вообще, особенно важную роль играла для Сибири, являлась фактором, способствовавшим развитию её хозяйственной жизни. Много пушнины и большая часть кож шли из Сибири в Китай. Такие товары китайского ввоза, как китайки, дабы, шёлковые ткани и чай в значительной мере расходились среди сибиряков. Сахар, табак, дешёвая посуда и всякая другая мелочь почти целиком оставалась в Сибири. Кяхтинский торг привлекал довольно большое количество придорожного населения к обслуживанию этой торговли перевозками товаров. Он способствовал развитию некоторых отраслей сибирской промышленности, расширению торговых связей с народами Средней Азии и, наконец, обогащению сибирских купцов, «увеличивая их оборотные средства для торговли внутри края».

В конце XVII века купечество Сибири в глазах русского правительства не пользовалось авторитетом: в указе от 27 октября 1699 года сибирские купцы назывались «людьми скудными». «И в некоторых городах,—говорится в указе,—торговые люди есть и тем в сборе денежной казны и ясачной и ни в каких сборах верить некому для того, что они люди скудные» [456].

Но уже во второй половине XVIII века, благодаря развитию кяхтинской торговли и выгодной внутренней обстановке в Сибири, многие из этих «скудных людей» настолько обогатились, что стали «именитыми гражданами», властвовавшими во многих городах Сибири. Наиболее ярким примером в этом отношении является Иркутск, где изобилие дорогой пушнины и соседство с Китаем вызвали развитие меновой торговли с китайцами и усиление торговавших с ними иркутских купцов, с другой стороны, выгодность торговли определялась разбросанностью населения на обширной территории. Жители нуждались

---

[456] П. Головачев. «Сибирь в Екатерининской комиссии», Москва, 1889, стр. 29.

в снабжении необходимыми жизненными припасами и разными товарами, как-то: оловом, свинцом, железом, сошниками, посудой, чаем, табаком, солью, сукном, тканями и проч. Это позволяло купцам по дорогой цене сбывать свои товары местному населению и дёшево скупать продукцию его хозяйства, что обогащало купечество и обусловливало его господствующее положение. «Торговые и промышленные выгоды Сибири,— пишет Щапов,—постоянно привлекали из России в сибирские города новых торгово-промышленных людей. В один Иркутск в течение XVIII столетия переселилось несколько купцов, преимущественно из поморских городов—Устюга, Тотьмы, Каргополя, Вологды и других и основали здесь богатые купеческие дома»[457]. Из крупного купечества в Иркутске сложилась олигархия, которая процветала и властвовала над общественным управлением. Особенную славу и могущество приобрёл коммерции советник Н. Мыльников, занимавшийся сбытом пушнины в Кяхту и вывозивший оттуда в большом количестве китайские товары. Такое же положение существовало во всех крупных сибирских городах.

Указом 31 июля 1762 года правительство уничтожило казённую монополию в кяхтинской торговле и разрешило купцам свободно торговать с китайцами всеми видами мягкой рухляди[458]. С этого времени для многих сибирских купцов наступил «золотой век». Они устремились в деревни, сёла и улусы, лежащие не только близ городов, но и на далёких северных окраинах. Во всех этих местах купечество скупало пушнину, мерлушку, продукты скотоводства и земледелия, одновременно продавая промышленные товары, привезённые из Европейской России и Китая. Народам сибирского севера купцы сбывали не только промышленные товары, но и закупленный в земледельческих районах хлеб и получали взамен ценные виды пушнины. Часть её везли в Кяхту вместе с мерлушкой и кожевенными изделиями, где выгодно променивали на китайские товары. Уже в 60-х годах и внешняя и внутренняя торговля стала монополией крупных купцов, и этим был открыт широкий простор для торгово-ростовщической эксплоатации трудящихся Сибири. «Пользуясь острой нуждой крестьян в деньгах для уплаты податей и покупки предметов первой необходимости, купцы давали в долг под высокие проценты деньги и товары. Если долг не уплачивался в срок, проценты ещё больше повышались. В результате крестьяне оказывались в кабале у купцов, были вынуждены отрабатывать долг или за бесценок продавать купцам пушнину, хлеб, скот и проч.»[459]. Например, ленское и киренское крестьянство

---

[457] А. П. Щапов. «Сибирское общество до Сперанского», Соч. Щапова, том III, СПБ, 1908.

[458] Полное собрание законов, том XVI, № 11, 630

[459] Ф. А. Кудрявцев, стр. 101.

постоянно жаловалось на самодурство купцов. Особенно на киренских крестьян купцы насчитывали огромные долги. «Задолжавшись раз,—пишет Щапов,—жители постепенно делались неоплатными должниками. Купцы немилосердно взыскивали с них эти долги, разъезжали по деревням на крестьянских подводах без платежа прогонов, нахально, бессовестно обманывали крестьян в своих обязательствах поставлять им съестные припасы» [460].

Купечество ревностно охраняло свои монополии; так, иркутские купцы в 1766 году решительно отказались открыть в Иркутске ярмарку, на которую иногородние купцы могли бы привозить свои товары и продавать их врозницу [461]. Депутат в Екатерининскую комиссию от гор. Томска Фомин представил комиссии наказ от томского купечества, где было сказано, что «крестьянам и прочим, кому запрещено указами, не следует торговать никакими товарами, кроме как определёнными крестьянскими изделиями, и тем, что от их деревенской экономии и рукоделия происходит» [462]. Енисейский депутат Самойлов требовал людей, скупающих в городах и уездах товары, а затем торгующих ими в лавках, записывать в купечество или запрещать им торговать «под опасением конфискации товаров». Особенно сибирское купечество охраняло свои монополии и «юридические права» на торговлю с нерусским населением: якутами, эвенками, бурятами и другими, от которых купцы получали «мягкую рухлядь», столь важный и ценный товар для кяхтинской торговли [463].

Некоторые богатые купцы были фактически повелителями тех мест, где они вели свою торговлю. Например, в конце XVIII века купец Салтыков в Туруханском крае был полным властелином. Он требовал себе от жителей «божеских почестей», собственноручно расправлялся с непокорными, заставлял работать на себя, а в то время, когда там вспыхнуло какое-то эпидемическое заболевание, ездил по улусам и творил открытый грабёж, забирая имущество умерших и больных [464].

В поисках новых пушных районов сибирское купечество проникло на Камчатку и Алеутские острова. Эти отдалённые места особенно стали привлекать купцов тогда, когда появился в Кяхте большой спрос на морских бобров. Туда отправлялись купеческие экспедиции не только из городов Восточной Сибири, но даже из Тобольска. «Должно также упомянуть,—читаем

---

460 А. П. Щапов, том III, стр. 654.

461 Государств. архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы Дело № 6. Ярмарка по настоянию губернатора была всё же открыта в 1766 году.

462 П. Головачев, стр. 31.

463 Там же, стр. 33.

464 Сборник статей по Сибири, Статья С. Ш. «Сибирь на юбилее», стр. 88.

в старинном географическом словаре,— и о другом некотором роде торга, в коем зажиточнейшие тобольские купцы великое участие имеют. Сей род торга в посылках на лежащие в Камчатском море острова, на которые отправляются ради промысла дорогих зверей и оттуда привозят бобровые и морских котиков мехи, чернобурых и других лисиц и волков... Сии отправления подвержены великим опасностям и потере времени, а корабли возвращаются иногда через 6 лет; когда же только странствование несколько удачно, то оное приносит великую прибыль, так что со ста рублей приходится 5-ти, 6-ти сот и семисот рублей барыша»[465].

Как уже было сказано выше, купцы разных городов часто сталкивались друг с другом в районах торговли; например, «купцам иркутским не всегда удавалось скупать белку и соболей у бурят даже тункинских и кудинских. Приезжие купцы вмешивались и перебивали закупку у иркутских везде, в стойбищах аларских, идинских, балаганских, верхоленских»[466].

Кяхтинский рынок на всём протяжении второй половины XVIII века поглощал большое количество мехов. В связи с этим поднялась их добыча во всех пушных районах Сибири, особенно в восточных. Следовательно, кяхтинская торговля способствовала развитию пушного промысла среди большинства сибирских народов, особенно у якутов, эвенков и бурят.

Кяхта с самого начала своего возникновения привлекала к себе купечество почти всех больших городов Сибири. С него были связаны купцы Иркутска, Енисейска, Томска, Тобольска и других городов. Правда, доля участия в этой торговле каждого города была неодинакова, она зависела не только от близости города к Кяхте, но, главным образом, от наличия в нём тех товаров, на которые был спрос со стороны китайцев, и от состояния торговли вообще.

Видное место в торговле с Китаем принадлежало Иркутску.

«Нерчинский договор 1689 года,—пишет С. В. Бахрушин,— открыл новые и широкие возможности в области русско-китайской торговли. Пограничные города Иркутск и особенно Нерчинск стали наполняться китайской мануфактурой, причём посредниками в завязавшейся торговле явились местные служилые люди»[467]. В 1697 году в Иркутске приказчики московского купца Никитина закупали китайские материи и жемчуга, которые предназначались для вывоза в Европейскую Россию. В Иркутской таможенной книге имеется интересная запись о том, что в 1702 году из Иркутска «отпущен» на запад до Тобольска нарымский служилый человек Роман Соснин, «а с ним от-

[465] Словарь географический Российского государства, собр. Щекатовым, Москва, 1808, ч. 6, стр. 258.

[466] Словцов, кн. 2, стр. 75.

[467] Проф. С. В. Бахрушин. «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае», стр. 389.

пущено иркутской покупки китайского товару 22 постава камок большой руки, 8 поставов камок малой руки, один байберек, 7 тюней китайки средней руки, а по иркутской таможенной оценке на 194 р. с полтиною, а тот товар купил он, Роман, в Иркуцку на торгу у всяких чинов людей, ...да с ним же отпущено покупки записной 11 тюней китайки складной средней руки, а по иркуцкой таможенной оценке на 44 р...» [468]. Эта запись свидетельствует о том, что в то время в Иркутске происходила довольно значительная торговля китайскими товарами.

В начале XVIII века иркутские купцы ездили в Ургу и Наун и привозили оттуда китайские товары. Бель, посетивший Иркутск в 1720 году, писал, что там «производится знатная торговля мягкою рухлядью и разными китайскими товарами» [469].

С развитием китайской торговли китайские предметы стали для иркутского рынка вторым товаром после пушнины. По свидетельству Гмелина, в 30-х годах этот товар шёл не только на удовлетворение местных потребностей, но скупался купцами, приезжающими в Иркутск «из разных городов России» [470]. Даже после крыловской «ревизии», которая разорила значительную часть иркутского купечества и подорвала торговлю города, в Иркутске в течение всего года можно было найти в достаточном количестве товары, привезённые из Европейской России и Китая. «А товары прихода российского,—читаем в деле Иркутской земской избы за 1761 год,—також продукты: воск, мёд, холст, сукна сермяжные, шубы овчинные казацкие, медь и прочих разных родов пушные товары, а именно: белка разных родов, лисицы, соболя, бобры, выдры, россомахи, рыси, горностаи, ушканы, песцы и недопески и проч. ...також немецкие разные шёлковые и полотняные, також и прочие всякие московские товары, а особливо происходят торги продажею и менокою и разными китайскими товарами, которые приходят в Иркутск с китайской границы, с Кяхтинского форпосту и для клажи товаров и производства оными торгов в Иркутске гостинный двор имеется только один, да в мелочном ряду лавки» [471].

Из пушных товаров, продаваемых в Иркутске, главное место принадлежало белке. Здесь можно было найти ленскую чернохвостку, якутскую серую, ангарскую, илимскую, бирюльскую, тункинскую, нерчинскую, чикойскую, селенгинскую и баргузинскую белку. Цены на неё были самые различные—от 60 до 150 рублей за тысячу. Славился иркутский рынок также обилием лисиц разных родов, среди которых особенно ценились камчатские белодушки и охотские сиводушки. Вслед за лисицами шла

---

[468] «Таможенные книги Иркутска за 1702 г.», «Первое столетие Иркутска», (сборник материалов), стр. 80—81.
[469] Бель, часть I, стр. 231.
[470] Gmelins. Zweiter. Teil. S. 166.
[471] Цит. по сборнику «Труды Иркутской Учёной Архивной Комиссии». Иркутск, 1913, стр. 16.

камчатские и якутские соболи, затем песцы, камчатские бобры, горностаи, рыси и выдры, реже встречались бобры, добываемые в Обском бассейне [472].

Ко второй половине XVIII века в торговом движении Иркутска уже ясно обнаружились три следующих направления:

1) Из Европейской России шли преимущественно русские и иностранные промышленные товары, в которых нуждался не только Иркутск, но вообще вся Сибирь.

2) «На Русь» вывозились китайские товары (китайка, камки, разные шёлковые и бумажные ткани, шёлк-сырец, байховый чай). Первоначально они шли через Нерчинск, но вскоре после открытия торговли на Кяхте сам Иркутск сделался важным пунктом по отправке этих товаров в Европейскую Россию.

3) Иркутский рынок на протяжении всего XVIII века имел достаточное количество ценных видов пушнины, доставляемой туда, главным образом, из Туруханска и Якутска. Одна часть пушнины посылалась «на Русь», другая—в Китай. Северные районы за свои меха получали от Иркутска хлеб, продукты обрабатывающей промышленности и китайские товары. Рожков указывает, что Иркутск для севера в течение долгого времени играл «такую же роль торгового центра, какую играла для крайнего севера Европейской России в XVI веке Москва» [473].

Российские купцы, ездившие в Кяхту, часто останавливались в Иркутске и здесь продавали свои товары. В Иркутске бывали московские, вологодские, соликамские, тульские, курские и суздальские купцы. Приезжали купцы из многих сибирских городов... [474] В свою очередь, иркутяне с торговыми целями ездили в Томск, Красноярск, Енисейск, Тобольск и в другие города Сибири, а некоторые—в Нижний-Новгород, Казань и даже в Москву.

Из товаров, привозимых в Иркутск российскими купцами и купцами других сибирских городов, иркутские купцы, связанные с Кяхтой, приобретали, главным образом, сукна и более ценные виды иностранной и сибирской пушнины. Затем все эти товары вместе с пушниной, закупленной в своей губернии и в других местах Сибири, и кожами своей выделки вывозили в Кяхту для промена китайцам. Из Кяхты в большом количестве привозили разнообразные китайские товары. В Иркутске можно было найти такие китайские товары, как китайки разных сортов, дабы, бархат, шёлк-сырец, сученый шёлк, чай байховый и кирпичный, бадьян, румяна, белила, фарфоровую и глиняную

---

[472] Госуд. архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, Дело 32, лист 142—143.

[473] Н. Рожков. «К истории народного хозяйства Сибири», Известия ВСОРГО, том 44, Иркутск, 1915.

[474] Географический словарь Российского государства, составл. Щекатовым, часть 2, стр. 802.

посуду, сахар-леденец и песочный, разные сорта фруктов, орехи, конфеты, табак «шар», тушь и ряд других товаров [475].

Незначительная часть этих товаров расходилась в Иркутске среди горожан и вывозилась купцами, торгующими в розницу, в ближайшие сёла и деревни. Большая часть отправлялась в другие сибирские города, как например, в Томск, Красноярск, Енисейск, Тобольск и даже Ирбит. Везде, кроме Ирбита и Енисейска, китайские товары променивались на пушнину, а в последних—преимущественно на промышленные русские и иностранные товары, привозимые туда российскими купцами. Заметим, что на Енисейскую и Ирбитскую ярмарки иркутские купцы вывозили, главным образом, китайские товары и пушнину.

В самом Иркутске и его окрестностях потребность на китайские изделия была чуть ли не всеобщей. Словцов говорит, что здесь «семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы и дабы». У многих купцов мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими. Интересно, что даже некоторые обычаи купцы заимствовали у китайцев. Путешествовавший по Сибири в семидесятых годах XVIII века академик Георги рассказывает, что ему приходилось наблюдать в отдельных купеческих семьях Иркутска, Енисейска и даже Тобольска один из моментов застольного этикета, перенятого у китайцев, когда не только пили чай, но и подавали десерт на множестве китайских тарелок из китайских фруктов и конфет.

Во внутренней обстановке жилищ богатых иркутян чувствовался «китайский вкус», выражавшийся в изобилии китайских украшений: картин, ваз, статуэток. Георги замечает, что в Иркутске почти у каждого дома был огород, в котором обычно сеялись китайские цветы [476]. До 1777 года иркутяне не употребляли чернила, а писали тушью, привозимой из Китая [477].

Как видно из иркутских сведений, представленных в Екатерининскую комиссию по составлению нового уложения, Иркутск к 1767 году был довольно крупным по тому времени торговым городом. В нём насчитывалось купцов «по статьям и с малолетками»: по первой статье—206 человек; по второй—527; по третьей—825; приписанных—155, а всего 1713 человек. Цеховых было 726. Домов числилось 1153 [478]. Большое значение в экономической жизни города имела кяхтинская торговля, которая способствовала росту местного купечества и быстрому его обогащению. «По всякой справедливости,—читаем в старинных известиях о сибирских торгах,—городу Иркутску в купечестве

[475] Госуд. архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, Дело 37, лист 180—182.

[476] Georgi. «Bemerkungen einer Reise in russischen Reich im Jahre 1772». S. 32.

[477] «Иркутская летопись», составл. Пежемским и Кротовым, стр. 86.

[478] Госуд. архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, Дело 41, лист 126.

между всеми сибирскими городами можно отдать первенство. Ибо хотя оной не столь велик, как Тобольск, однакож пожиточных мещан и купцов в нём более, что особливо от учреждённого с китайцами прибыточного торгу происходит, которым купцы в короткое время богатятся»[479].

В XVIII веке торговая деятельность Иркутска развивалась бы ещё шире, если бы ей не мешал ряд «произшедших отягощений и разорений». Самым большим бедствием, как считали иркутяне, был крыловский погром, принёсший местному купечеству убыток не менее чем в 300.000 рублей и разоривший много «первостатейных» купеческих фамилий. К числу «отягощений» иркутские купцы относили частые перерывы в торговле на русско-китайской границе и «произведения иногородним купечеством при той границе торгов родящимися в Иркутской губернии пушными всякими и другими товарами», а также взимание больших пошлин на Кяхте «с привозных сибирских мягкой рухляди и российских, а притом и с вымененных китайских товаров»[480].

Иркутское купечество через своего депутата купца Сибирякова в Екатерининскую комиссию представило наказ, в котором содержались пункты, непосредственно относящиеся к торговле в Кяхте. Прежде всего купцы выражали желание восстановить прерванный в то время пограничный торг с Китаем, затем уменьшить пошлинный сбор «на кяхтинской границе с привозных пышных (пушных) и российских, а напротив того и с вымененных китайских товаров» и, наконец, предоставить только им исключительное право променивать в Кяхте китайцам «родящиеся в Иркутской губернии пушные и другие товары»[481].

Эти требования вызывались тем, что значительная часть иркутского купечества была тесно связана с кяхтинской торговлей. Некоторые купцы Иркутска вкладывали в неё значительные капиталы. Так, во второй четверти XVIII века крупную торговлю вёл в Кяхте «первостатейный» купец Бичевин, ставший первой жертвой крыловских зверств. Его приказчики промышляли на Курильские и даже Алеутские острова и привозили оттуда драгоценную пушнину. Существовавший тогда правительственный закон не позволял её вывозить в Китай, поэтому Бичевин продавал этот товар российским купцам, а на вырученные деньги покупал, главным образом, сукна, которые отправлял в Кяхту для промена на китайские товары. Во второй половине XVIII века в большом количестве сбывал мягкую рухлядь китайцам через кяхтинский рынок иркутский купец и [illegible]

[479] «Известие о торгах сибирских», Ежемесячные сочинения... сентябрь 1755 г., стр. 231.

[480] Госуд. архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, Дело 11, лист 137.

[481] Государственный архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, Дело 11, лист 140—141.

ник Фёдор Ворошилов, занимавший в 1768 году должность ратмана Иркутского губернского магистрата[482]. Несколько позже такие же операции проводили купцы Мыльников, Мичурин и Сухов. В 1793 году капитал двух последних, вложенный в пушные товары, предназначенные для продажи на Кяхте, доходил до 90.000 рублей.

Кяхтинская торговля обогащала не только иркутских купцов, но она способствовала сколачиванию капиталов местной губернской администрации. «Воеводы и губернаторы в XVIII столетии,—пишет Ядринцев,—отличались железным управлением. Телесные наказания, кнуты, темницы и пытки, «огонь и железо» были орудиями этого управления. Произвольные конфискации имущества, заточения и казни личностей, которых имущество хотел приобрести воевода, были в полном ходу»[483]. От такого «железного управления» страдали все слои сибирского населения, не исключая и купечества. Конечно, купцы притеснялись меньше, чем посадские или крестьяне, но и они нередко подвергались настоящим грабежам и насилиям. Сибирские сатрапы, пользуясь отдалённостью центральной власти и тем, что эта власть мало обращала внимания на их злоупотребления, почти открыто принимали взятки и подарки. Взяточничество и различные «приношения» особенно широко были распространены в Иркутске, где представители местной власти таким путём скапливали большие состояния. Иркутский летописец сообщает, что один из таких сатрапов, наместник Якобий, «любил жить роскошно и открыто, особенно в Иркутске; содержал при себе сорок человек музыкантов»[484]. Созданию «несказанной роскоши» в доме Якобия способствовало то обстоятельство, как поясняет Анненкова, что тогда «начинали устанавливаться торговые сношения с Китаем». Она пишет: «Можно себе представить, какие богатые и редкие подарки несли торговые люди такому сильному человеку, как наместнику сибирскому, и каким поклонением окружали балованную дочку. Якобий вывез из Сибири и редкие китайские материи, и дорогие меха и, наконец, значительную сумму денег»[485].

Следовательно, торговые сношения с Китаем являлись для иркутских правителей не только одним из важных ведомственных дел, но до некоторой степени были средством их обогащения. Поэтому они всегда радовались каждому успеху кяхтинского торга. Летописец Иркутска, рассказывая о важнейших событиях, происшедших в городе за 1780 год, упоминает о том, что «иркутский губернатор объявил купечеству, что китайский император разрешил торг на Кяхте, о чём было от него особое

[482] Государственный архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, Дело 9, лист 45.

[483] Н. М. Ядринцев. «Сибирь как колония», СПБ, 1892, стр. 473.

[484] «Иркутская летопись» (составленная Пежемским и Кротовым), стр. 119.

[485] «Воспоминания Полины Анненковой», Изд. 2-ое, Москва, 1932, стр. 87.

предложение Иркутскому магистрату, и вскоре после получения известия из Кяхты, что там в мае месяце открылся и самый торг. По этому случаю в 27 чис. с. м. губернатор в летнем своем доме дал великолепный бал» [486].

Иркутское купечество, будучи сильно заинтересовано в торговле с Китаем, выступало против того, что в Кяхту приезжали купцы из разных городов Европейской России и там вели торг сибирскими товарами, особенно теми, которые «родилися» в Иркутской губернии. При этом иркутяне опирались на то, что великороссийские купцы имели «поблизости в таможенных (т. е. своих) портовых и пограничных местах немало способных торгов привозными из Сибирской губернии и других великороссийских мест таковыми пушными разными и прочими товарами», а они же, иркутские купцы, для участия во внешней торговле располагали только одной Кяхтой [487]. Однако, желание иркутского купечества стать монополистами по промену китайцам сибирских товаров и, главным образом, пушнины не было удовлетворено центральным правительством. И до конца XVIII века немало великороссийских купцов, направляясь к русско-китайской границе, в пути по Сибири скупали пушнину, которую затем променивали в Кяхте на китайские изделия.

Если иркутские купцы не получили монопольного права на вывоз пушнины в Китай, то они сумели создать для себя исключительное положение по торговле китайскими и пушными товарами на довольно обширном рынке в Иркутске. Гмелин, посетивший Иркутск в 1735 году, указывает, что он там встречал купцов из других мест, которые продавали китайские товары [488]. Во второй половине XVIII века приезжим в Иркутск купцам разрешалось торговать только российскими и промышленными изделиями, а также некоторыми более ценными иностранными мехами, но отнюдь не сибирскими пушными и китайскими товарами [489]. Но некоторые приезжие купцы продавали китайские вещи иркутским мелочным купцам и мещанам «на немалую сумму». Правда, эта продажа производилась тайно, не на гостином дворе, а в частных квартирах. Крупное купечество Иркутска протестовало против такой торговли, требуя, чтобы виновных хозяев квартир подвергали штрафу, а у продавцов конфисковали товары [490].

Всё сказанное выше позволяет сделать вывод, что кяхтинская торговля для Иркутска, как торгового города, имела огромное значение. Она позволяла иркутским купцам променивать

---

486 «Иркутская летопись» (составленная Пежемским и Кротовым), стр. 111.

487 Государственный архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, Дело 11, лист 141.

488 Gmelins. Zweiter Teil. S. 166.

489 Государственный архив Иркутской обл., Фонд Иркутской земской избы, Дело 32, лист 127.

490 Там же, дело 25, лист 131—132.

пушнину и другие товары, которые в свою очередь продавались на деньги или выменивались в других сибирских городах, а также в самой Иркутской губернии, на пушнину и промышленные изделия, что приносило иркутскому купечеству большие доходы.

Кяхтинская торговля имела также немалое значение для населения Верхнеудинского уезда, административным центром которого был город Верхнеудинск. По сравнению с Иркутском Верхнеудинск являлся только небольшим торговым пунктом, где в конце XVIII века насчитывалось лишь 110 дворов. С 1780 года здесь были установлены две ярмарки, происходившие зимой и летом. На ярмарки приезжало население уезда, главным образом бурятское и особенно хоринцы, которые принимали самое деятельное участие в торговле [491]. Верхнеудинские ярмарки имели большое значение, они «в течение многих лет являлись регулятором цен не только для всего Забайкалья, но и для иркутского района» [492].

О торговом значении Верхнеудинска свидетельствует и тот факт, что этот город в 1790 году получил особый герб, на котором был изображён меркуриев жезл и рог изобилия. Такое изображение означало, что «в сем городе производится знатный торг и условия о торге».

«Торговля и промысел жителей,—читаем о Верхнеудинске в словаре Щекатова,—состоит из разных привозных из Иркутска и других городов приказчиками российских и немецких товаров, на которые выменивают у здешних инородцев пушные товары, рогатый скот, лошадей и проч. и отвозят через Троицкую крепость в Кяхту для промена китайцам» [493].

Бурятское население, занимавшееся скотоводством, охотой и земледелием, разбросанное на больших пространствах, нуждалось в изделиях промышленности. Поэтому оно охотно покупало «у русских железо и разные металлические изделия, а также разного рода мануфактуру, у китайцев—кирпичный чай, китайские материи, табак и предметы ламского культа» [494].

Часть бурятского населения принимала непосредственное участие в кяхтинской торговле. Это были, главным образом, зажиточные буряты. Они приезжали в Кяхту и там променивали свои товары на китайские изделия. Обычно бурятскими товарами являлись юфтевые кожи, мерлушка и меха, добываемые своим промыслом. Однако известны случаи, когда отдельные бу-

[491] В. П. Гирченко. «К истории бурят-монголов-хоринцев первой половины XIX века», Верхнеудинск, 1928, стр. 7.

[492] Вл. Гирченко. «Прибайкалье» (Краткий исторический очерк), Верхнеудинск, б/года, стр. 6.

[493] «Географический словарь Российского государства», составл. Щекатовым, часть 1, стр. 125.

[494] В. П. Гирченко. «Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX в.в. о бурят-монголах». Улан-Удэ, 1939, стр. 40.

ряты привозили на границу для промена китайцам промышленные товары и пушнину, доставленную с Камчатки или Алеутских островов. Так, в 1791 году у трёх казаков Цонгольского рода и трёх лам в числе товаров, предназначенных для отправки в Китай, было 11 морских котиков и «бумаги писчей белой 8 дестей»[495]. Это до некоторой степени свидетельствует об усилении связи некоторых бурятских хозяйств с внешним рынком и о росте элементов их товарности во второй половине XVIII века.

Большинство бурят покупало китайские товары на городских рынках или у своих богачей и русских купцов, ездивших по улусам. В качестве примера такой продажи китайских товаров среди бурятского населения в Забайкалье может служить кяхтинский купец Василий Колмаков, вывозивший с русско-китайской границы без оплаты пошлиной разные китайские предметы, которые затем продавал на деньги или выменивал на кожи, мерлушку или пушнину среди хоринских бурят[496].

Некоторые буряты, преимущественно ламы, имевшие торговые связи с Монголией и Китаем, занимались «тайным отпуском» товаров за границу. Около 1790 года был привлечён к судебной ответственности ашехабацкого роду «ясашной лама» Заман Гонбоев за то, что с помощью двух казаков «оказался в переезде в противность трактата за границу... для продажи мунгалам возимой всеми ими шестидесяти белок и одной сенокосной косы»[497].

Об употреблении бурятами китайских товаров дают сведения путешественники XVIII века. По их свидетельству, среди предметов домашнего обихода бурятских нойонов можно было найти фарфоровую посуду китайской работы, китайку, шёлковые ткани, бархат, чай и пр. Как указывает Георги, у многих нойонов Забайкалья ещё с конца XVII и начала XVIII веков сохранилось «на несколько сот тысяч китайской монеты или клеймёного их серебра, которое они приобрели тогда ещё, когда не было им запрещено продавать китайцам скот свой».

Описывая бурятскую одежду, Георги говорит, что богатые буряты шьют кафтаны «иногда из цветных сукон или шёлковых материй, опушивая оные дорогими мехами». «Знатные», по его словам, надевали шапки —самые плоские китайские, с большой кистью и кругом опушкою из меха». На существование таких же шапочек у западных бурят указывает Бель, побывавший в Восточной Сибири на пятьдесят лет раньше Георги.

Китайские шёлковые ткани употреблялись, главным образом, бурятскими женщинами. Из них они шили праздничные платья.

---

[495] Ц. А. Д. А. Фонд Иркутского губернского суда, № 60/382, В. 6. 05, л. 5 (копия).

[496] Государственный архив Иркутской обл., Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 128, лист 51.

[497] Ц.А.Д.А. Фонд Иркутского губернского суда, № 83, 06, 138, л. 11 (копия).

пояса и широкие кушаки, носимые через плечо. Кафтаны, платья и головные уборы отделивались бисером и украшались шёлковыми кистями, привезёнными из Китая.

Особенно широко среди бурятского населения был распространён кирпичный чай и табак «шар». Чай буряты варили в воде, прибавляя молока, масла, немного соли, иногда муки. «Почему,—пишет Георги,—многие во все лета большею частью одним чаем, без всякой другой пищи довольствуются». Это, конечно, относилось к мало обеспеченным скотоводам. Паллас говорит, что ему в Забайкалье приходилось встречать бурят, которые собирали со дна озёр белую горьковатую соль «под именем хужир» и варили её с чаем, «чтоб придать ему довольную густоту». Бель, побывавший у селенгинских бурят, пил у них чай, сваренный с солью, пшеничной мукой, сметаной и маслом, который, как говорит он, «вдруг напоил и накормил» их. Белю этот напиток понравился, и он подробно описал способ его приготовления. Сделано это было им с той целью, «чтобы подать мысль какой-нибудь европейской женщине привести сие приготовление в совершенство»[498].

Перерывы в кяхтинской торговле сильно сказались на забайкальском населении. «Жители забайкальские, буряты и русские,—пишет Радищев,—которые издерживают весь почти кирпичный чай, из Китая привезённый... привыкнув к употреблению оного от самого детства, при всяком пресечении торга на Кяхте приходят в великую расстройку, и многие семейства, от чая обнищав, пошли по миру»[499].

Заметим, что во время таких перерывов многие жители Сибири, привыкшие к чаепитию, заменяли чай дикорастущими травами—«иванчаем» и баданом[500].

Кяхтинская торговля способствовала сбыту продукции, получаемой в бурятских хозяйствах от скотоводства и охоты. Русские купцы скупали у бурят мерлушку, кожи и пушнину, которые затем вывозили в Кяхту для промена китайцам. Кожи шли не только в продажу, но употреблялись в качестве упаковочного материала. Ими обшивали тюки с ревенем и ящики с чаем, приготовляя этот товар для дальнейшего пути.

Часть бурятского населения, проживавшего поблизости от Кяхты, была вовлечена в обслуживание кяхтинского торга. Буряты служили на торговых складах, ревенном дворе, исправляли трактовые дороги, несли подводную гоньбу, участвовали в перевозке грузов, были в работниках у кяхтинских и селенгинских купцов. Например, у кяхтинского купца Колмакова, о котором упоминалось выше, служил в работниках Заган Быскнев[501].

---

[498] Бель, часть 1, стр. 248.

[499] Радищев. Полное собрание сочинений, том II, стр. 27.

[500] «О чае в Сибири», «Восточное Обозрение» за 1886 год, стр. 12.

[501] Государственный архив Иркутской области, Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 128, лист 51.

Отмечая значение кяхтинской торговли для населения Прибайкалья, нельзя однако его преувеличивать. Для Прибайкалья торг с Китаем через Кяхту носил, главным образом, транзитный характер. Внутренняя и внешняя торговля способствовали усилению связи прибайкальского хозяйства с рынком и росту его товарности. Но основы натурального хозяйства в XVIII веке ещё не были подорваны.

Следующим примером в отношении связи с кяхтинской торговлей может служить северный город Енисейск, который в XVIII веке являлся местом значительного сосредоточения китайских товаров.

«Енисейск,—говорит Словцов,—несмотря на лесистые и отчасти кустарные болота, которыми окружён со всех сторон, всегда был столь важен в истории сибирской, сколько в росписи рек Енисей, омывающий древние башни первоначального острога»[502]. Вследствие своего благоприятного географического положения, этот город был естественным посредником между Восточной Сибирью с одной стороны, Западной Сибирью и Россией—с другой. С Байкалом он имел сообщение посредством Ангары, с Леной через Ангару, Илим и Куту, с западной стороны Енисейск связывался с Обью тремя водными путями, прерывающимися только небольшими волоками.

Во второй половине XVIII века торговая деятельность Енисейска была довольно значительной. По переписи 1764 года в нём насчитывалось около 4000 жителей мужского пола, в том числе купцов—до 160, посадских—до [illegible] и ремесленников—свыше 400 чел. «Обывательских домов» было более 1000. Огромную роль в его жизни играли две ярмарки: в Туруханске и в самом Енисейске. Первая проводилась в июне, а вторая—в августе. На Туруханскую ярмарку приезжали якуты, кетты (остяки) и эвенки (тунгусы), которые привозили с собой пушнину и дёшево продавали её енисейским купцам. На енисейскую ярмарку съезжались купцы Восточной и Западной Сибири, а также российские купцы. «В Енисейске соединялись в то время товары, привезённые из России, произведения Китая и пушные товары Сибири»[503].

Китайские товары с енисейской ярмарки расходились во многие места Сибири и шли в Россию. Местные купцы выменивали их у иркутских и других купцов, а затем на Туруханской ярмарке сбывали народам сибирского севера. В Туруханск нередко приезжали тобольские и иркутские купцы. Главным товаром, вывозимым из тех мест, были белые песцы, которые «по привозе в Енисейск отправлялись в обе стороны, как в Россию, так и на Кяхту». Некоторые енисейские купцы с ценными ви-

[502] Словцов, кн. 2, стр. 70.

[503] Гагемейстер. «Статистическое обозрение Сибири», часть 2, СПБ, 1854, стр. 167.

дами мягкой рухляди сами выезжали на русско-китайскую границу.

Китайские товары проникали в город Якутск и даже в отдалённые зимовья и остроги Якутского уезда и Камчатки. «Якутск,—сказано в известии о сибирских торгах,—достоин большего примечания; ибо кроме того, что прибогатой город во всей Сибири в лучшей мягкой рухляди, а именно в хороших соболях, то и привозят туда всякие российские и китайские товары для довольствия не токмо сего города, но также и пространного Якутского уезда и земли Камчатки»[504]. Российские и китайские товары попадали в Якутск через приезжих и местных купцов. Якутские купцы, ездившие с торговыми целями в Кякту, вывозили туда, главным образом, пушнину и олении кожи. В отдалённые зимовья и остроги Якутского уезда привозные товары, в том числе и китайские, обычно доставлялись якутскими купцами и казаками. Однако известны случаи, когда даже великороссийские купцы «ездили из Якутска для купечества не токмо в ближайшие остроги и зимовья, но и в самое дальнее место, что в северовосточной стране Сибири находится, а именно в Анадырской острог, и с великою прибылью назад оттуда возвращались»[505].

Что касается Камчатки, то туда китайские товары стали поступать уже в первой половине XVIII века. На Камчатку вывозили бумажные и шёлковые ткани, табак «шар», шёлк, китайские корольки и иглы, «которые российским предпочитались», и ряд других товаров. «Ежели же взять в рассуждение мену камчатских товаров на китайские,—пишет Крашенинников,—то за всеми проторьми, которым по дальности расстояния, по трудности проездов, по дороговизне найму подвод и своего содержания, весьма знатным быть должно, без ошибки можно получить по четыре тысячи на тысячу»[506].

О прибылях, получаемых на Камчатке от продажи китайских товаров, можно судить по таблице 6, относящейся к 1735 году:

Таблица 6

Название китайских товаров	Покупная цена		Продажная цена	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Китайки конец	—	40—50	2	—
Голи косяк	10	—	20—25	—
Полуголи	5	—	10—12	—
Семиланные камки	3	—	5—6	—
Шёлку гинь	3—4	—	10—12	—
Фанзы конец	3—4	—	8	—

[504] «Известие о торгах сибирских», «Ежемесячные сочинения», сентябрь 1755 г., стр. 242.

[505] Там же, стр. 244.

[506] Крашенинников, том II, стр. 261.

Русские купцы выменивали на китайские товары у камчадалов пушнину, а именно: морских бобров, соболей, лисиц и в «малом числе» выдр. Значительная часть этого товара вывозилась в Кяхту для промена китайцам на их изделия.

Особенно широко развилась торговая деятельность сибирских купцов на Камчатке в середине 60-х годов XVIII века, чему немало способствовало правительственное разрешение свободного промена пушнины на кяхтинском рынке. Большую известность приобрели в этот период кяхтинский купец Волков и селенгинский Толстых, которые отправляли много российского, сибирского и китайского товара в Нижне-Камчатский острог и приводили взамен его «всякого рода морских и земных зверей»[507].

Необходимо отметить, что почти на всём протяжении рассматриваемого периода Камчатка, благодаря своим богатствам, являлась для крупного сибирского купечества прекрасным местом выгодного промена русских и китайских товаров на ценные виды пушнины. В 1790 году капитан Сарычев, характеризуя сохранившиеся богатства Камчатки, писал, что «произведения, которые с нашей стороны могут быть отправляемы для торга в Китай и Японию, одни здешние (речь идёт о Камчатке) без тех, кои находятся внутри России, весьма достаточны, как-то: морские бобры и коты, выдры, лисицы и проч. и сверх того моржовые зубы. Важнейший же торг может быть китовым жиром и усами, если только учредить нарочные промыслы китов, которых здесь чрезвычайное множество»[508].

Морские экспедиции, организованные иркутскими купцами в XVIII веке на Курильские и Алеутские острова, дали для Сибири рынки сбыта многих товаров, в том числе и китайских. Такие иркутские купцы, как Трапезников, Югов, Бичевин, Мыльников и другие принимали участие в «морской промышленности» и были связаны с Кяхтой. Эта связь способствовала развитию кяхтинского торга, так как в Кяхту поступали пушные товары, высоко ценимые китайцами, а «новые земли», открытые купцами, служили местом для выгодной продажи китайских изделий. Большая заслуга в этом отношении принадлежала основателю Российско-Американской компании Григорию Шелехову.

Григорий Иванович Шелехов, российский Колумб, как называл его Державин, родился в гор. Рыльске в 1748 году «и в самых цветущих летах жизни начал торговлю в Сибири». В начале 80-х годов Шелехов договорился с курским купцом Голиковым составить особую компанию сроком на 10 лет. Капитал компании был определён в 70.000 рублей. На эти деньги пред-

---

507 Государственный архив Иркутской области. Фонд Иркутской земской избы, Дело 9, лист 565.

508 К-в. «Камчатка» (взгляд на её прошедшее и значение в будущем)». «Иркутские Губернские Ведомости», № 41 за 1858 год, стр. 7.

полагалось построить два или три судна, которые должны были отправиться «на алясскинскую землю, называемую американскою, на знаемые и незнаемые острова для производства пушного промысла и всяких поисков, и заведения доброго торга с туземцами».

План Шелехова осуществился. В Охотске были построены три галиота, которые 16-го августа 1783 года вышли в далёкий путь. Один из галиотов, по названию «Св. Михаил», потерялся. Это заставило Шелехова зазимовать на острове Беринговом.

Весной следующего года Шелехов посетил остров Уналашку, где произвёл небольшой ремонт собравшимся галиотам, и, запасшись пресной водой, отправился к острову Кадьяку. 3-го августа 1784 года суда благополучно прибыли к острову и вошли в гавань, названную по имени судна, на котором находился Шелехов, Трёхсвятительской. Сломив сопротивление местных жителей, русские приступили к строительству крепости на новой земле. Заняв остров Кадьяк, Шелехов положил основание российским колониям в Америке.

В апреле 1787 года Шелехов прибыл в Иркутск и, как представитель компании, названной им «Американской», явился к иркутскому генерал-губернатору Якобию, которому представил описание своей поездки и просил возбудить ходатайство перед центральным правительством о предоставлении его компании исключительного права «на производство промысла» в новых землях. Якобий в своём донесении Екатерине II указал на такую необходимость. Компания Шелехова за открытие новых земель и за успех в торговых «предприятиях» получила 200.000 рублей. В Иркутске Шелехов расширил состав своей компании: в неё вошли иркутские купцы Шарапов, Михаил Сибиряков, Илья Сизов, Пётр и Иван Мичурины, Андрей Пахолков и другие.

Большие успехи компании Шелехова «пробудили ревность» у многих крупных иркутских купцов, которые в свою очередь организовали промысловую Иркутскую коммерческую компанию. Во главе её стал «первостатейный» купец Мыльников, принимавший большое участие в кяхтинской торговле. В 1798 году эта компания соединилась с шелеховской, составив общий капитал в 724.000 рублей. Через год она была принята под покровительство центральной власти и получила название Российско-Американской компании.

Образование Российско-Американской компании произошло тогда, когда её основоположника уже не было в живых. Шелехов умер 20-го июля 1795 года в г. Иркутске и похоронен в ограде Знаменского женского монастыря. В 1800 году на его могиле был поставлен памятник, на одной стороне которого высечены стихи Державина:

«Колумб здесь Росский погребен:
Проплыл моря, открыл страны безвестны
И, зря, что всё на свете тлен,

Направил парус свой во океан небесный
Искать сокровищ горних, не земных—
Сокровище благих!..»

На другой стороне памятника помещено стихотворение Ив. Дмитриева:

«Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелехов без войск, без громоносных сил
Притек в Америку чрез бурные пучины
И нову область ей и богу покорил.
Не забывай, потомок,
Что Росс, твой предок, и на востоке громок».

Российско-Американская компания получила ряд больших привилегий. Ей для промыслов отводилась полоса земли по северо-восточному берегу Америки от 55° северной широты до Берингова пролива, а также Курильские, Алеутские и другие острова Тихого океана. Компания могла открывать новые земли, заводить на них поселения, вести там торговлю и т. д. Ей разрешалось для своих нужд рубить корабельный лес в Охотской области, нанимать рабочих и служащих на семилетний срок, получать от 40 до 50 пудов пороха из Иркутска и до 200 пудов свинца с нерчинских заводов. Правление компании пользовалось правами государственного учреждения и имело право «сношений со всеми местами и должностными лицами». Но самой главной привилегией было то, что компания получила монопольное право на эксплоатацию довольно обширной территории, богатой ценными видами пушнины.

Промышленная и торговая деятельность Российско-Американской компании способствовала, до некоторой степени, экономическому развитию Сибири. Вывоз компанией таких ценных мехов, как морские бобры и котики, на русско-китайский рынок, увеличивал обороты кяхтинского торга. Именно кяхтинская торговля, как указывает проф. С. В. Бахрушин, открыла «верный сбыт» пушным товарам Сибири по значению Российско-Американской компании». Ещё в 1797 году капитал, вложенный Шелеховской компанией в русско-китайскую торговлю, был равен 87.079 рублям.

Рост кяхтинского торга отмечался ещё в связи с деятельностью Шелехова. Так, в 1794 году иркутский генерал-губернатор в своём всеподданнейшем рапорте по поводу возобновления торговли в Кяхте справедливо писал: «Шелехов много способствовал развитию кяхтинской торговли и поддерживал получаемые от неё выгоды, несмотря на все утеснения со стороны китайцев, и тем поднял курс на наши товары» [509].

С кяхтинской торговлей были связаны не только торговые центры Восточной Сибири, но эта связь распространялась и на

[509] Цит. по кн. Тихменева «Историч. обозрения Российско-Американской компании». Часть 1, стр. 45.

многие западно-сибирские города, как например, на Томск, Тобольск, Ирбит и др.

Во второй половине XVIII века Томск был купеческим городом. По данным Словцова, в 1763 году в нём насчитывалось 542 купца, среди которых были купцы, имевшие «по соту тысяч и более капиталу»[510]. Большинство томского купечества имело связи с крупными сибирскими ярмарками: ирбитской, березовской, енисейской и туруханской. Наиболее богатые купцы ездили в Кяхту с пушниной и кожами. Китайские товары, выменянные в Кяхте и купленные в Енисейске, они вывозили в Ирбит, где продавали российским купцам, часть их променивали на южной границе Томской губернии бухарцам, калмыкам и киргизам на скот, кожи и товары, привезённые из Индии. В самой Томской губернии китайские товары были в довольно широком употреблении, особенно бумажные и шёлковые ткани.

Значительно больше, чем Томск, с кяхтинской торговлей был связан Тобольск, остававшийся во второй половине XVIII века важнейшим административным городом Сибири. По переписи населения, проведённой в 1763 году, в нём насчитывалось «до 15 тысяч человек, из них 6663 мужского пола, в число последних входили: 75 чел. духовенства, 102 штатских, 2069 купцов, 668 посадских, 168 рабочих, 2119 служащих в трёх баталионах, 158 артиллеристов, 173 военных малолетков, 600 татар»[511]. Большое количество купцов свидетельствует о том, что основой хозяйственной жизни Тобольска была торговля.

«Главный торг сея губернии,—сказано в словаре Щекатова,—состоит... из мягкой рухляди и свечного сала. Некоторые купцы хотя и торгуют хлебом, но токмо внутри оного. Знатная ярмарка бывает ежегодно 10-го января в Березове, на которую кроме соседних купцов съезжаются наиболее из зырян и самоедов. Оные дикие народы привозят всякие меха и выменивают на оные муку, вино, табак, поваренную посуду и проч. В пограничных крепостях сея губернии равномерно немалая бывает мена с бухарцами, калмыками и киргизами. Они пригоняют множество лошадей, овец, рогатого скота и привозят также некоторые индийские товары, кои меняют их на европейские»[512].

Немалое значение для Тобольска имела кяхтинская торговля, в которой принимали участие крупные купцы. Как уже было сказано, наиболее состоятельная часть тобольского купечества организовывала экспедиции на Камчатку и Алеутские острова и вывозила оттуда ценные меха, которые затем променивала в Кяхте на китайские товары. Последние свозились в Тобольск, а оттуда шли на березовскую и ирбитскую ярмарки. В

---

510 Словцов, кн. 2, стр. 69.
511 Словцов, кн. 2, стр. 56.
512 «Географический словарь Российского государства», составл. Щекатовым, часть 6, стр. 258.

Березове они сбывались народам сибирского севера и частично в Среднюю Азию, а в Ирбите променивались российским купцам на европейские товары. Заметим, что Березов являлся рынком рабов, куда киргизы привозили пленных калмыков, «коих они в разбое похищали и продавали оных купцам, а сии перепродавали их опять господам». Часто в обмен на раба давались китайские товары; например, один полковник купил молодую калмычку за одну корову, два суконных кафтана жёлтого цвета, одно портище и два конца китайки [513].

В самом Тобольске китайские товары потреблялись довольно широко, особенно в домах состоятельных горожан. Французский аббат Шапп, путешествовавший по Сибири во второй половине XVIII века и посетивший Тобольск, в своих воспоминаниях о нравах и обычаях этого города, между прочим, сообщает, что в богатых домах на праздниках употребляли китайские закуски. В этих домах «столы бывают сытны, нарядны,—пишет Шапп,—но безмолвны, пока не начнут пить здоровье, вставая на ноги. Тут все приветствуют друг друга, поименно, при разных положениях тела, делают сцену шумную, странную. Вместо вин употребляют наливки. После стола переходят в другую комнату, где стол убран китайскими закусками, и снова принимаются за бутылки с мёдом и другими напитками из водки» [514].

Подтверждение о значении кяхтинской торговли для Тобольской губернии находим в географическом словаре Щекатова, где сказано, что «торг на Кяхте почесть можно основанием торговли Тобольской губернии» [515].

Главными пунктами, где сосредоточивалась преимущественно оптовая продажа китайских товаров и производилась закупка товаров для промена китайцам с начала организации кяхтинской торговли, были енисейская и ирбитская ярмарки. Между этими пунктами и Кяхтой двигались взад и вперёд купеческие клади. Пути, соединявшие эти пункты с Кяхтой, были весьма трудны и опасны. Тогда ещё часто пользовались естественными водными сообщениями.

При существовании внутренних таможен товары, отправляемые в Кяхту и вообще в Сибирь, шли сначала до Соликамска, а оттуда в Верхотурье, где с них взималась пошлина. После выпуска из таможни товары проходили в Туринск, Тюмень и Тобольск водою. От Тобольска их везли обычно летом по Иртышу, Оби, Кети, потом 8 вёрст сухим путём по Маковскому волоку до Енисейска, отсюда—опять водою до Илимска, далее по Ангаре через Байкал на Селенгинск до самой Кяхты. Вследствие продолжительности пути и других неудобств купцы начали

513 Головачев. «Сибирь в Екатерининской комиссии», стр. 47.
514 Цит. по Словцову, кн. 2, стр. 58.
515 «Географический словарь Российского государства», составленный Щекатовым, часть 6, стр. 78.

ли мало-по-малу оставлять водные сообщения и изыскивать кратчайшие сухопутные дороги, по крайней мере, в западной части Сибири. По этому случаю была проложена дорога из Верхотурья на Тюмень и Тобольск через Ирбитскую слободу, основанную в 1633 году. Дороговизна российских товаров в отдалённой Сибири и китайских в России, вследствие чрезвычайно длинного и трудного провоза, заставляли российских и сибирских купцов искать такой пункт, в котором они удобно могли бы обмениваться своими товарами. Так как Ирбитская слобода представляла много удобств, особенно тем, что она находилась на половине дороги от Соликамска до Тобольска, здесь заведена была ярмарка. С открытием кяхтинской торговли она вскоре сделалась важным торговым пунктом. Сюда съезжались купцы из разных городов Европейской России, особенно из Москвы, Казани, Владимира, Астрахани, Оренбурга, Ярославля, Устюга, Вологды, Костромы, Воронежа, Ростова и других. Приезжало в Ирбит даже купечество из Украины. В ирбитской ярмарке принимали участие купцы многих сибирских городов: верхотурские, екатеринбургские, тобольские, тарские, томские, енисейские, туруханские, красноярские, иркутские, якутские и других мест[516].

Российские купцы привозили на ирбитскую ярмарку отечественные и западно-европейские товары: сукна, холст, вина, сахар, кофе и проч. Сибирские купцы—разную мягкую рухлядь и китайские товары. В числе последних, как указывает Лепехин, были китайки лощёные и нелощёные разных цветов, голи или камки, фанзы, канфы, лёгкие парчи, шёлк-сырец и сучёный, фарфоровая посуда, чай байховый и кирпичный, разные краски и всякие мелочи—курительные трубки, зажигательные стёкла, шитые шёлком картины и ряд других товаров. Китайские изделия расходились по многим местам Сибири и внутренним губерниям России. В Ирбите сибирские купцы закупали российские и иностранные товары для Кяхты. Обороты ярмарки доходили до полутора миллиона рублей. Торг был двух родов: розничный и оптовый. С помощью розницы, по словам Лепехина, «сибиряки внутренними, а приезжие окольные сибирскими товарами» запасались. Оптовая торговля в Ирбитской слободе, как и в Кяхте, «отправлялась древним обыкновением, т. е. меною товаров на товар», это требовало от купцов «немалого искусства и проворства».

В самой слободе «для способности происходящих торгов» был построен просторный гостиный двор. В 70-х годах в нём находилось 203 больших лавки и 26 небольших прилавков. Все лавки разделялись на два ряда, из которых один назывался сибирским, а другой—московским, «по товарам в них продаваемым». «С каждой лавки для поправления и содержания» куп-

516 Зябловский Евдоким. «Землеописание Российской империи для всех состояний», часть III, СПБ, 1810, стр. 108.

цы платили за весь ярмарочный сезон от 15 до 30 рублей. Для мелочной торговли около гостиного двора строилось множество временных небольших лавчонок или «шалашей». Поддерживать порядок во время торга из Тобольска приезжали «нарочной полицмейстер и немалая команда солдат».

Во второй половине XVIII века ирбитская ярмарка стала важным рынком для внутренней продажи китайских товаров. Заметим, что из Ирбита эти товары шли не только в центральные части России, но попадали даже на Украину. Однако, на ирбитскую ярмарку не все купцы смотрели как на основное место торгового обмена между Россией и Сибирью: знатные купцы, т. е. крупные оптовики, по словам Лепехина, не торговали в Ирбите, а прямо возили товары из «далёкой Сибири и Кяхты в Москву и прочие российские города, а российские товары» отпускали в Кяхту [517].

В конце царствования Екатерины II ирбитскую ярмарку постепенно стала заменять ярмарка в Макарьеве, близ Нижнего Новгорода. «Не всегда случается,—читаем в словаре Щекатова,—чтобы привозные товары со всех сторон распроданы или выменены бывали на Ирбитской ярмарке, а особливо из российских городов привозимые; также остальные товары отвозят или на Оренбургскую линию, или на Макарьевскую ярмарку, в Нижнегородской губернии находящуюся» [518]. Часть непроданных в Ирбите товаров поступала также в Тобольск, где они покупались местными жителями и приезжими калмыцкими и бухарскими купцами, которые вели там торговлю в течение нескольких месяцев в году. В Макарьев купцы городов центральной России привозили всевозможные промышленные изделия. Бывавшее здесь сибирское купечество приобретало эти товары, часть которых предназначалась для промена в Кяхте. Здесь же из первых и вторых рук проводилась продажа китайских товаров. Ирбитская ярмарка сначала соперничала с макарьевской, но впоследствии уступила ей.

Резюмируя всё вышесказанное, необходимо придти к следующим выводам: во-первых, многие крупные купцы Сибири непосредственно были связаны с торговлей, производимой на Кяхте; во-вторых, китайские товары, такие как китайки, дабы, кирпичный чай, табак, дешёвая посуда, сахар и другие предметы расходились по всей Сибири и даже проникали в далёкие северные окраины; в-третьих, Россия получала китайские товары не только от купцов, ездивших в Кяхту из центральной части государства, но также через сибирских купцов, которые продавали или променивали эти товары на ярмарке в Енисейске,

---

[517] И. Лепехин. «Дневные записки путешествия», часть III, СПБ 1780, стр. 10.

[518] «Географический словарь Российского государства», составленный Щекатовым, часть II, стр. 787.

Ирбите и Макарьеве. Некоторые же сибиряки ездили с китайскими товарами прямо в Москву и другие города России.

Как было сказано выше, кяхтинская торговля привлекала довольно большое количество придорожного населения к обслуживанию этой торговли. Перевозка грузов, идущих из Кяхты на ирбитскую и макарьевскую ярмарки и в Москву, совершалась долгое время по водным путям. Это требовало рабочих по судостроительству, персонала для обслуживания судов—лоцманов, матросов, грузчиков и т. д. В тех местах, где шёл волок, нужен был гужевой транспорт. Он же требовался и в зимнее время. Весь путь от Кяхты до Москвы был далёк и тяжёл.

Товары, выменянные в Кяхте, обыкновенно отвозились на телегах до Петропавловской крепости по Селенге. Далее по этой реке их отправляли на плоскодонных судах до Посольского монастыря на Байкале, отсюда Байкалом в Ангару и по ней в Иркутск. Зимой товары перевозили на санях в Иркутск по дороге, идущей близ Ангары. Здесь задерживались до весны, а затем спускали плоскодонными судами, так называемыми дощаниками, по Ангаре, впадающей в Енисей. По прибытии в Енисейск товары выгружались и на телегах или санях отправлялись до Маковской пристани, находящейся на реке Кеть, впадающей в Обь. Здесь товары опять нагружались на суда, которые шли по Кети и Оби до Иртыша, потом вверх по Иртышу до Тобольска. Иногда товары из Енисейска отправлялись сухим путём в Томск и оттуда на судах спускались по Томи и Оби и вверх по Иртышу до Тобольска. Из Тобольска товары шли по рекам Тоболу, Туре до Туринска, а оттуда—на ирбитскую ярмарку, продолжавшуюся с половины февраля до половины марта. В Макарьев и в Москву товары везли из Ирбита сухим путём до места, где река Чусовая была удобна для сплава. Проплыв по Чусовой, товарные грузы перевозились около 50 вёрст сухим путём до Уткинской пристани на этой же реке. Затем спускались в Каму, Камой в Волгу и прибывали в Макарьево. Оттуда товары доставлялись в Москву.

Товары, шедшие на судах из Енисейска в Кяхту и приходившие в исходе октября, должны были в Иркутске ожидать санного пути. Летом их везли из Иркутска вверх по Ангаре до Байкала, затем по Байкалу и Селенге до Селенгинска, откуда сухим путём в Кяхту. Из России до Кяхты путь на судах был продолжительнее, так как приходилось плыть по многим рекам против течения.

По словам Семивского, водным путём от Енисейска до Иркутска пользовались примерно до середины 70-х годов XVIII века. Трудности и опасности, встречающиеся на этом пути, заставили купцов постепенно перейти на сухопутную перевозку кладей. «Удивляться надобно,—пишет Семивский,—с каким трудом, беспокойством и опасностью слишком целое столетие ездили водою, т. е. Ангарою от Енисейска до Иркутска, достав-

ляя к нему и в забайкальский край сим единственным путём не только купеческие товары, но многочисленные войска с провиантом и со всеми артиллерийскими орудиями и снарядами; да и самые в Китай знаменитые и многолюдные российские посольства, в начале XVIII столетия бывшие, сим же водным путём отправлялись; потому что иной дороги до Иркутска тогда не было» [519].

Особенно тяжело было переваливать ангарские пороги. Люди, плававшие по Ангаре от впадения её в Енисей до Байкала в начале XIX века, утверждали, что не было никакой возможности подниматься вверх на судах. Поэтому «надобно думать,— говорит Семивский,—что в старину при опаснейших и высочайших ангарских порогах суда сии, или по частям разбирались, или по выгрузке перетаскивали, как они были, с величайшею трудностью по берегу» [520].

Большим опасностям подвергались купеческие товары при перевозке через Байкал, где до 1765 года не было морских судов. На Байкале так же, как на всех сибирских судоходных реках, употреблялись дощаники. Вот как описывал в 1758 году состояние байкальской переправы директор кяхтинской таможни Пипов. «На Байкале озере,—пишет он,—судов никаких не было, кроме единого малого бота, для чего купцы принуждены были переправлять свои товары на дощаниках, которые плавают по рекам, и то ежели оные найдут, и от случающихся штормов теряли многие свои товары или принуждены были ждать долгое время» [521].

В 30-х годах существовала от Иркутска до Кяхты ещё другая дорога, по которой Байкал объезжали сухим путём. Но ею пользовались очень редко. Шла она через Тункинский острог на Култукское зимовьё и оттуда к Селенгинску. Дорога эта была «весьма гориста и нежилая и не прочищена, через многие болотные места».

На всём сибирском пути товары приходилось перегружать по нескольку раз; суда, на которых их везли, требовалось иногда тянуть против течения. Случалось, что канаты, с помощью которых поднимали суда вверх по реке, обрывались, и тогда нередко гибли не только грузы, но и люди, находившиеся на судах. На волоках дороги содержались в запущенном состоянии: заваленные камнями, лесом, с прогнившими мостами; зимовья, где купцы делали привалы, были безлюдны и «оттого приезжающие как в пище, так в обогревании себя и в корму лошадином претерпевали великие недостатки».

Российское правительство принимало кое-какие меры, чтобы обеспечить лучшее сообщение с Кяхтой. Но они были слишком незначительны и их выполнение под всякими предлогами

---

[519] Семивский, Прибавления, стр. 65.
[520] Там же, стр. 66.
[521] Цит. по названной работе Трусевича, стр. 78.

задерживалось сибирской администрацией. В 1765 году по распоряжению центральной власти на Байкале построили два морских судна, но они предназначались для перевозки казённого груза. Правда, отдельные купцы имели возможность переправлять на них некоторое количество наиболее ценной клади. В 1769 году Иркутскому генерал-губернатору было предложено установить сухопутную дорогу вокруг Байкала через Тункинские горы. Но это не было выполнено. То же повторилось в 1781 и в 1792 гг. Наконец, только в 1803 году была проложена дорога вокруг Байкала, на окончание которой были отпущены деньги из Кяхтинской таможни. Эта дорога оказалась неудобной и провоз по ней обходился весьма дорого.

Из сказанного видно, как трудны были торговые пути в Сибири. Неудивительно, что пуд сахара, стоивший в Архангельске в 40-х годах XVIII века 5 рублей, в Ирбите и Тобольске продавался по 7 рублей, в Енисейске—по 10 руб., а в Иркутске цена его колебалась от 14 до 20 рублей. Именно трудности и опасности водного пути заставили купечество прибегнуть к сухопутной перевозке товаров. В конце XVIII века уже стали пользоваться сухопутным путём, который шёл от Екатеринбурга через Тобольск или Ишим, или степью, лежащей между Тобольском и Ишимом, затем через Каинск, Томск, Красноярск на Нижнеудинск и оттуда в Иркутск. Из Иркутска до Кяхты товары перевозились прежним путём—через Байкал. Даже из Енисейска грузы шли по сухопутной дороге.

На сухопутном и водном путях, по которым перевозились кяхтинские товары, придорожное население находило себе заработок. Радищев указывает, что многие жители «питались извозом», а некоторые существовали исключительно тем, что продавали «извозчикам пищу, овёс, сено». «В Иркутске уверяли меня,—пишет он,—что во время торга бывает до 10,000 подвод; положить по три подводы или более на человека, будет 3000 человек, питающихся извозом, и хотя 2000 питающихся от них следует 5000, в другом месте не великое количество, но в Сибири много. Сии извозы производятся в зимнее время; земледельца от дому не отвлекают. Для барабинских жителей великая из того выгода, отдалённые степью, они не могут возить хлеба на продажу и оттого бедны. Сверх того купцы и их приказчики ездят часто, всегда на почте, и платят хорошие прогоны, т. е. дороже одной четверти на версту»[522].

Радищев также замечает, что во время перерыва кяхтинской торговли (1785—1792 гг.) «печалились бедные барабинские поселяне», так как «без торга с китайцами уменьшился проезд обозов и купечества. Обозы выгодны бывали тем, что имели издержки на овёс, сено и пищу извозчикам»[523].

[522] Радищев. Полное собрание сочинений, том II, стр. 15.
[523] Там же, стр. 19.

Кяхтинская торговля способствовала развитию некоторых отраслей сибирской промышленности и, прежде всего, таких, продукция которых вывозилась в Китай. Как уже было сказано, видное место в русском вывозе принадлежало кожевенным товарам. Это до некоторой степени способствовало развитию в крупных городах Сибири кожевенной промышленности. Кожевенные предприятия были в Томске, Тобольске, Тюмени, Иркутске и других городах. По свидетельству Радищева, кяхтинская торговля «питала многих иркутских кожевников». В конце XVIII века в Иркутске работало 13 кожевенных заводов[524]. Большою известностью пользовались тобольские юфтевые кожевни и тюменские «кожевенные заводы, некоторому купцу принадлежащие, где всякие кожи выделывались»[525]. В Прибайкалье, в окрестностях Ильинского и Кабанского острогов было «кожевенных фабрик немалое число». Товары их производства вывозились в Кяхту и там сбывались китайцам.

К числу таких же предприятий нужно отнести и первую в Сибири Тельминскую мануфактуру, так как её владельцы имели в виду сбыт сукон в Китай.

Основатели Тельминской фабрики «купецкие люди» Бобровский, Куровский и другие при выборе места для своего предприятия, как уже было сказано, руководствовались не только близостью от него кяхтинского рынка, но также близостью сырья—шерсти. В данном случае расчёт их оказался правильным. На всём протяжении рассматриваемого периода главными поставщиками этого сырья были хоринские и селенгинские буряты. В конце XVIII века они доставляли ежегодно от 7 до 10 тысяч пудов шерсти. «Восточно-сибирская администрация,—пишет Кудрявцев,—предписывала бурятам расширить для снабжения суконных фабрик овцеводство, обещая за это награды тайшам и другим начальникам, и вместе с тем угрожали репрессиями... Однако, кроме мер административно-полицейского воздействия по отношению к овцеводству ничего не предпринималось»[526]. Но наряду с этим поставка шерсти на Тельминскую фабрику была «одним из существенных факторов развития денежного хозяйства во всех бурятских районах (ведомствах)»[527].

Тельминская мануфактура в руках Бобровского с компанией находилась до 1764 года. Всё это время она влачила жалкое существование. Количество её продукции было невелико. Так, в 1736 году на фабрике было выработано сукон различных и

524 Зябловский, часть V, стр. 82.

525 «Географический словарь Российского государства, сочинённый Щекатовым, часть VI, стр. 256.

526 Кудрявцев, стр. 97.

527 Гирченко. «К истории бурят-монгольского хозяйства первой половины XIX века», стр. 15.

некрашеных 540, сермяжных 700, каразеи 600 аршин [528]. Малый доход фабрики привёл к тому, что её владельцы стали разоряться. Причиной плохой доходности была конкуренция привозимого из России сукна. По словам Чулкова, в то время российскими купцами в Сибирь, особенно в Иркутск и Кяхту, ввозилось значительное количество сукон, которые они сами покупали в Архангельске. Большинство этих сукон расходилось в самой Сибири, но немалая часть их, преимущественно ярких цветов,—красного, зелёного, синего и жёлтого—привозилась в Кяхту, где променивалась китайцам и монголам. «Но случалось,—пишет Чулков,—иногда суконный торг на китайской границе не весьма с прибылью отправлялся, чему причиною было либо через меру великий привоз вдруг сукон, либо что в то время китайцы сего товару довольно получали у себя в Кантоне от голландцев» [529]. В результате этого происходило затоваривание иркутского и кяхтинского рынков иностранными сукнами, и тогда эти сукна в Иркутске и Кяхте продавались купцам по пониженным ценам. «Случались также примеры,—читаем в известиях о сибирских торгах, что некоторые товары, а именно чужестранные тонкие сукна, когда оных для китайского торгу много привозилось, а на границу походу на них не было, в Иркутске и Кяхте по той цене продавались, которую за них платили в России» [530]. Однако от такой продажи купцы получали также «изрядный барыш», так как на вырученные деньги покупали «другие сибирские и китайские товары». Естественно, что при наличии подобных условий положение Тельминской фабрики было крайне тяжёлым и нет ничего удивительного, что она несла большие убытки.

С 1764 по 1773 год Тельминская фабрика находилась в бездействии. Затем она была в возмещение долгов казне, сделанных компанией Бобровского, продана Иркутской губернской канцелярией крупным иркутским купцам Сибиряковым. Но новые владельцы не улучшили её положения. С 1793 года фабрика была передана в секвестр за казённый долг в ведение Иркутского комиссариата. С этого времени в жизни фабрики наступил перелом. Она стала быстро развиваться. В 1793—1797 гг. на ней производилось от 3.800 до 8.650 аршин сукна ежегодно, а за весь этот период выработано 32.200 аршин. В самом конце XVIII века Тельминская фабрика стала крупным предприятием Сибири, которое явилось поставщиком сукна не только на армию и на рабочих нерчинских и колывано-воскресенских заводов, но и на местное население.

[528] В. М. Манассеин. «Тельминская фабрика», часть I. Иркутск, 1928, стр. 18.

[529] Чулков, том III, кн. 1, стр. 122.

[530] «Известия о сибирских торгах», «Ежемесячные сочинения»., Декабрь 1755, стр. 537.

Значительная часть отпускаемого для свободной продажи тельминского сукна часто покупалась оптом иркутскими купцами, которые продавали его не только в Иркутске, но и вывозили в Кяхту, где оно променивалось китайцам наравне с русскими сукнами, привозимыми из Европейской России.

Привоз шёлка из Китая способствовал развитию шёлковых мануфактур не только в России, но и в Сибири. В 1747 году на выгоне Иркутска, на левую сторону Ангары, посадским Прокопьевым была заведена шёлково-ткацкая фабрика, на которой из китайского шёлка ткались кушаки, платки и ленты. Такая же фабрика была организована в Иркутске в 1775 году купцом Глазуновым. В конце XVIII века в табели о числе фабрик и заводов по всему Российскому государству значилась шёлковая фабрика в Тобольской губернии, близ гор. Тобольска. Значительно шире была развита в Сибири шёлковая кустарная промышленность, работавшая преимущественно на китайском шёлке. Особенно славились своим умением тюменские шёлко-ткацкие мастера, которые потребляли китайский шёлк, покупаемый на ирбитской ярмарке.

Кяхтинская торговля также оказала большое влияние на развитие местных промыслов в Прибайкалье,—горного в основанном в 1788 году Петровском заводе, рыболовства на Байкале и в крупных реках, впадающих в Байкал, добычи соли на Соляном озере вблизи Селенгинска и т. п.

Кяхта с 1762 года, когда правительство Екатерины II отменило казённый караванный торг с Китаем, стала для Сибири основным пунктом сбыта местных пушных товаров. Этот сбыт обогащал сибирских купцов, увеличивая их оборотные средства для торговли внутри края. Поэтому нельзя согласиться с утверждением П. М. Головачева о том, что в XVIII веке в Кяхтинском торге принимало участие не сибирское купечество, а представители московской гостиной сотни крупные «гости»[531]. Вообще русско-китайская меновая торговля через Кяхту в изучаемый период способствовала экономическому оживлению всей Сибири, особенно её восточной части.

---

[531] П. М. Головачев. «Экономическая географія Сибири», Москва 1914, стр. 130.

Глава VII

ЗНАЧЕНИЕ КЯХТИНСКОЙ ТОРГОВЛИ

Охарактеризовав главные этапы русско-китайских торговых сношений через Кяхту в XVIII веке, а вместе с этим и основные моменты политических отношений России с Китаем, оказавших влияние на кяхтинскую торговлю, надлежит ещё подвести итоги и выяснить значение кяхтинского торга для России и Китая.

Кяхта для Российского государства в XVIII веке являлась важнейшим рынком сбыта пушнины, которая в то время ещё являлась главным экспортным товаром Сибири. Сбыт пушных товаров в Переднюю Азию и Европу был крайне неудобен вследствие их отдалённости, что не только создавало огромные трудности в транспортировке, но было сопряжено с постоянной опасностью их порчи. Поэтому самым удобным внешним рынком служил именно Китай, где был на меха большой спрос и куда доставка была быстрей и прибыльней. Паллас, посетивший Кяхту в семидесятых годах и изучивший условия кяхтинской торговли, пришёл к выводу, что «главнейшая польза от китайского торгу состоит, что все от отдаленнейших сибирских мест товары, как-то мягкая рухлядь, которая не стоит, чтоб её так далеко возить в Россию, камчатские бобры, главный почти камчатский товар составляющие, на которых в Европе за их дороговизною не много купцов найтить было можно, и могут сопряжены быть с опасностями в перевозе сюда, походят все с выигрышем, за которое получают другие товары, коими с другими европейскими нациями, по морю приходящими, торгуют равным образом не бесприбыльно»[532].

Количество вывозимой в Китай сибирской пушнины резко возросло вначале царствования Екатерины II, когда прекратилась отправка в Пекин казённых караванов, и торговля в Кяхте почти целиком перешла в частные руки. Во время караванного торга казна в основном также сбывала на пекинском рынке меха, добываемые в Сибири. Так, например, в 1740 году директору каравана Фирсову надлежало в Иркутске «определить в ка-

---

532 Паллас, часть III, половина первая, стр. 207.

раван к принятой в Сибирской губернии денежной казне» ещё мягкой рухляди [533]. Басниская летопись сообщает, что в 1744 году в Иркутск «прибыл из Тобольска отправленный в китайский караван комиссар Григорий Карташев с целовальниками и по принятии в Иркутске мягкой рухляди того ж года осенью отправился на дощаниках за Байкал море» [534].

Казённый вывоз сибирской пушнины в Китай продолжался и после официальной отмены государственного караванного торга. Её вывозили в Пекин русские духовные миссии, но во много раз меньше, чем караваны.

Взамен вывозимых товаров русские купцы получали от китайцев многие необходимые для России и особенно для Сибири предметы широкого потребления. Первое место среди них, как мы уже видели, принадлежало бумажным тканям, которые в течение всего рассматриваемого периода составляли не менее 60% от ввоза всех китайских товаров. Если дабы расходились в Сибири, а в России были «почти неизвестны», то китайки, как дешёвый товар, потреблялись и в России «людьми среднего состояния». Вывоз китайских бумажных тканей на протяжении всего XVIII века увеличивался в связи с общим ростом кяхтинской торговли. Это показывают данные таблицы 7 [535].

Таблица 7

Годы	Сумма, на которую было вывезено бумажных тканей из Китая в названные годы
Среднее по сложности:	
1759—1761	509259 руб. серебром
1775—1781	10[illegible]3942 „ „
1792	1601263 „ „

Важным товаром являлся также чай. Особенно широкое распространение он имел у народов Сибири: калмыков, тунгусов, бурят и других. Поэтому перерывы в торговле с Китаем прежде всего сказывались на сибиряках. Радищев указывает, что в последний, почти семилетний, перерыв сильно ощущался недостаток чая и в России, где многие «...покупали и употребляли чай, привозимой из Англии, Голландии и Дании, платя за

[533] Государственный Архив Иркутской обл., Фонд Селенгинской городовой ратуши, Дело 15, лист 309.

[534] «Летопись Губернского города Иркутска» (Басниская), «Первое столетие Иркутска» (сборник материалов), стр. 152.

[535] Семенов, часть III, приложение III, стр. 471.

оный втрое или вчетверо, отчего привоз сего товара через все порты, а особливо через Петербург, увеличивался; но бедные люди, которые чай пивали в дни празднества или веселия, или же подражая в роскоши богатым и причаствуя сей постепенной заразе, живущие в России употребляли веронику и богородскую траву; живущие в Сибири травою, так называемой, луговой чай»[536]. Действительно, пуд китайского чаю в России стоил в 80-х годах 11 руб., а привезённый из Западной Европы — более 52 руб.

В конце XVIII века, в связи с ростом потребности в чае у всего населения Сибири и России в целом, чай начинает приобретать большое значение в Кяхтинском торге. Некоторые данные об увеличении ввоза чая даны в таблице 8[537].

Таблица 8

Годы	Сумма, на которую было ввезено китайского чая в названные годы
Среднее по сложности:	
1759—1761	28848 рублей серебром
1775—1781	266734 " "
1792	540236 " "

По ввозу чая в Россию Китаю принадлежит первое место. Когда кяхтинская торговля протекала нормально, привоз этого товара в Россию из других государств был крайне незначительным. В период с 1758 по 1769 г.г. чая доставлялось из Западной Европы в среднем ежегодно только по 212 пуда. Во время же перерывов торга на Кяхте его ввоз из западно-европейских государств значительно возрастал, что видно из таблицы 9[538].

Таблица 9

Годы	Привоз чая из государств Западной Европы	
	Пуды	Выражение в рублях серебром
Среднее по сложности		
1778—1780	535	28041
1790—1792	5531	398734

536 Радищев. Полное собрание сочинений, том II, стр. 27.

537 Семенов, часть III, приложение III, стр. 471.

538 Данные взяты из названной книги Семенова, часть III, приложение II, стр. 438.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что в XVIII веке существовала зависимость ввоза чая из Западной Европы от состояния кяхтинской торговли.

Фарфор был распространён в Сибири, где главным образом расходились дешёвые фарфоровые изделия. Его не только употребляли в качестве посуды, но некоторые народы, как например, татары, жившие у Верхотурья, носили фарфор в качестве украшений «в виде [illegible] на платье, [illegible], на часах, даже на косах».

Китайский табак «шар» весь оставался в Сибири.

Торговля с Китаем оказала влияние на развитие некоторых отраслей русской промышленности. В первой половине XVIII века шёлковые мануфактуры Европейской России работали частично на китайском шёлке. В годы царствования Екатерины II в связи с возросшей роскошью двора, увеличилось количество шёлкоткацких предприятий, особенно стала развиваться шёлковая кустарная промышленность. Последняя в своём производстве также употребляла шёлк, ввозимый из Китая. Работала на китайском шёлке и кустарная промышленность Сибири, которая была в Томске, Тюмени и других городах.

Русско-китайская торговля способствовала развитию суконной промышленности. Как уже было сказано, простые грубые сукна, в которых была большая потребность у китайцев, составляли довольно важный предмет русского вывоза в Китай. Одной из причин основания Тельминской фабрики была попытка организовать суконное производство в Сибири не только для внутреннего потребления, но и для сбыта сукна китайцам.

Привоз кож в Китай оказал влияние на развитие кожевенного производства в Сибири, которое приняло большие размеры во второй половине XVIII века. В этот период, в связи с развитием скотоводства, производство юфти шагнуло далеко вперёд, особенно в таких городах, как Тобольск, Тюмень, Томск и Иркутск, которые и ранее являлись главными центрами сибирского кожевенного производства. Увеличившийся вывоз юфти в Китай вызвал ряд мер со стороны правительства, направленных к дальнейшему росту кожевенной промышленности Сибири. Так, например, в октябре 1799 года именным указом, данным сенату, предложено заселить южную часть Восточной Сибири, примыкающую к китайской границе, между Байкалом, Ангарою, Нерчинском и Кяхтой, с предоставлением различных выгод желающим переселиться[539]. Цель поселений была весьма обширна: предполагали не только распространить за Байкалом земледелие, но и по значительности местного скотоводства впоследствии завести суконные и юфтевые фабрики для усиления кяхтинской торговли. Первоначально для переселения назначалось 10 000 человек, в состав которых должны войти отставные солдаты по

539 Полное собрание законов, том XXV; № 19157.

собственному желанию, преступники, приговорённые судом к ссылке не в каторжные работы, и помещичьи люди, отданные в зачёт за рекрут. Но поселено было в этих местах только 610 человек, так как из числа предназначенных к поселению почти половина оказалась негодной по болезни и старости, большая часть разбежалась и умерла в пути, а многие бежали уже с нового места жительства [540].

Наконец, кяхтинская торговля способствовала развитию в Сибири судостроения и извоза, которые давали хороший заработок сибирякам, жившим по пути следования товаров из России и сибирских городов в Кяхту и обратно. Радищев указывает, что особенно «великий» заработок от извоза получали жители Барабинских степей. Что касается охотничьего промысла, то он всё время развивался в связи с ростом русско-китайской торговли.

Торговля с Китаем способствовала развитию торговли России с государствами Западной Европы и Средней Азии. Мы уже видели, что большой спрос у китайцев на меха вызвал их ввоз из Европы. По словам Чулкова, в Иркутске можно было видеть лисиц, привезённых из Норвегии через Архангельск и предназначенных для продажи китайцам. Тысячи морских бобров и выдр доставлялись в Россию из Северной Америки и Канады. Шкуры этих зверей совершали чуть ли не кругосветное путешествие, направляемые с мест их добычи сначала в Англию, затем—в Петербург и оттуда, наконец, в Кяхту. Существование кяхтинского рынка увеличивало также ввоз сукна из Западной Европы. Как уже было сказано, в Кяхте променивалось китайцам ежегодно до 100 тысяч аршин голландского, английского, прусского, французского и испанского сукна.

Что касается Средней Азии, то оттуда Россия вывозила меха, овчины, мерлушки, кожи и другие товары, часть которых отправлялась на кяхтинский рынок. Со своей стороны Россия в числе вывозимых в Среднюю Азию товаров отправляла туда и китайские товары. «Из российских же и прочих европейских товаров,—читаем в старинном сочинении о торговле со Средней Азией,—которые в Оренбурге и Троицкой крепости в продажу и мену азиатским купцам и народам происходят, знатнейшие суть следующие: сукна разных доброт, а особливо кармазинные и мясного цвету, краски кошениль и индиго... олово в деле и не в деле, котлы медные и чугунные, мишура, сахар, бобры немецкие и выдры, юфти чёрные, а больше красные, лисицы чёрные и чернобурые, бархат разных цветов, а паче чёрной голи, корольки и бисер разных колеров, иглы, наперстки и прочая мелочь» [541]. В данном известии среди всех перечисленных товаров

---

540 В. Вагин. «Исторические сведения о деятельности гр. Сперанского в Сибири», СПБ, 1872, том I, стр. 222—224.

541 П. Рычков. «Топография Оренбургской, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губ.», часть I, СПБ. 1762, стр. 328.

холи и бисер нужно считать китайскими. Это находит своё подтверждение в указаниях Трусевича на то, что в 1752 году бухарцами было вывезено из России китайских товаров: сахара—60 голов, чая кирпичного—11326 кирпичей, румян—3300 листов, иголок—7000 штук, а в 1761 году киргизы вывезли из крепости св. Петра канфы чёрной—2 конца 45 арш.; бархату—29 кусков 197 арш.; китайки—143 тюни 984 конца; бязи—165 концов, чалдаров—100 концов и ряд других товаров [542].

Китайские товары Россия вывозила не только в Среднюю Азию, но и в Европу, что видно из таблицы 10 [543].

Таблица 10

Годы	Китайки в аршинах	Ревень в пудах		Анис в пудах	
	из Петербурга	из Петербурга	из Архангельска	из Петербурга	из Архангельска
1780	—	156	—	—	—
1781	—	217	—	—	—
1782	640	641	—	—	—
1783	8203	200½	3	665	81
1785	4836	37	—	—	—
1786	—	99	—	239	—
1787	2586	249½	—	211	—
1788	—	57	—	—	—

Торговля с Китаем занимала видное место в общей торговле России. Чтобы иметь представление о доле участия кяхтинской торговли в общей русской торговле, необходимо сопоставить обороты той и другой. Для этого в таблице 11 приведём данные за два года, стоящих друг от друга на промежутке в 15 лет.

Таблица 11

Годы	Общий торговый оборот России	Оборот кяхтинской торговли	Проц. кяхтинского оборота к общему обороту
1760	Около 18600 тысяч рублей	1358271 руб.	7,3 проц.
1775	Около 32196 тысяч рублей	2644409 руб.	8,3 „

Следовательно, обороты кяхтинской торговли составляли во вторую половину XVIII века 7—8% всего торгового оборота России.

542 Трусевич, стр. 212—213
543 Там же, стр. 212.

В торговле России со всеми азиатскими государствами китайская торговля занимала первое место, что видно из таких данных: с 1758 по 1760 год общий оборот русско-азиатской торговли был равен 2.4[illegible] рублям, а оборот китайского торга — около 1.642.000 рублей, что составляет 67,[illegible]% от общего оборота русско-азиатской торговли. Этот процент с очень незначительным уменьшением оставался на протяжении всего XVIII века.

По отдельным товарам, ввозимым в Россию, например, по чаю, о котором уже было сказано, и по бумажным тканям Китаю также принадлежало первое место, в подтверждение чего приведём таблицу 12[544].

Таблица 12

Годы	Было ввезено отовсюду бумажных тканей, кроме Китая	Ввезено из Китая
Средн. по сложности		
1758—60	На 512283 руб.	На 509259 руб.
1778—80	„ 895562 „	„ 1063942 „
1790—92	„ 3007835 „	„ 1601263 „

Из таблицы видно, что спрос в России на бумажные ткани возрос к концу 90-х годов. Но если в предыдущие годы Китай доставлял в Россию почти столько же бумажных тканей, сколько доставляли другие иностранные государства вместе (период 1758—1760 гг.) или их ввоз из Китая превышал ввоз из всех других государств (1778—1780 гг.), то за 1790—1792 гг. китайских тканей было ввезено хотя значительно больше, чем в предыдущие периоды, указанные в таблице, но по отношению к другим государствам их ввоз уменьшился почти в два раза. Объясняется это не сокращением спроса на китайские ткани в России и Сибири, который появился несколько позднее, а перерывом кяхтинской торговли, возобновление которой началось по-настоящему только с апреля 1792 года. Следовательно, за оставшиеся восемь месяцев 1792 года было ввезено из Китая бумажных тканей на 1.601.263 рубля.

Увеличение привоза бумажных тканей в Россию, главным образом из Европы, во время перерыва кяхтинской торговли свидетельствует о том, что в XVIII веке существовала зависимость ввоза этого товара из европейских государств от состояния русско-китайской торговли. Такую же зависимость можно проследить и на ряде других товаров, как-то: на сахаре и шёлко-

[544] Таблица составлена на основании данных, взятых из книги Семенова, часть III, приложения 2 и 3, стр. 445, 457, 465 и 471.

вых тканях. Напомним, что не только ввоз, но и русский вывоз в Западную Европу, особенно мехов и кож, зависел от китайского торга.

Радищев в своём «Письме о Китайском торге» говорит, что «китайский торг не к пользе России надлежит относить, но к пользе Сибири»[545]. Это утверждение требует уточнения. Конечно, в XVIII веке кяхтинский торг имел больше значения для Сибири, чем для Европейской России, но и последняя получала через Кяхту ряд необходимых товаров. В 40-х и 70-х годах, в связи с развитием отечественной шёлковой промышленности, в Европейскую Россию вывозилась большая часть китайского шёлка-сырца. На протяжении всего века туда шли и китайские бумажные ткани, именно китайки, где она потреблялась, как указывает Радищев, «людьми среднего состояния». В 90-х годах для Европейской России важное значение начинает приобретать уже кяхтинский чай, ввоз которого стал возрастать с 1760 года и к последнему перерыву русско-китайской торговли (1785—1792 гг.) увеличился в пять раз. Как уже было сказано, половину китайского чая, поступавшего в Российское государство, составляли байховые чаи, отправляемые почти целиком в Европейскую Россию. Сам же Радищев при рассмотрении вопроса о русско-китайской торговле выдвинул из всех товаров, ввозимых из Китая, на первое место чай. Этим он подметил основную линию кяхтинского торга, которая только начинала тогда вырисовываться. В первой же четверти следующего столетия кяхтинский чай стал главным товаром как для Сибири, так и для Европейской России. В 1820 году Сперанский, характеризуя кяхтинскую торговлю, указывал на уменьшение статей китайского вывоза. «Шёлковые материи,—писал он,—уже кончились; китайка тоже почти кончается, остаётся чай, чай и чай»[546]. Именно, в связи с тем, что Кяхта стала основным местом, через которое снабжалась Россия чаями, её торговля из собственно сибирской превратилась больше в транзитную.

После 1792 года, когда Радищев писал «О китайском торге», великороссийское купечество попрежнему продолжало принимать участие в кяхтинской торговле: московские купцы продавали в Кяхте сукна, плис и разные русские товары, тульские—мерлушку и кошачьи шкуры, архангельские и вологодские—лисиц и песцов, казанские—юфть. От торга на кяхтинском рынке эти купцы получали большие выгоды, так как на китайские изделия в Европейской России был «немалый сброс». Товары кяхтинского торга поступали в Европейскую Россию и через сибирских купцов, которые ездили с ними на Макарьевскую ярмарку и даже в Москву. Всё это говорит о том, что торговля, производившаяся на Кяхте в конце XVIII века, имела некоторое значение и для центральной части России.

---

545 Радищев. Полное собрание сочинений, том II, стр. 16.
546 Вагин, том II, стр. 205.

Радищев считал, что пользу кяхтинской торговли нужно относить не ко всей Сибири, а «почти только лежащей по сю сторону Енисея», т. е. к Восточной Сибири. Это утверждение также требует некоторого уточнения. Если для Иркутска кяхтинский торг имел несколько большее значение, чем, например, для Енисейска или Тобольска, то и эти города на протяжении XVIII века были тесно связаны с ним, и в их экономической жизни он играл немалую роль. Сам же Радищев говорит, что в 1791 году из-за перерыва торговли на Кяхте енисейская ярмарка «была отменно малолюдна», а в Тобольске купцы, «которые, имея большой запас для Кяхтинского торга, лишились почти своих капиталов; скучали также частные люди, привыкшие к употреблению чая и к употреблению китайских товаров, особенно фанз и китаек»[547]. В 1792 году, после возобновления русско-китайского торга, тобольские купцы организовали «компанию» по торговле в Кяхте, которая вывозила туда, главным образом, белку и соболя.

В противоположность взгляду Радищева на значение кяхтинской торговли в словаре Щекатова сказано, что из сибирского купечества в Кяхте «главный торг производили купцы иркутские, тобольские, тарские и томские» и что «торг, производимый на Кяхте, можно почесть основанием торговли всей Сибири и потому оный довольно выгоден»[548]. Хотя словарь Щекатова и составлялся на основании материалов путешественников XVIII века, как, например, Лепехина[549], и данных, представленных сибирскими торговцами, но такое мнение о значении кяхтинского торга как об основе всей торговли Сибири, является несколько преувеличенным. Конечно, торговля с Китаем через Кяхту имела для Сибири важное значение, «особенно после того,—пишет С. В. Бахрушин,—как при Екатерине II прекратилась отправка в Китай казённых караванов и она всецело перешла в частные руки; она открыла «широкий сбыт» пушным товарам Сибири во владениях Российско-Американской компании и, таким образом, способствовала оживлению экономической жизни страны»[550].

Приведя мнение Радищева о пользе кяхтинской торговли для Европейской России и Сибири, необходимо теперь остановиться на его подходе к рассмотрению этого вопроса.

Разбирая значение Кяхты для русской торговли, Радищев при этом искал, главным образом, выгод для крестьянина и звероловов. Он считал, что возобновление торговли с Китаем

---

547 Радищев. Полное собрание сочинений, том II, стр. 19.

548 Географический словарь Российского государства, составл. Щекатовым, часть III, стр. 1045 и 1049.

549 Сравн. Щекатова, часть II, стр. 787, с Лепехиным, часть III, стр. 11.

550 Проф. С. В. Бахрушин. «Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.», Сборник статей «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири». Вып. второй, Петроград, 1922, стр. 67.

будет выгодно потому, что цены на пушнину возрастут, а это благоприятно отразится на положении крестьян, занимающихся «промыслом звериным». Кроме этого жители села получат дополнительный заработок от перевозки купеческих кладей, продажи продуктов питания, фуража и проч. Ввоз китайского шёлка-сырца будет способствовать развитию «шёлкового рукоделия», очень выгодного, так как оно «соединится с земледелием».

С другой стороны, Радищев подчёркивал, что прекращение торговли с Китаем имело положительное значение в том отношении, что оно привело к увеличению земледелия в связи с посевом льна, в результате чего «явилось размножение холста», который начал продаваться как товар. «В Таре, а особливо в Томске,—пишет Радищев,—где много хорошего льна родится, холст начал составлять отрасль торговли и его отвозят в Иркутскую губернию большими партиями»[551]. Прекращение торга на Кяхте, по мнению Радищева, нисколько не сократило охотничьего промысла в Сибири, благодаря тому, что добываемая в Сибири пушнина нашла себе сбыт не только внутри страны, но и за границей. Однако, нужно заметить, что Радищев был противником лесного и звероловного хозяйства. Он считал, что пушной промысел отвлекает население от земледелия. «Я бы подал совет,—говорит он,—делать премии всем желающим оставить жизнь лесную и звероловную и, селясь в местах плодоносных, упражняться в земледелии»[552]. Радищев не видел особого вреда от прекращения торговли с Китаем для скотоводства Сибири. «Скотоводство,—пишет он,—дающее часть своих произведений для торга на Кяхте столь же мало или меньше потерпело от пресечения торга с китайцами»[553].

Радищев относился с большой ненавистью к купцу-скупщику, который жил за счёт крестьянина. «Один из ста или из двухсот крестьян,—пишет он,—живёт не в долгу. Другие все наёмники и работают на данных им задатки. Всю свою добычу запродают заранее, а корыстолюбивые и немилосердные торговцы пользуются трудами их и обогащаются»[554]. Защищая крестьян, он отдавал даже предпочтение деревенским кустарным промыслам перед большими мануфактурами, поскольку «большие мануфактуры», как поясняет он, «не исключая английских и французских, полезны тем, что дают пропитание многому числу бедных граждан и за каждые 200, 300 или 1000 человек, получающих хлеб насущный, обогащают одного или двух граждан, но шёлковое рукоделие, как оно в Московской губернии существует, не обогащая ни одного, многим человекам и боль-

[551] Радищев. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 28.
[552] Там же, стр. 29.
[553] Там же, стр. 30.
[554] Там же, стр. 29.

ною частью сельским жителям доставляет довольственное житие»[555].

Защита крестьянских интересов заслонила перед Радищевым многое, он даже не видел прогрессивной роли крупных мануфактур, возникших в России в результате решительной ломки устоев старой, отсталой Московской Руси, начатой Петром I, который, по выражению Ленина, «...ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»[556].

Рассматривая пользу и вред от приостановления кяхтинской торговли Радищев, однако, воздержался от окончательного ответа на вопрос: выгоден или нет китайский торг. «Пресечение оного,—пишет он,—не есть столь великий вред, как то обыкновенно представляется... и если я говорю: не так велик вред от пресечения на Кяхте, как кажется, то не утверждаю, что его возобновление было вредно... какое действие торга на Кяхте будет иметь—не знаю»[557].

Радищев уклонился от прямого ответа, главным образом, потому, что вопрос о кяхтинской торговле им не был изучен до конца. Этому мешали условия его ссылки. Радищеву не пришлось побывать в Кяхте, где он мог бы подробно ознакомиться с результатами торга и дать окончательное суждение о нём. Радищев сам несколько раз говорил о необходимости посетить Кяхту. «Противулежащие выгоды и неудобства,—пишет в заключение он,—случающиеся при торге кяхтинском так, как и при всяком другом, не возьму на себя склонить заключение в ту или другую сторону; и тем паче я для надежного о сих материях суждения не довольно жил в Иркутске, а Кяхты совсем не видел»[558].

Хотя Радищев и не был в Кяхте, но он сумел подметить основную линию кяхтинской торговли, которая только тогда начинала вырисовываться, это—выдвижение на первое место чая, ставшего уже в начале XIX века главным товаром, ввозимым из Китая[559].

Из сказанного видно, что Радищев рассматривал кяхтинскую торговлю не как фактор, способствующий развитию хозяйственной жизни вообще, а только со стороны удовлетворения требований земледелия и крестьянского рукоделия.

Кроме Радищева в его время были и другие общественные деятели, считавшие, что только те изменения экономической

---

555 Радищев, стр. 13.

556 Ленин. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Полн. собр. сочинений, изд. III, т. XXII, стр. 517.

557 Радищев. Полное собр. сочинений. Том II, стр. 15.

558 Там же, стр. 35.

559 Если в 80-х и в начале 90-х годов XVIII века чай составлял [illegible] часть от всех ввозимых китайских товаров, то в 1814—1815 г.г. он уже равнялся [illegible]. В то время его вывозили более 80.000 пудов в год. (Семенов, часть III, стр. 208).

жизни страны выгодны для России, которые удовлетворяют требованиям земледелия. Так, например, политический деятель и писатель 80-х годов XVIII века М. М. Щербатов считал, что «приумножившиеся все мастерства, рукоделия и промыслы» отвлекали многие тысячи людей и поэтому приносили не пользу, а вред России. «Все... промыслы, — пишет Щербатов, — требуют людей или навсегда прибывающих, или приходящих на время летнее яко кирпичников, каменщиков, штукатуров, плотников, столяров и проч. А все сии люди удалившиеся или отлучившиеся на летнее время, оставляют свои домы и хлебопашество, чтобы, не способствуя к произращению пропитания, быть истребителями съестных припасов. Приложим ещё сколько таких мастеровых, употреблённых во всех наместничествах, строящих всенародные и приватных (частных) людей здания в таком числе, что аки-бы волшебством каким произведённые, но сколь пышность и великолепие служащему на внешность человеку представляют, поскольку в самом деле отвращением от хлебопашества, а поэтому убавлением производства нужнейших в жизни припасов Россию ослабляют»[560].

Однако необходимо заметить, что если Радищев и Щербатов рассматривали значение изменений в экономической жизни страны с точки зрения их соответствия требованиям земледелия, то нельзя сказать, что их политические взгляды были одинаковы. Радищев по своим убеждениям являлся республиканцем, поклонником просветительской философии, противником крепостного права, требовавшим свободы для угнетённого крестьянства. Щербатов же был защитником социальных и политических привилегий помещика. «Он выступал с историческим и политическим обоснованием незыблемости крепостнических прав дворянства»[561].

Если кяхтинская торговля имела для Российского государства важное значение, то не меньшее значение она имела и для Китая.

Уже в XVII веке Китай являлся страной с довольно развитой промышленностью, в тогдашнем понимании этого слова. Хотя его добывающая и обрабатывающая промышленность и покоилась на несовершенной технике кустарного производства, но, тем не менее, многие её отрасли достигли большого успеха и давали продукцию, которая могла иметь значение и в торговых сношениях с иностранными государствами. Бель, посетивший Китай в 20-х годах XVIII века, писал, что «китайцы, по признанию всех народов, превосходят всех в механических искусствах, а паче во глиняной работе, в крашении, лакирова-

[560] М. М. Щербатов. «Сочинения», том I. Цит. по кн. Грекова «История народного хозяйства», том I, изд. Брокгауза-Ефрона, 1925, стр. 18.

[561] Н. Л. Рубинштейн. «Русская историография», Госполитиздат, 1941, стр. 118.

нии, в столярном и бумажном деле: бумага их несказанно превосходит употребляемую в Европе»[362]. То же самое можно сказать и по отношению к выделке шёлковых материй. Поэтому вполне справедливо Китай был назван в старинном известии «О шёлковых заводах» «шёлковою землёю». В большом количестве в Китае производился чай. По свидетельству того же Беля, цены на чай внутри страны были весьма низкие. В период начала сношений с Россией Китай переживал время расцвета фарфорового производства. Тогда же его хлопчатобумажная промышленность достигла значительного развития, и некоторые сорта бумажных тканей составляли предмет вывоза и были известны во многих государствах Европы. Таким образом Китай в XVII веке мог поставлять на внешний рынок разные товары, особенно чай, фарфоровые изделия, шёлк-сырец, шёлковые и бумажные ткани.

В конце XVII века Китай находился в торговых сношениях с государствами Европы, Средней и Малой Азии. Но на европейскую торговлю, производимую через Кантон, как было уже сказано, китайское правительство смотрело не совсем благосклонно, так как европейские купцы взамен вывозимых товаров давали Китаю малоценные вещи. В этот же период и в начале XVIII века правящие круги Китая, в связи с проведением завоевательной политики, интересовались не столько внешней торговлей, сколько получением прибыли из захваченных территорий. Однако, заключая с Россией первый, так называемый Нерчинский договор (1689 года), Китай вступил с нею в торговые сношения. Это диктовалось тем, что развитая коммерческая деятельность в самом Китае искала новых и более прочных рынков для своих операций и притом таких, на которых китайские купцы могли бы получать нужные для их страны товары. Россия же давала Китаю такие ценные товары, как меха и кожи. Кяхтинский трактат упрочил русско-китайские торговые сношения. Китайское купечество особенно стало интересоваться торговлей с Россией после 1762 года, когда русское правительство отменило казённый караванный торг. Это дало возможность китайцам получать в Кяхте от русских купцов ценные виды пушнины, на которую был большой спрос внутри их государства.

Китайцы, торговавшие в Кяхте, обычно вывозили русские товары в Калган, куда приезжали купцы из Пекина и других городов для оптового закупа этих товаров. Оставшиеся товары развозились комиссионерами и приказчиками маймаченских фуз по разным провинциям Китая. Русская пушнина расходилась, главным образом, в северных провинциях. Особенно большой спрос на неё был в Пекине, где местная знать одевалась почти исключительно в российские меха. По словам Палласа, весь пекинский двор носил фуфайки из соболей и камчатских бобров.

[362] Бель, часть II, стр. 177—178.

Российские кожи и мерлушки потреблялись в этих же провинциях. Однако, часть русских сукон вывозилась в западные и даже в южные районы страны. Во время перерывов кяхтинской торговли, как указывали члены российской духовной миссии, в Пекине многие китайцы «страдали» от недостатка пушных товаров. По признанию самих китайских пограничных начальников, прекращение торговли отрицательно сказывалось на экономической жизни их государства. Долгополов говорит, что в 1792 году «китайские подданные с большим удовольствием приняли открытие на Кяхте торговли».

Всё сказанное позволяет сделать вывод, что кяхтинская торговля в XVIII веке имела важное значение для Китая. Она давала возможность китайским купцам из северных провинций сбывать свои товары в Россию, получая взамен ценные для их страны меха, кожи, сукна и другие предметы. Кяхтинский торг способствовал оживлению экономической жизни в Северном Китае, так же как он оживлял экономическую жизнь Сибири. Но подчас недоверчивая и вместе с тем мелочная политика пекинского правительства мешала нормальному ходу русско-китайских торговых сношений.

* * *

Семьдесят два года XVIII века являлись начальной историей Кяхты, которая за этот период приобрела большое значение, став местом средоточия всей русско-китайской торговли. Уже XVIII век определил её будущее процветание, и многие современники, видя это, в высокоторжественных одах предвещали ей большую славу.

«Спеши, Америка восточна,
Спеши, Ситха и Кадьяк,
Представить службы вашей знак,
Страна далека и ужасна
Отважностью близка вдали:
Уж грузом полны корабли
Текут ко пристани российской,
Европы торг и торг азийской
Иркутском, Кяхтою полны»[563].

И, действительно, в XIX веке, в период своего расцвета, Кяхта «гремела во всём мире, имея дела с Лондоном и с Америкой, не говоря уже о России, Китае и средне-азиатских государствах»[564]. Период расцвета Кяхта переживала в 60-х годах XIX века. Тогда торговые обороты её достигали в некоторые

---

[563] Отрывок из оды, посвящённой Александру I. Написана кяхтинским титулярным советником Протопоповым в 1801 году. Цит. по соч. Щапова, том III, стр. 689.

[564] И. И. Попов. «Минувшее и пережитое», Ленинград, 1924, кн. 2, стр. 8.

годы до 30 миллионов рублей. Из Китая шло в Кяхту до 400.000 пудов чаю, из России—сукна до 1,5 млн. аршин, плиса—3,5 млн. аршин, нанки—600.000 аршин, драдедама—120.000 аршин, льняных и пеньковых тканей—270.000 аршин, кожи—590.000 штук, мерлушки и проч.[565]. Но торговля попрежнему велась «менок товара на товар». Об этом говорит Карл Маркс, прекрасно знавший все особенности мировой торговли. Ссылаясь в своей работе «К критике политической экономии» на Кяхту, как на пример меновой торговли, Маркс пишет: «...серебро служит мерою цен в товарном обмене между Сибирью и Китаем, хотя эта торговля на деле является простой меновой торговлей». И ниже Маркс ещё раз подтверждает это: «...пограничная торговля у Кяхты представляет собою фактически и согласно договору меновую торговлю, в которой серебро—лишь мера стоимости»[566].

Постепенное падение кяхтинской торговли стало замечаться с 70-х годов XIX века, с открытия морской доставки чая через Одессу, которая значительно оттянула грузы и тем самым сократила приход их через Кяхту. Но не только открытие морского пути подрывало кяхтинскую торговлю. Известно, что русские фирмы в Кяхте монополизировали дело вымена чая и других китайских товаров на русские товары и русское серебро и золото. Они же держали в своих руках и чайную торговлю внутри России. Ещё в конце 60-х годов XIX века некоторые крупные русские торговцы стали посылать своих комиссионеров в Ханькоу и другие города Китая для закупки там чая. В то же время выступили английские фирмы, которые закупали чай для России и посылали его морем, что довольно сильно сказалось на кяхтинской торговле.

На упадок кяхтинской торговли имело также влияние открытие китайских портов для иностранных товаров, вследствие чего русские мануфактурные изделия, обременённые большими расходами на провоз, постепенно стали вытесняться в Китае изделиями, доставляемыми по морю из Англии, Германии и других стран.

Наконец, проведение через Сибирь железной дороги от Челябинска до Владивостока нанесло окончательный удар кяхтинской торговле. С этим окончился цветущий век и самой Кяхты. С 90-х годов XIX века она, как торговый центр, стала сходить на-нет. Вместе с нею стал хиреть и Троицкосавск, да не только Троицкосавск, но и китайский Маймачен. Прошлая слава и могущество Кяхты быстро угасали. На смену высокоторжественным одам, прославлявшим когда-то расцвет Кяхты, пришли поэтические произведения, полные тоски и грусти обедневшего кяхтинского купчины.

565 А. В. Черных. Торговые связи Монголии и Вост. Сибири, Иркутск, 1926, стр. 2.

566 К. Маркс. «К критике полит. экономии». Партиздат, 1935, стр. 81 и 145.

«Совсем не та слободка стала,
Пора златая миновала,
Как-бы в волшебный сон она
Стоит теперь погружена...
Увы! Мелькнули безвозвратно
Былые дни. Судьба превратна,
Промчались годы чередой
И час пробил.
Гремя цепями, Сибирь прорезал паровоз
И, оглушая даль свистками,
С чаями транспорты повёз...
И вот стоит теперь она,
Как-будто в сон погружена,
Былые годы вспоминая,
Совсем заглохшая, немая»...[567]

Это была лебединая песня купечества, связанного с кяхтинской торговлей. После Великой Октябрьской социалистической революции «мелькнули безвозвратно былые дни» всего российского купечества. Но историческое прошлое Кяхты, как места, где почти два века была сосредоточена вся русско-китайская торговля, привлекает и будет привлекать внимание исследователей.

---

567 Отрывок из стихотворения цит. по статье Ф. А. Кудрявцева: «В Троицкосавске и Кяхте», помещённой в журнале «Жизнь Бурятии» № 10—12 за 1928 год. Стр. 111—112. (Стихотворение, «повидимому, написано,— говорит Ф. А. Кудрявцев,— под впечатлением происходившего после проведения железной дороги упадка Кяхты кем-нибудь из представителей кяхтинской купеческой молодёжи»).

СПИСОК

ИСТОЧНИКОВ И ПОСОБИЙ

I. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

1—21. Сборники документов Иркутской земской избы с 1760 по 1790 г.г., №№ дел: 2, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 18, 19, 23, 25, 31, 32, 33, 37, 40, 41 и 42.

22—24. Сборники документов Иркутского губернского магистрата с 1770 по 1785 г.г., №№ дел: 18, 34 и 137.

25—35. Сборники документов Селенгинской городовой ратуши с 1735 по 1774 г.г., №№ дел: 8, 9, 13, 15, 16, 37, 48, 84, 89, 113 и 128.

36—42. Сборники документов Илимской воеводской канцелярии с 1731 по 1750 г.г., №№ дел: 270, 335, 865, 936, 1231, 1594 и 2019.

43. Сборники документов Киренского уездного суда за 1800 год, Дело № 24.

44—45. Ц.А.Д.А. Фонд Иркутского губернского суда, Дела № 83, 0.6, В. 8 (около 1790 г.) и № 60/382, В. 6,05 (1791 г.) (копии).

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ

а) Классики марксизма-ленинизма

1. Маркс, К. К критике политической экономии, Партиздат, 1935.
2. Ленин, В. И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, т. III, изд. 3-е.
3. Ленин, В. И. Возрастающие сопротивления, Полное собрание сочинений, т. XVI, изд. 3-е.
4. Ленин, В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности, Полное собрание сочинений, т. XXII, изд. 3-е.
5. Сталин, И. В. Вопросы Ленинизма, изд. IX, 1933.

б) Другие источники и пособия

6. Аристов, Н. Промышленность древней Руси, СПБ, 1866.
7. Андриевич, В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времён до 1762 г., СПБ, 1887.
8. Андриевич, В. К. Исторический очерк Сибири, т. III, Елизаветинский период 1742—1762 г.г., Томск, 1887.
9. Андриевич, В. К. Исторический очерк Сибири, т. IV, Екатерининское время, СПБ, 1887.
10. Арсеньев. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Ник. Спафария в 1676 году, СПБ, 1888, т. X, вып. I.

11. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», Перевод с английского Ю. В. Готье, без года.
12. Андреев, М. Из истории сношений России с Китаем (XVII—XX в.в.), «Северная Азия», кн. V—VI за 1925 г.
13. Андрианов. Русская торговля на границе Китая. «Восточное Обозрение», №№ 14 и 16 за 1882 г.
14. Анненкова, П. Воспоминания, Москва, 1932, Изд. 2-е.
15. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, Казань, 1882.
16. Бартольд, В. История изучения востока в Европе и России Ленинград, 1925.
17. Баснин, В. Н. Восточная Сибирь, Записка о командировке на остров Сахалин капитана-лейтенанта Подушкина, Москва, 1875.
18. Бахрушин, С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках, Москва, 1928.
19. Бахрушин, С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века. Сборник статей: «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», Петроград, 1922.
20. «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли»... Перев. с французского Поповым, ч. 1, СПБ, 1776.
21. «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли». Перев. с французского Поповым, ч. 2, СПБ, 1776.
22. «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли»... Перев. с французского Поповым, ч. 3, СПБ, 1776.
23. Берх, В. Хронологическая история открытия Алеутских островов, СПБ, 1823.
24. Боголепов, М. И., Соболев, М. М. Очерки русско-монгольской торговли, Экспедиция в Монголию в 1910 г.
25. Большаков, А. М. и Рожков, Н. А. История хозяйства России в материалах и документах, Вып. 2, Ленинград, 1925.
26. Бр. Бутины. Исторический очерк сношений русских с Китаем, Иркутск, 1871.
27. Брикнер, А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого, т. II, СПБ, без года.
28. Бурнашев, В. Очерк истории мануфактур в России, СПБ, 1833.
29. Вагин, В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири, т. I, СПБ, 1872.
30. Вагин, В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири, т. II, СПБ, 1872.
31. Васильев, А. П. Забайкальские казаки, т. I, Чита, 1916.
32. Васильев, А. П. Забайкальские казаки, т. II, Чита, 1916.
33. Венюков, М. Очерк современного Китая, СПБ, 1874.
34. Венюков, М. Очерк старых и новых договоров России с Китаем, СПБ, 1861.
35. Вигель, Ф. Ф. Записки, т. I, Москва, 1928.
36. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. 2, СПБ, 1854.
37. Georgi, J. Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches, Zweiter Teil, 1799.
38. Гирченко, В. П. К истории бурят-монголов-хоринцев первой половины XIX века, Верхнеудинск, 1926.
39. Гирченко, В. П. Прибайкалье, (Краткий исторический очерк), Верхнеудинск, без года.
40. Гирченко, В. П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах, Улан-Удэ, 1939.
41. Gmelins. Reise durch Sibirien, vor dem Jahr 1733 bis 1743, Erster Teil, Göttingen, 1751.
42. Gmelins. Reise durch Sibirien, vor dem Jahr 1733 bis 1743, Zweiter Teil, 1752.
43. Головачев, П. Иркутское лихолетье 1758—1760 г.г. («Летопись о Крылове» и её разбор), Москва, 1904.

44. Головачев, П. Сибирь в Екатерининской комиссии, Москва, 1889.
45. Головачев, П. М. Экономическая география Сибири, Москва, 1914.
46. «Граф Владиславич о Китае». Русский Архив № 8 за 1900 год.
47. Греков и Якубовский. Золотая Орда, Ленинград, 1937.
48. Греков. История народного хозяйства, т. I, Изд. Брокгауз-Ефрон, 1926.
49. Дербина, В. Первая сибирская мануфактура, Ленинград, 1932.
50. Дигамма. Торговля с Китаем, Томск, 1899.
51. «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»... за 1755 г.
52. «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»... за 1756 г.
53. «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»... за 1757 г.
54. Зинченко, Н. А. Россия и Китай, СПБ, 1889.
55. Зябловский, Е. Землеописание Российской империи для всех состояний, ч. 3, СПБ, 1810.
56. Зябловский, Е. Землеописание Российской империи для всех состояний, ч. 5, СПБ, 1810.
57. Известия сибирского отдела имп. русского географического общества, т. I, № 4—5.
58. Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Очерк, редактированный Сукачевым, Иркутск, без года.
59. Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова), Иркутск, 1911.
60. Иркутские епархиальные ведомости. № 19 за 1863 г.
61. История СССР, т. I, Москва, 1939.
62. История дипломатии, т. I, под редакцией Потёмкина, Москва, 1941.
63. Карамзин, Н. М. История государства Российского, Полное собрание сочинений, т. IX, Петербург, без года.
64. Карамзин, Н. М. То же, т. X.
65. Карамзин, Н. М. То же, т. XI.
66. Катанаев, Г. Е. Киргизская степь, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях, «Записки Зап.-Сибирского отд. Имп. Русск. Географического Общества», кн. 14. Омск, 1893.
67. Ключевский, В. О. Курс русской истории, ч. 4, Москва, 1910.
68. Ковалевский, Е. Путешествие в Китай, ч. I, СПБ, 1853.
69. Коган, И. И. Московские шёлковые фабрики первой половины XVIII века, «Старая Москва», Сборник I, Москва, 1929 г.
70. Коростовец, И. Китайцы и их цивилизация, СПБ, 1896.
71. Корсак, А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений с Китаем, Казань, 1857.
72. Костомаров, Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях, СПБ, 1862.
73. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей, Книга 3-я, Изд. 5-е, СПБ, 1913.
73a. Caster Histoire de Catherine II, imperatrice de Russie 3 t Paris.
74. «Краткий обзор внешней торговли через западную Сибирь» (исследования и материалы), без года.
75. «Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту», Москва, 1896.
76. К-в, Кяхта, Иркутские Губернские Ведомости № 41 за 1858 год.
77. Крашенинников, С. Описание земли Камчатки, т. I, СПБ, 1786 г.
78. Крашенинников, С. Описание земли Камчатки, т. II, СПБ, 1786.
79. Крит, Н. Будущность кяхтинской торговли, СПБ, 1862.

80. Крит, Н. Материалы для обсуждения вопросов о чайной торговле, СПБ, 1864.
81. Кудрявцев, Ф. А. В Троицкосавске и Кяхте, Журнал «Жизнь Бурятии» №№ 10—12, 1928, Верхнеудинск.
82. Кудрявцев, Ф. А. История Бурят-Монгольского народа (от XVII века до 60-х годов XIX века), Очерки, Москва—Ленинград, 19[illegible].
83. Кулишер, У. М. Очерк истории русской промышленности, Петроград, 1922.
84. Курц, Б. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII столетия, Киев, 1929.
85. Курц, Б. Г. Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII столетии, «Новый Восток», № 23—24 за 1928 г.
86. Курц, Б. Г. Колониальная политика России и Китая в XVII—XVIII веках, «Новый Восток», № 19 за 1927 г.
87. Кюнер, Н. В. Новейшая история стран Дальнего Востока, ч. 2, вып. 3, Владивосток, 1910.
88. Кюнер, Н. В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых, Изд. 2-е, Владивосток, 1914.
89. Лепехин, И. Дневные записи путешествия, ч. 3, СПБ, 1780.
90. «Летопись губернского города Иркутска» ([illegible]), «Первое столетие Иркутска» (Сборник материалов), Изд. В. П. Сукачева, СПБ, 1902.
91. Любименко, И. История торговых сношений России с Англией, вып. I, Юрьев, 1912.
92. Любомиров, П. Г. Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX веков, Изд. «Прибой», 1930.
93. Лященко, П. История народного хозяйства СССР, т. I, Москва, 1939.
94. Максимов, С. В. На востоке, Собрание сочинений, т. XII, ч. 2, СПБ, 1909.
95. Манассеин, В. С. Тельминская фабрика, ч. I, Иркутск, 1928.
96. Мартенс, Ф. Россия и Китай, СПБ, 1881.
97. Мартенс, Ф. О консулах и консульской юрисдикции на востоке, СПБ, 1873.
98. Мартос, А. Письма о Восточной Сибири, Москва, 1827.
99. Милюков, П. Очерки по истории русской культуры, ч. I, Изд. 5-е, СПБ, 1904.
100. Мичи, А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири, СПБ, 1868.
101. «Несколько слов о кяхтинской торговле» (Извлечено из №№ 199, 200 «Северной Пчелы»), СПБ, 1856.
102. Носков, И. А. Кяхта, Иркутск, 1861.
103. Носков, И. А. О сухопутной торговле с Китаем, СПБ, 1874.
104. Окунь, С. Б. Российско-американская компания, Москва—Ленинград, 1939.
105. О П. Китайская живопись, «Записки Сибирского отдела Импер. Русского Географического Общества», кн. 9 и 10, Иркутск, 1867.
106. «О чае в Сибири», «Восточное Обозрение» за 18[illegible] г.
107. Осокин, Г. На границе Монголии, СПБ, 1906.
108. Павлов, Чай и чайная торговля, Москва, 1860.
109. Палладий. Дорожные заметки по Монголии 1847—1859 г.г.
110. Палладий, К. Заметки о путешествии в Китай казака Петлина, «Записки Восточного отд. археологического общества», т. VI, 1892.
111. «Падение Кяхты», Газета «Байкал» (выходившая в Кяхте с 1887 г.) № 10 от 3 августа 1887 г.
112. «Падение Кяхты», Газета «Байкал» № 12 от 23 августа 1887 г.
113. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, кн. 2, ч. 2, СПБ, 1788.
114. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 3, половина первая, СПБ, 1788.
115. «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. I, СПБ, 1882.
116. «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 2, СПБ, 1885.

117. Паркер, Э. Китай, его история и торговля с древнейших времён до наших дней, Перевод с английского, СПБ, 1903.

118. Покровский, Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). «Известия отд. русского языка и словесности Императ. Академии наук», т. XVIII, кн. 4, СПБ, 1914.

119. Полное собрание законов Российской империи, СПБ, т. VII, 1830.

120. То же, т. VIII

121. То же, т. IX

122. То же, т. X

123. То же, т. XI

124. То же, т. XII.

125. То же, т. XIV

126. То же, т. XV

127. То же, т. XVI

128. То же, т. XIX

129. То же, т. XX

130. То же, т. XXII

131. То же, т. XXIV

132. То же, т. XXV

133. Попов, И. И. Минувшее и пережитое, Сибирь и эмиграция, Воспоминания за 50 лет, кн. 2, Ленинград, 1924.

134. Птицин, В. Селенгинская Даурия, «Очерки Забайкальского края», СПБ, 1896.

135. Пясецкий, К. Я. Путешествие по Китаю в 1874—1875 г.г., т. I, Москва, 1882.

136. Радищев, А. Н. О торговле с Китаем, Полное собрание сочинений, т. II, Москва, 1907.

137. Радищев, А. Н. Письмо о китайском торге, Полное собрание сочинений, т. II, Москва—Ленинград, 1941.

138. Разумов, Н. И. Забайкалье, СПБ, 1899.

139. Риттер, К. Землеведение Азии, т. III, СПБ, Изд. Р.Г.О.

140. Рожков, Н. К истории народного хозяйства Сибири, Известия Вост.-Сибирского отд. Русского Географического Общества, том 41, Иркутск, 1915.

141. Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоанна-Готгильфа Фоккеродта», Перевод А. Н. Шемякина, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 2, Москва, 1876.

142. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография, Госполитиздат, 1941.

143. Руссель-Киллуга. Через Сибирь в Австралию и Индию, СПБ, 1875.

144. «Русское государство в половине XVII века», СПБ, 1913.

145. Рычков, П. Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии, ч. I, СПБ, 1762.

146. Самойлов, Л. М. Исторические и статистические исследования о кяхтинской торговле, Сборник статистических сведений о России, отд. 2, СПБ, 1854.

147. Сачновский, К. А. Записка о нуждах в деле русской торговли с Китаем, Москва, 1875.

148. Сборник договоров России с Китаем и Японией, вып I, Иркутск, 1880.

149. Сборник договоров России с Китаем и Японией, вып. III (приложение к договору 1727 г. и приложение к Пекинскому договору), Иркутск, 1882.

150. Сборник договоров России с Китаем (1689—1881 г.г.), Изд. министерства иностранных дел, СПБ, 1889.

151. Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук («Дневник Клавихо»), т. XVIII, СПБ, 1881.

152. Свечников, А. П. Русские в Монголии, СПБ, 1909.

153. Семенов. Географический словарь Российского государства, т. II, Москва, 1852.

154. Семенов, А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. I, СПБ, 1859.

155. Семенов, А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. 2, СПБ, 1859.

156. Семенов, А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. III, СПБ, 1859.

157. Семивский. Н. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, СПБ, 1817.

158. Серебренников, И. И. Албазинцы, Пекин, 1922.

159. Сказания русского народа, Собраны Сахаровым, т. 2, СПБ, 1849.

160. Словарь географический Российского государства, Собран Щекатовым, ч. I, Москва, 1801.

161. Словарь географический Российского государства, Собран Щекатовым, ч. 2, Москва, 1803.

162. Словарь географический Российского государства, Собран Щекатовым, ч. 3, Москва, 1804.

163. Словарь географический Российского государства, Собран Щекатовым, ч. 6, в. I, Москва, 1804.

164. Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири, СПБ, 1886.

165. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен, т. III, Изд. 5, Москва, 1880.

166. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен, т. XII, Изд. 2-ое, Москва, 1870.

167. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен, т. XIII, Изд. 3-е, Москва, 1878.

168. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен, т. XVI, Изд. 2-е, Москва, 1874.

169. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен, т. XIX, Изд. 2-е, Москва, 1876.

170. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен, т. XXII, Москва, 1872.

171. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен, т. XXV, Москва, 1872.

172. Спасский, Г. О торговых сношениях России с Западным Китаем (Отрывок «Обозрение торговых и частью государственных сношений России с Китаем и Средней Азией»), Москва, 1856.

173. Стахеев, Д. И. За Байкалом и на Амуре, СПБ, 1869.

174. Стахеев, Д. И. От Китая до Москвы (История ящика чаю), Очерки, СПБ, 1870.

175. Субботин. Россия и Англия на средне-азиатских рынках, СПБ, 1885.

176. Субботин, А. П. Чай и чайная торговля в России и других государствах, СПБ, 1892.

177. С. Ш. Сибирь на юбилее, Сборник статей по Сибири.

178. Сычевский. Историческая записка о китайской границе, Москва, 1875.

179. Таможенные книги Иркутска за 1702 г., «Первое столетие Иркутска». (Сборник материалов), Изд. В. П. Сукачева, СПБ, 1902.

180. Тихменев, П. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании..., ч. I, СПБ, 1861.

181. Труды Учёной Архивной Комиссии, вып. I, Иркутск, 1913.

182. Труды Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императ. русского географического общества, вып. 3, Москва, 1899.

183. Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем, Москва, 1882.

184. Туган-Барановский. Русская фабрика, т. I, Изд. 7-е, Москва, 1938.

185. Уляницкий, В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке, ч. 2 (приложения), Москва, 1899.

186. Успенский, Д. Из истории русских сношений с народами Востока (По архивным документам), «Русская Мысль», кн. 4, Москва, 1904.

187. Успенский, Д. Из истории русских сношений с народами Востока, «Русская Мысль», кн. 11, Москва, 1904.

188. Федоров, М. П. Соперничество торговых интересов на Востоке, СПБ, 1903.

189. Фирсов, Н. Н. Чтение по истории Сибири, вып. 2, 1921.

190. Фирсов, Н. Н. Русские торгово-промышленные компании в 1-ой половине XVIII столетия, Изд. 2-е, Казань, 1922.

191. Фишер, Иоганн. Сибирская история, СПБ, 1774.

192. Харнский, К. Китай с древнейших времён до наших дней, Хабаровск—Владивосток, 1927.

193. Хромов, П. К истории русской экономической мысли, «Большевик» № 6, Март, 1944.

194. Черных, А. В. Торговые связи Монголии и Восточной Сибири, Иркутск, 1926.

195. Черных, А. В. Ярмарки Иркутской губернии, Иркутск, 1926.

196. Чулков, М. Историческое описание российской коммерции, т. III, кн. 1, Москва, 1785.

197. Чулков, М. Историческое описание российской коммерции, т. III, кн. 2, Москва, 1785.

198. Чулков, М. Историческое описание российской коммерции, т. IV, Москва, 1785.

199. Чулков, М. Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 1, Москва, 1786.

200. Шумахер, П. В. Наши сношения с Китаем (1567—1805), Исторический очерк, «Русский Архив» № 6, 1879.

201. Щапов, А. П. Сибирское общество до Сперанского, Полное собрание сочинений, т. III, СПБ, 1908.

202. Щебальский, П. Чтение из русской истории, вып. 6, Изд. 2-е, Варшава, 1880.

203. Щеглов, И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, Иркутск, 1883.

204. Эйрис. Живописное путешествие по Азии, т. I, Москва, 1839.

205. Юзефович, Т. Договоры России с Востоком, СПБ, 1869.

206. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония, СПБ, 1892.

